

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Серета С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. – ученый секретарь Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Крымов А.А. – начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Тимофеев Ю.Ю. – начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Поздняков В.М. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С.А. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. – начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. – профессор кафедры уголовного процесса и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Бекбатыров Н.Ж. – начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Кузьминых А.Л. – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Лапшин В.Ф. – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Спасенников Б.А. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. – директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. – начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 2 (22)

Вологда 2013

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Е.Г. БАГРЕЕВА

Об этнокультурных причинах преступности 4

А.В. ИВАНЧИН

Традиционное определение состава преступления нуждается в уточнении 7

А.В. ЗВОНОВ, С.А. ПИЧУГИН

Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества 11

В.Ф. ШИРЯЕВ

Место признаков (элементов), относящихся к потерпевшему, в системе состава преступления 15

К.В. ОБРАЖИЕВ

Формальные (юридические) источники российского уголовного права с позиции предмета уголовно-правового регулирования 19

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

В.И. ЗУБКОВА

Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития. 24

А.А. РЫБАКОВ

К вопросу о последствиях нарушения общественного порядка условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания. 30

Е.Е. НОВИКОВ

Правовое положение осужденных, направляемых в места лишения свободы: проблемы реализации и направления совершенствования 33

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

А.С. ШАТАЛОВ

Дознание как форма предварительного расследования преступлений: правовые и организационные основы 37

О.А. БЕЛОВ

Вопросы взаимодействия ФСИН и МВД России при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений. 46

А.М. ЛЮТЫНСКИЙ

Доказывание на стадии предварительного расследования: некоторые проблемы и решения 49

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 52

Р.В. РЮМИН

Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе вуза. 52

Н.Г. СОБОЛЕВ, Е.В. КРЮКОВА

О реализации психокоррекционной программы «Про- социальное развитие личности несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций» 56

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. 61

А.Ю. КИНЁВ

Административно-процессуальные аспекты противодействия недобросовестной конкуренции 61

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 64

Н.А. БЕЛОВА

История ГУЛАГа в современной историографии 64

С.А. БОРОВИКОВ, Е.О. РЯБКОВА

Проблемы и перспективы применения ограничения свободы в контексте реформирования УИС 70

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 76

А.Р. ПАВЛУШКОВ

Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв. 76

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР 82

В.В. ЧЕРНЯВСКИЙ

Правовой статус остарбайтеров как следствие реализации политико-экономических интересов руководства Третьего рейха. 89

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 94

А.Н. БАЛАМУТ, М.А. ЧЕРКАСОВА

Опыт функционирования системы «социальных лифтов» в пенитенциарных учреждениях зарубежных государств (психологический аспект) 94

РЕЦЕНЗИИ 99

О.Н. БЕЛОВА

Рецензия на практические рекомендации «Применение уголовно-процессуальных мер в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых», подготовленные кандидатом юридических наук, доцентом Колпаковой Л.А. и кандидатом юридических наук, доцентом Спиридоновой Ю.Н. 99

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 99

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 102

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 103

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION 4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

E.G. BAGREEVA

On ethno-cultural causes of crime 4

A.V. IVANCHIN

Traditional definition of structure of a crime needs specification 7

A.V. ZVONOV, S.A. PICHUGIN

Causes and circumstances analysis of repeat offenses of the offenders sentenced to the measures without isolation 11

V.F. SHIRYAEV

The place features (elements) related to the victim of a crime in the system of the corpus delicti 15

K.V. OBRAZHIEV

Official (Legal) Sources of the Russian Criminal Law Viewed From the Object of Criminal Law Regulation . . . 19

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

V.I. ZUBKOVA

Execution of imprisonment for convicted resocialization: problems and prospects 24

A.A. RYBAKOV

To the question about consequences of violation of public order by the convicts of parole 30

E.E. NOVIKOV

The legal status of prisoners sent to prisons: implementation problems and improvement directions 33

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

A.S. SHATALOV

Inquiry, as a form of pre-trial investigation of crime: the legal and institutional framework 37

O.A. BELOV

Interaction of the Russian Federal Penitentiary Service and Ministry of Internal affairs of Russia in international search of persons escaped from a correctional facility 46

A.M. LIUTYNSKIY

Proof at the preliminary investigation stage: some problems and solutions 49

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK 52

R.V. RYUMIN

The use of information and communication technologies in educational process of high school 52

N.G. SOBOLEV, E.V. KRUKOVA

On implementation of the psychocorrection program «Prosocial personality development of juvenile alternatively convicted minors» 56

TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY 61

A.YU. KINEV

Administrative procedural aspects of unfair competition resistance 61

DISCUSSION IS WELCOME 64

N.A. BELOVA

History of GULAG in the modern historiography 64

S.A. BOROVNIKOV, E.O. RYABKOVA

Problems and perspectives of the use of freedom restriction in the context of the penal system reforming 70

HISTORY PAGES 76

A.P. PAVLUSHKOV

Peculiarities of formation of ecclesiastical jurisdiction in penal policy of the XVIII-XIX centuries. 76

A.L. KUZMINYKH

Protection of prisoners of war and internees in the camps of the NKVD-MVD of the USSR 82

V.V. CHERNIAVSKIY

Legal status of OST-arbiters like consequence of the implementation political and economic interests of the leadership of Third Reich 89

OUR RESEARCHES 94

A.N. BALAMUT, M.A. CHERKASOVA

The experience of functioning of the «social elevators» system in foreign states penitentiary institutions (psychological aspect) 94

REVIEWS 99

O.N. BELOVA

Review of practical recommendations «Practice of criminal procedure measures of juvenile suspects and defendants», prepared by Ph.D. in Law, Assistant Professor L.A. Kolpakova and Ph.D. in Law, Assistant Professor Y.N. Spiridonova 99

NOVELTIES OF LITERATURE 99

INFORMATION, ADVERTISEMENTS 102

INFORMATION ABOUT THE AUTORS 104

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Об этнокультурных причинах преступности

Е.Г. БАГРЕЕВА – профессор кафедры социальной работы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье анализируется влияние особенностей этнической культуры на формирование отклонений в поведении личности. Особое внимание уделено описанию характеристик культуры коллективизма и культуры индивидуализма как факторов дезадаптации человека в социуме и совершения им преступлений.

Ключевые слова: преступность; дезадаптация; миграционный процесс; этничность; адаптация; социализация; культура коллективизма; культура индивидуализма.

On ethno-cultural causes of crime

E.G. BAGREEVA – Professor of the Chair of Social Work in the Penal Service of the Vologfa Institute of Law and Economics if the FPS Russia, Doctor of Law, Professor

This article analyzes the impact of the features of ethnic culture on the formation of the deviations in the behavior of the individual. Particular attention is being paid to the characteristics of the culture of collectivism and individualism as cultural factors maladjustment in human society and the commission of a crime.

Key words: crime; maladjustment; the migration process; ethnicity; adaptation, socialization; culture of collectivism and individualism culture.

На фоне мирового тотального смешения и рассеяния народов политические, социально-экономические преобразования в нашем государстве привели к разрушению культурной, национальной, то есть социокультурной стабильности. До настоящего времени происходит национально-территориальный, этнокультурный передел страны.

В этих условиях преступность на межэтнической почве видится результатом влияния целого ряда факторов. Миграция народов, дезадаптационные процессы мигрирующего населения, проблемы в социа-

лизации имеют следствием конфликт культур, нередко выливающийся в преступное поведение его представителей.

Уже с конца 70-х гг. XX в. в отечественных и зарубежных исследованиях отмечалось возрастание роли этнических факторов в жизни не только всего общества в целом, но и отдельных групп и человека. Так, Э. Эриксон обратил внимание на особую связь определенных общественных процессов и поведения человека¹.

Этничность как один из системообразующих факторов общества может способст-

воват созданию условий для проявления отклоняющегося от общепринятых норм поведения.

По мнению ведущих этнологов, культурологов, психологов, этничность может характеризоваться тремя группами признаков: климато-географическими, расово-биологическими и социокультурными².

Мы остановимся на характеристике лишь социокультурных проблем этноса, приближающих нас к пониманию и объяснению преступного поведения его представителей в отношении других граждан.

Для жизни современной России характерны значительные миграционные процессы. Армяне и грузины, азербайджанцы и вьетнамцы образуют сегодня в России большие диаспоры. Как правило, они живут обособленно, и на российскую землю их привела лишь возможность заработать. Массовое перемещение представителей того или иного этноса, добровольно или вынужденно покидающих территорию места формирования своей этнической культуры и переселяющихся в иное географическое, культурное пространство, называется миграцией.

Понятно, что мигранты вынуждены вступать во взаимодействие с представителями доминирующей культуры – так начинается процесс адаптации. В данном случае процесс адаптации связан с кризисом этнической идентификации, который, по мнению ряда ученых, проявляется, прежде всего, в девальвации ценностей и морали, возникновении чувств ущербности и вины, тревоги, беспокойства, страха перед будущим, безысходности, в появлении суицидальных тенденций, общем снижении настроения, потере интереса к жизни, состоянии апатии, социальной самоизоляции, в проявлении признаков общей дезорганизации поведения.

От того, насколько успешной будет адаптация этноса к доминирующей культуре, зависит его морально-нравственное, психическое и физическое здоровье.

По характеру преступлений на межэтнической почве можно поставить и более серьезный диагноз – вырождение этноса³. М. Нордау характеризует это явление так: «Один не развит, другие болезненно возбуждены. Почти у всех больных этого рода отсутствуют чувства нравственности и справедливости. Для них не существует никакого закона, никакого приличия, никакого стыда. С величайшим спокойствием и самодовольством они совершают преступления и зазорные поступки только для того, чтобы удовлетворить минутному влечению, склон-

ности, капризу, и удивляются, что другие им не сочувствуют»⁴.

Многие ученые рассматривают падение воспроизводства населения как естественный результат вырождения. Так, коренные народы Севера России, насколько это известно из демографических исследований, с XVII в. до 70-х гг. XX в. сохраняли относительную стабильность уровня воспроизводства населения. В последней трети XX столетия ситуация резко изменилась: произошло существенное сокращение их численности⁵. Значительно возросло потребление алкоголя на душу населения, намного выше стала обращаемость коренных жителей Севера в психоневрологические диспансеры, увеличилось количество самоубийств и немотивированных актов насилия⁶. Все это связано не только с падением воспроизводства, но и с ростом психоэмоциональной напряженности (тревоги), выступающей условием возникновения отклоняющегося, делинквентного поведения и алкоголизации⁷.

Кроме того, этнические, национальные причины преступности тесно связаны с проблемами социализации.

Ученые признают социализацию успешной, если индивид осваивает необходимые социальные роли, воспринимает одобряемые данным обществом ценности, а также социальные нормы, стереотипы поведения, характерные для доминирующей культуры.

В результате успешной социализации у индивида должно родиться субъективное ощущение единства и неразрывности со всем социальным окружением и за пределами диаспоры.

По мнению Э. Эриксона, кризис в процессе социализации – дезадаптация – приводит индивида к отклонениям в поведении, крайней формой которых может стать преступление.

Отклоняющееся поведение можно определить как форму дезорганизации поведения индивида или категории лиц в обществе, обнаруживающую несоответствие сложившимся ожиданиям, моральным, правовым и культурным требованиям социума. Тогда правонарушения есть суть уже возникших проблем личности во взаимоотношениях с обществом и его культурой. Одним из факторов противоправного поведения выступают отклонения личности в социокультурной идентификации. Для сегодняшних мигрантов соответствующий процесс осложнен временем разрушения ценностей, аномией (термин Э. Дюркгейма⁸) в самой России.

Все сказанное выше связано и с разностью самих культур. Кросс-культурные исследования разных стран и народов помогли соотнести особенности их культур с выявленными стереотипами поведения их представителей.

Исследователи различают культуры коллективизма (Южная Италия, Греция, Корея, Пакистан, Индонезия, Португалия, Япония, Китай, большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки) и индивидуализма (США, Австралия, Великобритания, Канада, Швеция, Бельгия, Дания, Франция и др.)⁹. В индивидуалистической культуре люди нацелены на разрешение конфликта легальным путем, поэтому в ней много юристов, судов и гораздо больше судебных прецедентов, чем в коллективистской культуре, в рамках которой конфликт разрешается неформально, с использованием посредников – авторитетных родственников или знакомых.

В традиционных культурах коллективизма, с одной стороны, обычно ниже криминальный уровень, что связано с типом социализации: забота о детях, поощрение взаимной зависимости позволяет избежать проблем, связанных с преступностью, алкоголизмом и наркоманией. С другой стороны, авторитаризм и давление на личность в коллективистских культурах ощутимее – детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям. При таком типе культуры выше вероятность авторитарных режимов, для которых характерны преследования инакомыслящих, конкуренция за власть между отдельными группами, в ходе которой никто не думает о народе в целом.

Среди преимуществ индивидуализма следует назвать мультикультурализм, демократию, а также акцент на правах отдельной личности. Наказывается один человек и только за свои проступки в соответствии с законом. Личность может развивать свои таланты, и это выгодно всему обществу, так как экономика формируется в результате приложения энергии отдельных людей. Однако индивидуализму сопутствуют одиночество и семейные конфликты, разводы и

отчуждение, детская преступность и ранняя беременность, наркотики и самоубийства, СПИД и убийства. Моральные авторитеты отсутствуют, и все держится на законах. Исследования показали, что «высокая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием, когда деньги – основной мотив поведения личности. Оказалось, что поведенческие нарушения и преступления выше среди материалистов. Также высокий уровень дистрессов связан с высоким стремлением к власти, с желанием контролировать, подавлять других – комплексом мотивов, свойственных индивидуалистическим культурам»¹⁰.

Россия сегодня переживает переход от культуры коллективизма к культуре индивидуализма. Мигранты же в основном являются представителями коллективистских культур. Применительно к преступлениям на межэтнической почве можно говорить об объективном столкновении, или конфликте, культур. Еще в 1936 г. Т. Селлин исследовал в качестве криминогенного фактора конфликт между культурными ценностями различных сообществ¹¹.

Если одним из компонентов этнопсихологической характеристики народа является высокий уровень толерантности к преступности как таковой или к отдельным ее проявлениям, то представляется невозможным в короткий исторический период изменить это отношение с помощью правовых, моральных, идеологических и культурных норм или образования. Однако это не означает, что к данному изменению не надо стремиться, а лишь подчеркивает важность принятия экстренных мер уже сегодня.

Грамотный этнопсихологический анализ, на наш взгляд, позволит криминологам дать прогноз наиболее типичных тенденций в структуре преступности общества. От понимания того, какой тип культуры характерен для нашей страны, сегодня зависит не только разработка тех или иных программ, координирующих деятельность субъектов системы профилактики, но и определение путей расследования преступлений на межэтнической почве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y., 1975.

² См.: Сухарев А.В. Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия. М., 1998. С. 9.

³ См.: Осипов В.Н. Записки славянофила. Пг., 1921.

⁴ Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 28.

⁵ См.: Афанасьева Г.М. Современные тенденции репродуктивных процессов у народов Севера. М., 1995; Соколова З.П. Народы Западной Сибири. М., 1989; Пика А.И., Прохоров Б.Б. Нетрадиционализм на российском Севере. М., 1994.

¹ См.: Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y., 1975.

² См.: Suharev A.V. Jetnofunkcional'naja psihologija: issledovanija, psihoterapija. M., 1998. S. 9.

³ См.: Osipov V.N. Zapiski slavjanofila. Pg., 1921.

⁴ Nordau M. Vyrozhdenie. M., 1995. S. 28.

⁵ См.: Afanas'eva G.M. Sovremennye tendencii reproduktivnyh processov u narodov Severa. M., 1995; Sokolova Z.P. Narody Zapadnoj Sibiri. M., 1989; Pika A.I., Prohorov B.B. Netradicionalizm na rossijskom Severe. M., 1994.

⁶ См.: Шулындин П.П. Национальная психология: структура, общность, социальная роль. М., 1984.

⁷ См.: Короленко Ц.П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л., 1978.

⁸ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1912.

⁹ См.: Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998. С. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Селлин Т. Конфликт культур и преступность // Социология преступности. М., 1966. С. 282–287.

⁶ Sm.: Shulyndin P.P. Nacional'naja psihologija: struktura, obshhnost', social'naja rol'. M., 1984.

⁷ Sm.: Korolenko C.P. Psihofiziologija cheloveka v jekstremal'nyh uslovijah. L., 1978.

⁸ Sm.: Djurkgejm Je. Samoubijstvo. SPb., 1912.

⁹ Sm.: Lebedeva N.M. Vvedenie v jetnicheskiju i kross-kul'turnuju psihologiju. M., 1998. S. 75.

¹⁰ Tam zhe.

¹¹ Sm.: Sellin T. Konflikt kul'tur i prestupnost' // Sociologija prestupnosti. M., 1966. S. 282–287.

Традиционное определение состава преступления нуждается в уточнении

А.В. ИВАНЧИН – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент

В статье с позиций современной уголовно-правовой доктрины анализируется понятие состава преступления. Автор доказывает, что традиционное его определение требует корректировки. В итоге делается вывод о том, что состав преступления – это система признаков, характеризующих деяние не просто как преступное, а как определенное преступление. Под определенным преступлением предлагается понимать деяние, указанное в части статьи или неделимой на части статье Особенной части УК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : состав преступления; признаки преступления; уголовно-правовая доктрина; определенное преступление.

Traditional definition of structure of a crime needs specification

A.V. IVANCHIN – Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State P.G. Demidov University, PhD. in Law, Associate Professor

In article the analysis concept of structure of a crime is carried out from modern positions of the criminal doctrine. The author proves that his traditional definition demands adjustment. As a result the author draws a conclusion that the structure of a crime is a system of the signs characterizing act it is not simple as criminal, and as a certain crime. In turn he suggests to understand the act specified regarding article or indivisible article a parts of the Special part of the criminal code as a certain crime.

Key words: the offense of a crime; elements of crime; criminal law doctrine; certain crime.

В середине прошлого века (1954–1955 гг.) в результате острой научной дискуссии большинство отечественных ученых пришло к выводу, что состав преступления – это совокупность установленных уголовным законом признаков, характеризующих определенное общественно опасное деяние в качестве преступления¹. Достигнутое единодушие в определении понятия состава преступления нашло отражение в работах

А.Н. Трайнина, В.Н. Кудрявцева, А.А. Пионтовского, Я.М. Брайнина и многих других криминалистов, исследовавших упомянутую проблему². Не противоречат данной формулировке и современные определения состава преступления³.

На наш взгляд, традиционная дефиниция не способна, как того требует формальная логика, «выделить данный предмет, отличить его от других предметов»⁴ (поскольку неяс-

но, в качестве какого именно преступления состав характеризует деяние). Значит, указанное определение не вполне удовлетворительно в научном отношении. Кроме того, оно применимо лишь к основному составу преступления, совокупность признаков которого достаточна для отнесения соответствующего деяния к преступлениям. И в этом смысле следует согласиться с распространенным утверждением о необходимости и достаточности признаков состава для характеристики деяния как преступного⁵. В то же время очевидно, что квалифицирующие и привилегирующие признаки состава не являются необходимыми для отнесения деяния к кругу преступных. Для этого достаточно и признаков основного состава, так называемых конструктивных. Например, признак проникновения в помещение или иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ) не обязателен для признания содеянного преступлением (кражей). Прежде всего учитываются признаки ч. 1 ст. 158 УК РФ. Квалифицирующие признаки выступают средством дифференциации ответственности, что выражается в новых пределах наказуемости квалифицированного вида преступления. Это дало повод ряду ученых соответствующим образом уточнить классическое определение состава преступления. Например, Е.В. Благов с учетом природы квалифицирующих признаков состава пришел к выводу о том, что «состав преступления – это совокупность признаков, предусмотренных Уголовным кодексом и определяющих преступность соответствующего деяния или дифференцирующих его наказуемость»⁶.

Однако и этот подход не дает ответа на вопрос, в качестве какого именно преступления состав характеризует деяние. Функциональное назначение признаков состава – определение круга преступного и дифференциация ответственности – есть лишь следствие обособления того или иного состава. Все это наводит на мысль, что совокупность признаков состава позволяет оценить деяние не как преступное вообще или преступное с усиленной (пониженной) ответственностью, а как определенное преступление. Так, квалифицированный состав убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ) включает признаки, позволяющие охарактеризовать деяние именно как квалифицированное убийство, основной состав кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ) – именно как такую (простую) кражу, то есть как специфическое преступление.

А искажает суть дела, как обычно, проблема терминологического свойства: в док-

трине отечественного уголовного права под составом преступления традиционно понимается состав определенного преступления. «Каждый состав преступления... есть юридическое понятие об определенном роде преступлении», – отмечал А.А. Пионтковский⁷. Говорим «состав преступления», а подразумеваем состав какого-либо отдельного преступления (простого или квалифицированного убийства и т.д.). С позиции логики такой подход, конечно, сомнителен, поскольку состав преступления есть уголовно-правовая категория, то есть предельно широкое понятие в данной области знаний, над которым не может быть никаких еще более общих понятий. «Термин "состав преступления", – писал В.Е. Жеребкин, – выражает общее понятие, подобно тому как осуществляют эту функцию термины "человек", "государство" и др.»⁸. Поэтому более правильно, по мнению этого исследователя, составом преступления именовать ту совокупность признаков, которая присуща всем без исключения преступлениям. В науке ее принято называть общим составом преступления. Думается, однако, что отказ от общепринятой терминологии (прочно вошедшей и в законодательный оборот) – большее зло, нежели условность, вкладываемая в термин «состав преступления» (просто данную условность нужно иметь в виду, оперируя им).

Итак, состав преступления есть система признаков (элементов) определенного преступления. Но что значит «определенное»? Какова мера этой определенности? Поскольку состав преступления описан в законе, ответ на поставленные вопросы резонно, на наш взгляд, искать в самом законе, его структурных подразделениях, в том числе в диспозициях статей, которые, по образному выражению А.Н. Трайнина, выступают «жилплощадью» состава преступления⁹.

Отталкиваясь от этого, мы пришли к выводу о том, что под определенным преступлением должно пониматься преступление, предусмотренное частью статьи или статьей Особенной части УК РФ, если она не делится на части. Так, составом определенного преступления будут как основной (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и квалифицированный составы убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), так и состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Если в части статьи выделены пункты, то они закрепляют альтернативные признаки одного и того же состава преступления. Например, убийство в составе преступной группы (п. «ж») и из корыстных побуждений (п. «з») – это альтернативные признаки одного и того

же состава преступления, а именно квалифицированного состава убийства.

В пользу предложенного понимания рамок состава преступления говорит, прежде всего, тот факт, что именно данные структурные единицы Уголовного кодекса (неделимые статьи или части статей) содержат самостоятельную санкцию. Санкция же строится (или должна строиться) в зависимости от того, запрет совершения какого именно преступления она подкрепляет. Кроме того, наказуемость как признак преступления находит свое предметное выражение, прежде всего, в санкции статьи Особенной части. Понятно, что эта санкция дополняется положениями Общей части УК РФ, но «ядро» наказуемости образует именно санкция. Наказуемость же является признаком преступления, а потому ее присутствие в отдельном структурном элементе одновременно означает и то, что последний содержит описание самостоятельного, отдельного преступления.

Добавим также, что сделанный нами вывод подтверждает и общепризнанное деление составов на основные, квалифицированные и привилегированные. В рамках данной классификации самостоятельное значение придается как составу, представленному в первых частях статей Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 126 и т.д.), так и составу, предусмотренному частями вторыми этих статей (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 126 и т.д.).

Определяя границы состава преступления в рамках отдельной статьи (неделимой на части) или части статьи Особенной части УК РФ, мы не утверждаем, что в этом подразделении уголовного закона содержатся все признаки данного состава. Разумеется, речь идет о наличии лишь некоторых из них. Другая их часть из соображений законодательной техники размещена в Общей части УК РФ и в порядке исключения в примечаниях к статьям Особенной части (признаки должностного лица – в примеч. 1 к ст. 285 УК РФ; негативные признаки объективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий – в примечании к ст. 151 УК РФ).

Большинство общих признаков определенных преступлений выражено в Общей части УК РФ: признаки субъекта (ст. 19–21), умысла (ст. 25), неосторожности (ст. 26), признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния, как негативные признаки преступления (ст. 37–42) и др. В дефиниции же состава преступления мы считаем необ-

ходимым указать только две статьи из Общей части (30 и 33), на которые в силу закона обязательна ссылка при квалификации преступления (как известно, состав – это основа квалификации).

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, принципиально важное для понимания состава преступления. Состав преступления – это не явление объективной действительности, а явление законодательное, нормативное. И существует он не в реальности, а в уголовном законе. В жизни все преступления причиняют какие-либо последствия, обладают пространственными и временными рамками, но конструктор (законодатель) нередко оставляет их за пределами состава, характеризуя соответствующее преступление в законе. Например, в реальной действительности разбой, как правило, выражается в изъятии имущества. Состав же его не такой: это лишь нападение (ч. 1 ст. 162 УК РФ). В итоге разбой как преступление – это не изъятие имущества, а нападение с этой целью. В этом и заключается специфика состава: преступления и их составы таковы, как они представлены в уголовном законе. Значит, признаки и элементы состава устанавливаются, задаются уголовным законом, описываются в нем, предусмотрены им. Эта деталь – нормативная природа состава – представляется очень важной. Только такой (нормативистский) подход позволяет осуществить классификацию составов преступлений и понять многие явления, с этим связанные. К такому же выводу приходит еще один современный исследователь состава Ю.Е. Пудовочкин: «Нормативистское учение о составе преступления наиболее точно отражает суть данного феномена»¹⁰.

Последний принципиальный момент в понимании состава преступления связан с его соотношением с основными признаками преступления – общественной опасностью и уголовной противоправностью. Это тема отдельного диспута, для целей же настоящей статьи подчеркнем, что, на наш взгляд, из нормативной природы состава проистекает его формальная сущность. Иными словами, общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение формального признака преступления (признака уголовной противоправности). Поэтому состав характеризует содеянное не как преступление (в единстве всех признаков последнего, включая общественную опасность), а как предусмотренное (запрещенное) уголовным законом.

Суммируя изложенное выше, сформулируем дефиницию состава преступления: это система признаков, характеризующих деяние как предусмотренное уголовным зако-

ном в качестве определенного преступления (то есть указанного в части статьи или неделимой статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 30, 33 УК РФ или без таковой).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовное право. История юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1987. С. 42.

² См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 59–60; Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 78; Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 2: Преступление. С. 89; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 92.

³ См., напр.: Уголовное право России. Общая часть: Учеб. / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 84; Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 115; Уголовное право. Общая и Особенная части: Учеб. для вузов / Под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. С. 97; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2006. С. 86; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.С. Комисарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 35; Коробеев А.И., Чанхай Лун. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2013. С. 49.

⁴ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учеб. для юридических вузов. М., 1999. С. 47.

⁵ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001; Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1: Преступление и наказание. С. 307. В этой связи справедливым представляется замечание Л.Л. Кругликова о том, что учение о составе преступления традиционно ориентировано на основной состав преступления, признаки которого, действительно, минимально необходимы для обоснования уголовной ответственности (см.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 85).

⁶ Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 30.

⁷ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Т. 2: Преступление. С. 96.

⁸ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 72.

⁹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 274.

¹⁰ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: Учеб. пособие. М., 2009. С. 6.

¹ См.: Уголовное право. История юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1987. С. 42.

² См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 59–60; Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 78; Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 2: Преступление. С. 89; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 92.

³ См., напр.: Уголовное право России. Общная часть: Учеб. / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 84; Уголовное право. Общная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 115; Уголовное право. Общная и Особенная части: Учеб. для вузов / Под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. С. 97; Уголовное право Российской Федерации. Общная часть: Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2006. С. 86; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.С. Комисарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 35; Коробеев А.И., Чанхай Лун. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2013. С. 49.

⁴ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учеб. для юридических вузов. М., 1999. С. 47.

⁵ См.: Курс российского уголовного права. Общная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001; Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1: Преступление и наказание. С. 307. В этой связи справедливым представляется замечание Л.Л. Кругликова о том, что учение о составе преступления традиционно ориентировано на основной состав преступления, признаки которого, действительно, минимально необходимы для обоснования уголовной ответственности (см.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 85).

⁶ Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общная часть). Ярославль, 2008. С. 30.

⁷ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Т. 2: Преступление. С. 96.

⁸ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 72.

⁹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 274.

¹⁰ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: Учеб. пособие. М., 2009. С. 6.

Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества

А.В. ЗВОНОВ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук;

С.А. ПИЧУГИН – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена изучению повторной преступности среди осужденных без изоляции от общества. В результате проведенного опроса, анализа юридической литературы авторами выявляются причины и условия объективного и субъективного характера, способствующие совершению повторных преступлений лицами указанной категории.

Ключевые слова: приговор; осужденный; наказание; преступление; причины; условия; уголовно-исполнительная инспекция.

Causes and circumstances analysis of repeat offenses of the offenders sentenced to the measures without isolation

A.V. ZVONOV – Lecturer of the Chair of Penal Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

S.A. PICHUGIN – Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article is devoted to re-delinquency of persons sentences to the measures without isolation from society. As a result of the survey, the study of law literature are identified the causes and conditions of objective and subjective nature, contributing to commit repeated crimes.

Key words: sentence; convicted; punishment; crime; cause; condition; penal inspection.

Одной из проблем в деятельности уголовно-исполнительных инспекций являются повторные преступления, совершаемые осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы.

В 2009 г. число осужденных, снятых с учета УИИ в связи с осуждением за совершение повторных преступлений, составило 15 164 чел. (из них 831 несовершеннолетний)¹, в 2010 г. – уже 18 207 чел. (в том числе 787 несовершеннолетних)². В 2011 г. этот показатель несколько снизился и составил 17 505 чел. (в том числе 676 несовершеннолетних), из них 14 984 чел. (включая 572 несовершеннолетних) были осуждены условно³.

При этом сокращение числа зарегистрированных повторных преступлений в 2011 г. отмечено впервые на фоне продолжающегося с 2008 г. существенного уменьшения количества осужденных, состоящих на учете в УИИ.

Представление о структуре повторных преступлений, совершенных осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, можно составить на основании следующих данных: в 2011 г. за кражи, совершенные после постановки на учет в УИИ, были осуждены 7374 чел., за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – 1962, за грабежи – 1502, за умыш-

ленное причинение тяжкого вреда здоровью человека – 520, за мошенничество – 351, за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей – 297, за разбой – 243, за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – 252, за убийство – 111 и т.д. Тяжкие и особо тяжкие преступления совершили 2224 чел.⁴

Совершение повторных преступлений рассматриваемой категорией осужденных является прямым следствием существующих в современной России социально-экономических противоречий. К таковым в первую очередь следует отнести: низкий уровень жизни существенной части населения страны⁵; проблемы с трудоустройством, занятостью и, как следствие, с наличием необходимых для существования средств у значительной части россиян, в том числе из-за сокращения производства и рабочих мест; социальное расслоение и неравенство, существенный разрыв в доходах между представителями различных слоев; несоответствие материальных запросов и реальных возможностей для их удовлетворения у определенных социальных групп, прежде всего молодежи; распространение в обществе стереотипов поведения, связанных с культом потребления, получения удовольствий без приложения адекватных трудовых усилий и т.д.

Одной из предпосылок совершения повторных преступлений отбывающими наказания без изоляции от общества является широкое применение судами Российской Федерации условного осуждения. Например, в 2011 г. более чем трети осужденных в России – 296 498 чел. (свыше 37%) – наказание было назначено условно, то есть без реального его отбывания⁶. При этом наказания, не связанные с изоляцией от общества (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы), в качестве основных суды назначают реже – примерно в 25% случаев от общего числа.

Условное осуждение не всегда применяется обоснованно, с достаточным учетом личностных характеристик осужденного. Это приводит к негативным последствиям, росту нагрузки на сотрудников УИИ, что, как следствие, вызывает ослабление контроля за осужденными, создает благоприятную обстановку для совершения ими повторных преступлений, так как подвергнутые указан-

ному наказанию фактически остаются на свободе, не утрачивают свои социальные связи, в том числе и криминальные.

По данным проведенного нами опроса судей и сотрудников правоохранительных органов, на совершение повторных преступлений осужденными без изоляции от общества влияют следующие обстоятельства (можно было выбрать не более трех вариантов ответа):

- отрицательные морально-психологические качества осужденного, вера в безнаказанность (указали 65,6% опрошенных);
- материальная нужда, низкий уровень доходов, зарплаты (50,6%);
- влияние окружающих лиц, в том числе криминальной среды (48,1%);
- безработица, проблемы с занятостью и трудоустройством (33,1%);
- негативная нравственно-психологическая атмосфера (30,0%);
- социальная дезадаптация, утрата социально полезных связей (19,4%);
- слабый контроль со стороны УИИ или его отсутствие (17,5%);
- другие, такие как низкий уровень образования, безответственность и слабость, надежда и вера, что не установят, кто совершил преступление, формализация контроля, низкая правовая культура, личное нежелание встать на путь исправления (4,4%)⁷.

Таким образом, эксперты указали в качестве основных факторов совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества негативные личные качества самого осужденного, веру в безнаказанность, а также материальную нужду, низкий уровень доходов, влияние окружающих лиц (в том числе криминальной среды). Кроме того, заметное негативное влияние оказывают распространение наркотических средств и спиртных напитков, проблемы с трудоустройством, резкие различия в области материальной обеспеченности.

По материалам исследований, наибольшую опасность с точки зрения совершения повторных преступлений представляют лица мужского пола в возрасте 18–39 лет, имеющие неполное, полное среднее или среднее специальное образование, не состоящие в браке (в том числе и фактическом), трудоспособные, но не работавшие либо не занятые физическим трудом, как правило, осужденные за хищения⁸. Они обладают устойчивыми антисоциальными установками, в силу следования которым

повторно совершают умышленные преступления. Это свидетельствует о том, что применявшиеся к ним меры уголовно-правового воздействия оказались недостаточно эффективными и не способствовали исправлению.

Отрицательно сказываются на предупредительной деятельности УИИ большая нагрузка на сотрудников инспекций, недостатки и упущения в организации их деятельности, слабый контроль с их стороны за поведением подучетных лиц, несвоевременное принятие мер к нарушителям порядка и условий отбывания наказания, пробелы в организации взаимодействия УИИ с органами внутренних дел по предотвращению повторных правонарушений, а также отсутствие у сотрудников опыта и навыков профилактической работы и полной осведомленности об осужденных.

Подробнее следует остановиться на вопросе о нагрузке сотрудников УИИ. Научно обоснованные нормативы и показатели зарубежной практики дают основания говорить о том, что на одного специалиста должно приходиться около 50 осужденных⁹. Интересным представляется опыт распределения нагрузки в Республике Казахстан, где нормативно отводятся на одного сотрудника городской инспекции 50 личных дел осужденных, на одного сотрудника районной УИИ – 35 личных дел.

В России в начале 2000-х гг. во многих УИИ средняя нагрузка составляла 212 осужденных на одного сотрудника, а в отдельных районах – 260 осужденных в год¹⁰. В настоящее время нагрузка на одного сотрудника УИИ должна составить около 50 осужденных. Такой вывод следует из постановления Правительства Российской Федерации от 23.04.2012 г. № 360, которым на 2012–2013 гг. утвержден соответствующий норматив – 2,1% среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете в инспекциях¹¹. Однако проведенные нами исследования показали несоответствие данного факта действительности по причине распределения нагрузки не только на сотрудников, осуществляющих непосредственный контроль за осужденными, но и на бухгалтеров, начальников УИИ и психологов, которые фактически не реализуют указанные мероприятия.

В таких условиях сотрудники инспекций успевают осуществлять только учет осужденных, на непосредственную работу, общение с ними остается минимум времени. Например, если средняя нагрузка на одного

сотрудника УИИ составляет 110 осужденных в год, на проведение воспитательной работы с каждым подучетным приходится 40 мин. в год¹². Формальное осуществление контроля за осужденными создает почву для проявления последними своих негативных качеств. Поэтому только оптимизация нагрузки, в том числе путем увеличения штатной численности сотрудников УИИ, позволит более эффективно осуществлять контроль за состоящими на учете.

Причины и условия совершения повторных преступлений несовершеннолетними, осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, имеют свою специфику. Как отмечают сотрудники инспекций, «положение характеризуется падением жизненного уровня семей, нарастанием социального неблагополучия, криминализацией подростковой и молодежной среды, слабой межведомственной координацией профилактических мер. Анализ повторной преступности среди несовершеннолетних показывает, что ее основными причинами являются: неблагоприятная обстановка в семье; отсутствие контроля со стороны родителей; сложное материальное положение»¹³.

Во многом неблагоприятные семейные обстоятельства определили также «современные тенденции в преступности несовершеннолетних. Как правило, это кражи и грабежи, совершаемые в состоянии алкогольного или наркотического опьянения»¹⁴.

К числу криминогенных факторов, влияющих на увеличение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, можно отнести практику судов, которые иногда назначают наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества лицам, ранее судимым, злоупотребляющим спиртными напитками, страдающим хронической наркоманией, без определенного места жительства. Сюда следует добавить также бродяжничество, вызванное, прежде всего, конфликтами с родственниками, насилием в семье, алкоголизмом родителей.

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя не указать на недостатки в деятельности субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних (излишне умеренное возложение судами обязанностей на условно осужденных, плохая подготовленность сотрудников, неиспользование ими в своей работе научно обоснованных методик) и условия, в которых оказываются несовершеннолетние после отбытия назначенной им

меры (проблемы организации занятости и регулирования трудоустройства 14–15-летних подростков, оставивших учебу)¹⁵.

Таким образом, совершение повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы, обусловлено действием следующих факторов: общее состояние социально-экономической и духовно-нравственной сфер в стране; повышение криминогенности, усиление негативных социально-психологических характеристик осужденных; неадекватная оценка личности подсудимых при назначении наказания; несвоевременное принятие надлежащих мер реагирования на нарушение осужденными условий отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера; формальное осуществление контроля за осужденными из-за высокой нагрузки на сотрудников УИИ; недостатки в организации взаимодействия УИИ с органами внутренних дел по предотвращению

правонарушений осужденных; недостаток опыта и навыков профилактической работы у сотрудников УИИ, неполная осведомленность об осужденных.

К причинам преступности несовершеннолетних следует отнести неблагоприятную обстановку в семье, отсутствие контроля со стороны родителей, сложное материальное положение, а также недостаточный учет судом особенностей личности подростка при избрании ему наказания либо иной меры уголовно-правового характера; проблемы в деятельности субъектов предупреждения преступлений; неблагоприятные условия, в которых оказываются несовершеннолетние после отбытия назначенной меры наказания.

Подводя итоги, подчеркнем, что знание причин и условий повторной преступности среди осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, является залогом эффективности деятельности по снижению ее уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2009 г.

² См.: Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2010 г.

³ См.: Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2011 г.

⁴ См.: Там же.

⁵ По данным исследований Института социологии РАН, 16% россиян находятся за чертой бедности, 43% населения относятся к категориям «балансируют на грани бедности» и «малообеспеченные» (см.: Левицкая Е. С мыслью о «черном дне» // Молва. 2012. 28 авг. С. 3).

⁶ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2011 года. Ведомственное статистическое наблюдение. Форма № 10.1. Раздел 1. Результаты рассмотрения уголовных дел с учетом сложения наказаний. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>

⁷ См.: Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 106–107, 218.

⁸ См.: Там же. С. 139.

⁹ См.: Уткин В.А. Реорганизация уголовно-исполнительных инспекций как условие расширения альтернативных наказаний. М., 2001. С. 25.

¹⁰ См.: Тарабрин А. Без лишения свободы // Преступление и наказание. 2004. № 8. С. 37–39.

¹¹ См.: <http://www.rg.ru/2012/05/02/fsin-dok.html>

¹² См.: Байсаров Х.-А. Сорок минут на перевоспитание? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 2, 3.

¹³ Боброва С. Осторожно – тюрьма! // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 6–7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 18.

¹ См.: Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2009 г.

² См.: Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2010 г.

³ См.: Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2011 г.

⁴ См.: Там же.

⁵ По данным исследований Института социологии РАН, 16% россиян находятся за чертой бедности, 43% населения относятся к категориям «балансируют на грани бедности» и «малообеспеченные» (см.: Левицкая Е. С мыслью о «черном дне» // Молва. 2012. 28 авг. С. 3).

⁶ См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2011 года. Ведомственное статистическое наблюдение. Форма № 10.1. Раздел 1. Результаты рассмотрения уголовных дел с учетом сложения наказаний. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>

⁷ См.: Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 106–107, 218.

⁸ См.: Там же. С. 139.

⁹ См.: Уткин В.А. Реорганизация уголовно-исполнительных инспекций как условие расширения альтернативных наказаний. М., 2001. С. 25.

¹⁰ См.: Тарабрин А. Без лишения свободы // Преступление и наказание. 2004. № 8. С. 37–39.

¹¹ См.: <http://www.rg.ru/2012/05/02/fsin-dok.html>

¹² См.: Байсаров Х.-А. Сорок минут на перевоспитание? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 2, 3.

¹³ Боброва С. Осторожно – тюрьма! // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 6–7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 18.

Место признаков (элементов), относящихся к потерпевшему, в системе состава преступления*

В.Ф. ШИРЯЕВ – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются признаки (элементы), относящиеся к потерпевшему в системе состава преступления. Рассматривается материальное и процессуальное определения термина «потерпевший». Обосновывается идея о двухчленной структуре состава преступления, в которой, по мнению автора, наиболее удачно находят свое место перечисленные в действующем УК РФ две группы признаков, относящихся к потерпевшему.

Ключевые слова: состав преступления; потерпевший; признаки преступления.

The place features (elements) related to the victim of a crime in the system of the corpus delicti

V.F. SHIRYAEV – Associate Professor of Criminal Law of the North-West Institute (branch) of the O.E. Kutafin University, PhD. in Law, Associate Professor

This article analyzes the characteristics (elements) related to the victim of a crime in the system. We consider the substantive and procedural definition of the term «victim». Substantiates the idea of the binomial structure of the offense, which, in the opinion of the author, most successfully find their place listed in the current Criminal Code two groups of features related to the victim.

Key words: the crime; the victim; of a crime.

Потерпевший – человек, которому в результате преступления причинен моральный, физический или имущественный урон; «тот, кто понес какой-либо ущерб, убыток; пострадал от кого-либо или чего либо»¹; «тот, кто подвергся притеснениям, гонениям, неприятностям из-за чего-либо или во имя чего-либо»².

В уголовном законе термин «потерпевший» используется достаточно широко, но при этом не дается его определение и не раскрывается его материальная природа. В.И. Каминская пишет, что «исходя из подчиненной роли уголовно-процессуального законодательства по отношению к уголовному представляется, что логика законодательства не допускает такого положения, чтобы при употреблении в процессуальном законе уголовно-правового понятия ему придавалось иное значение по сравнению

с уголовным законом либо же чтобы в процессуальном законе конструировались или просто употреблялись какие-либо уголовно-правовые понятия, отсутствующие в самом уголовном законе»³.

Следует также согласиться с позицией Э.Л. Сидоренко в том, что материальная и процессуальная категории потерпевшего близки, но не совпадают⁴.

В некоторых случаях лицо может считаться потерпевшим в уголовно-правовом понимании, но не может быть признано таковым в соответствии с УПК РФ⁵.

В уголовно-процессуальном значении термин «потерпевший» впервые появился в Уставе уголовного судопроизводства от 24.11.1864 г.⁶

В ст. 42 УПК РФ дано следующее определение потерпевшего: «Потерпевшим является физическое лицо, которому причинен

* Научная статья подготовлена в соответствии с договором № 95-13в с Северо-Западным институтом (филиалом) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) по теме «Теоретические и практические вопросы развития уголовно-правовых наук».

физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда».

Определение потерпевшего в уголовно-процессуальном законе не должно исключать раскрытие его понимания в уголовном законе, так как помимо уголовно-процессуального существует еще и уголовно-правовое значение данного термина.

Процессуальное законодательство не рассматривает потерпевшим лицо, которому причинена смерть. В то же время в уголовном законе таковыми признаются при квалификации преступления и эти лица, например:

- лица или их близкие в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 3 ст. 105);
- женщина, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105);
- новорожденный ребенок (ст. 106) и др.

В уголовно-правовом значении определение потерпевшего может быть следующего содержания: «Потерпевший – это физическое лицо, которому в результате преступления причинены смерть либо физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо при причинении преступлением вреда его имуществу и деловой репутации».

Во многих источниках потерпевший от преступления отождествляется с предметом преступления. Например, в энциклопедии уголовного права к предметам преступления отнесены три большие группы: 1) люди; 2) вещи; 3) животные и растения⁷. Некоторые ученые признаки, относящиеся к потерпевшему, отдельно не выделяют в структуре состава преступления, то есть просматривается тенденция их слияния с предметом и объектом преступления⁸. Например, А.В. Пашковская отмечает, что «при посягательствах на личность объектом преступления признаются какие-либо личностные интересы, а в качестве предмета преступления выступает человек как физическое лицо»⁹. Однако в другом источнике данный ученый выделяет факторы, касающиеся уголовно-правового значения личности и поведения потерпевшего, которые влияют на квалификацию преступления и назначение наказания¹⁰.

Другая группа исследователей признаков потерпевшего занимает противоположную точку зрения и не увязывает их с предметом преступления. Б.В. Яценко пишет, что установление признаков потерпевшего от преступления имеет важное уголовно-правовое значение:

- свойства потерпевших в ряде случаев закреплены в качестве обязательных признаков конкретных составов преступлений (ст. 150 УК РФ – несовершеннолетний);
- служат в ряде случаев основанием для разграничения смежных составов (ст. 277, 295 УК РФ);
- учитываются при конструировании квалифицированных составов (п. «б», «в», «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- поведение или особенности потерпевшего могут выступать в качестве смягчающих (п. 3 ч. 1 ст. 61 УК РФ) или отягчающих (п. 3 ч. 1 ст. 63 УК РФ) обстоятельств¹¹.

И.Я. Казаченко признаки, относящиеся к потерпевшему, разделяет на четыре группы:

- характеризующие личность потерпевшего;
- поведение потерпевшего;
- состояние потерпевшего в момент совершения преступления;
- взаимоотношения потерпевшего и обвиняемого¹².

В.В. Сидоров, излагая понятие и признаки потерпевшего от преступления, пишет, что «лицо является потерпевшим в материальном (уголовно-правовом) смысле прежде всего потому, что на него совершено посягательство, которым ему причиняется вред, указанный в соответствующей уголовно-правовой норме, либо в качестве обязательного, дополнительного или факультативного признака основного состава преступления, либо в качестве отягчающего обстоятельства в квалифицированных видах составов преступлений»¹³. Автор также отмечает, что «потерпевший является носителем или субъектом общественного отношения, на которого посягает преступник... выступает как элемент объекта преступления... однако он не принадлежит исключительно объекту преступления. Потерпевший и признаки, его определяющие, относятся к различным элементам преступления. Существует мнение, что потерпевший является элементом объекта и объективной стороны»¹⁴.

Представляется, что позиции Б.В. Яценко, И.Я. Казаченко, В.В. Сидорова в сравнении с подходами Н.И. Коржановского, С.В. Прохорова, А.В. Пашковской более перспективны в плане определения места признаков, от-

носящихся к потерпевшему, в системе состава преступления.

Мы рассматриваем состав преступления как систему, являющуюся основанием для квалификации преступления, состоящего из объективных и субъективных признаков, определенных уголовным законом.

Признавая объектом преступления общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, неуместно включать в данную подсистему потерпевшего. Если рассматривать нахождение потерпевшего в подсистеме «объект преступления», то явно будет не хватать там и лица, посягнувшего на общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, и причинившего вред (ущерб) потерпевшему. Кроме того, и сам потерпевший может совершать определенные действия, провоцируя субъекта преступления на нарушение рассматриваемых отношений (ст. 37, 38, 107, 108, 113, 114 УК РФ), или иметь следующие признаки: лицо или его близкие в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии; женщина, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности; новорожденный ребенок и т.д.

Определяя место признаков (элементов) в системе состава преступления, следует исходить из понятия ее целостности, то есть из того, что система – «целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях»¹⁵.

Принцип целостности предполагает рассмотрение объекта не только в отношении со средой, но и с точки зрения его внутреннего строения, что предусматривает введение таких понятий, как элемент и структура.

С развитием системного подхода все более явно осознается относительность понятия «элемент». В зависимости от способа рассмотрения в одном и том же сложном объекте могут выделяться в качестве его элементов самые разные единицы¹⁶.

Элементы в процессе развития системы образуют определенные группы, связь между элементами внутри которых отличается от характера связи между самими группа-

ми. Эти подгруппы принято называть подсистемами. Подсистемы являются частями системы и представляют собой произвольно выбранные фрагменты системы, а естественно выделенные, относительно самостоятельные группы элементов.

Упорядоченность внутренних и внешних связей объекта, обеспечивающих его устойчивость, стабильность, качественную определенность, отражается в понятии «структура». Если понятие «система» характеризует все множество проявлений некоторого сложного объекта, то структура выражает лишь то, что остается относительно неизменным при различных преобразованиях системы.

Такой относительно неизменной структурой системы состава преступления длительное время является ее четырехчленность (объект – объективная сторона, субъект – субъективная сторона). Наполнение системы состава преступления множеством дополнительных признаков, в том числе и относящихся к потерпевшему, предполагает необходимость изменения ее структуры в направлении двухчленности.

Структура любой системы, в том числе и состава преступления, не может быть вечной и неизменной, она может так же, как и сама система, совершенствоваться и упрощаться.

Исходя из того, что состав преступления – это система, являющаяся основанием для классификации преступления, состоящая из объективных и субъективных признаков, определенных уголовным законом, мы разграничиваем все признаки (элементы) на две составные, куда легко вмещаются и признаки, относящиеся к потерпевшему (см. схему 1).

Две группы признаков, относящихся к потерпевшему, перечисленные в действующем УК РФ, наиболее удачно находят свое место в двухчленной структуре состава преступления. Участник судебного процесса при квалификации содеянного обязательно должен обратить свое внимание на наличие или отсутствие их в совершенном преступлении. Данная структура может вместить и другие признаки, относящиеся к потерпевшему, при дополнении ими уголовного закона.

Состав преступления

Объективные признаки**Обязательные признаки:**

- общественные отношения, охраняемые уголовным законом (объект);
- действие или бездействие;
- время.

Факультативные признаки:

- преступные последствия;
- причинная связь между действием (бездействием) и преступными последствиями;
- место;
- способ;
- обстановка;
- предмет;
- орудия и средства совершения преступления;
- *допреступное противоправное или аморальное поведение потерпевшего;*
- *постпреступное поведение лица, совершившего преступление.*

Субъективные признаки**Обязательные признаки:**

- физическое лицо;
- вменяемость;
- возраст;
- вина.

Факультативные признаки:

- мотив;
- цель;
- эмоциональное состояние;
- *признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление (специальный субъект);*
- *признаки, характеризующие потерпевшего.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 571.

² Ефремова Т.Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. М., 2007. С. 886.

³ Цит. по: Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003. С. 14.

⁴ См.: Там же. С. 18.

⁵ См.: Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая защита потерпевшего // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: Материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 617.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 4. С. 208.

⁸ См.: Уголовное право России. Общая часть: Учеб. / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 381–400.

⁹ Уголовное право России. Общая часть: Учеб. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2004. С. 172.

¹⁰ См.: Курс уголовного права. Общая часть: Учеб. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. С. 217, 218.

¹¹ См.: Уголовное право России. Общая часть: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. М., 2004. С. 122, 123.

¹² См.: Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 142.

¹³ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундунова. Казань. 2003. С. 168, 169.

¹⁴ Там же. С. 170.

¹⁵ Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М., 2004. С. 622.

¹⁶ См.: Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 619.

¹ Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. M., 1999. S. 571.

² Efreмова T.F. Tolkovij slovar' omonimov russkogo jazyka. M., 2007. S. 886.

³ Cit. po: Sidorenko Je.L. Otricatel'noe povedenie poterpevshego i ugovolnyj zakon. SPb., 2003. S. 14.

⁴ Sm.: Tam zhe. S. 18.

⁵ Sm.: Martynenko N.Je. Ugovno-pravovaja zashhita poterpevshego // Ugolovnoe pravo: istoki, realii, perehod k ustojchivomu razvitiju: Materialy VI Rossijskogo kongressa ugolovnogogo prava (26–27 maja 2011 g.). M., 2011. S. 617.

⁶ Sm.: Tam zhe.

⁷ Sm.: Jenciklopedija ugolovnogogo prava. SPb., 2005. T. 4. S. 208.

⁸ Sm.: Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod red. N.M. Kropacheva, B.V. Volzhenskina, V.V. Orehova. SPb., 2006. S. 381–400.

⁹ Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tjazhkovoj. M., 2004. S. 172.

¹⁰ Sm.: Kurs ugolovnogogo prava. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tjazhkovoj. M., 2002. T. 1. S. 217, 218.

¹¹ Sm.: Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': Ucheb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva, V.V. Luneeva, A.V. Naumova. M., 2004. S. 122, 123.

¹² Sm.: Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshhaja / Otв. red. L.L. Kruglikov. M., 2005. S. 142.

¹³ Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast' / Pod. red. F.R. Sundurova. Kazan'. 2003. S. 168, 169.

¹⁴ Tam zhe. S. 170.

¹⁵ Sovremennij filosofskij slovar' / Pod. red. V.E. Kemerova. M., 2004. S. 622.

¹⁶ Sm.: Novejsnij filosofskij slovar' / Sost. A.A. Gricanov. Minsk, 1998. S. 619.

Формальные (юридические) источники российского уголовного права с позиции предмета уголовно-правового регулирования

К.В. ОБРАЖИЕВ – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

В статье доказывается, что юридические источники российского уголовного права не ограничиваются только уголовным законодательством, поскольку нормативные предписания, регулирующие уголовно-правовые отношения, содержатся также и в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности.

Ключевые слова: источники уголовного права; предмет уголовно-правового регулирования; уголовно-правовая норма.

Official (Legal) Sources of the Russian Criminal Law Viewed From the Object of Criminal Law Regulation

K.V. OBRAZHIEV – Head of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, PhD. in Law, Assistant Professor

The article proves that legal sources of the Russian Criminal Law are not limited by criminal legislation only, as normative instructions that regulate Criminal Law relations are also contained in normative legal acts of some other branches of law.

Key words: Criminal Law sources; object of Criminal Law regulation; Criminal Law norm.

В общей теории права, как известно, под формальными (юридическими) источниками права принято понимать внешние формы выражения правовых норм, придающие им нормативный, общеобязательный статус и определяющие степень их юридической силы¹. Проецируя эту дефиницию на область права уголовного, можно в качестве исходного тезиса определить, что формальными (юридическими) источниками уголовного права являются определенные правовые акты, выступающие в качестве внешней формы выражения уголовно-правовых норм. Однако очевидно, что данная формулировка не способна дать сколько-нибудь полное представление о формальных источниках уголовного права, скорее, она позволяет лишь обозначить направления научного поиска, подчеркивая неразрывную связь исследуемого понятия (юридический источник уголовного права) с понятием «уголовно-правовая норма». Если юридические источники уголовного права выступают в качестве внешней формы выражения уголовно-

но-правовых норм, то уголовно-правовые нормы представляют собой содержание формальных источников уголовного права, и это обязывает нас уделить изучению уголовно-правовых норм самое пристальное внимание.

Известно, что «форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием»². Сказанное полностью справедливо и применительно к юридическим источникам уголовного права, которые немыслимы в отрыве от своего содержания – уголовно-правовых норм. Неслучайно в теории уголовного права вопрос о возможности признания того или иного правового акта формальным источником уголовного права решается именно в зависимости от его содержания: если правовой акт включает в себя уголовно-правовые нормы, то он наделяется статусом юридического источника уголовного права, если же в нем содержатся исключительно неуголовные нормы, то он формальным источником уголовного права не признается.

Подобный подход к пониманию формальных (юридических) источников уголовного права в целом можно признать верным и взять за основу, хотя он и нуждается в целом ряде существенных уточнений. Прежде всего, следует обозначить, какие именно юридические нормы являются уголовно-правовыми, что неизбежно выводит нас на объективно непростую проблему предмета уголовного права (уголовно-правового регулирования). Это вполне закономерно, поскольку уголовно-правовая отраслевая принадлежность юридической нормы (а значит, и возможность признания содержащего ее правового акта источником уголовного права) может быть констатирована только в том случае, если норма регулирует уголовно-правовые отношения.

Проблема определения предмета уголовно-правового регулирования является одной из ключевых в уголовно-правовой науке. И это не случайно, поскольку именно предмет уголовного права формирует его отраслевую специфику, позволяет говорить о нем как о самостоятельной единице. Однако, несмотря на свое принципиальное значение, вопрос о предмете уголовно-правового регулирования не получил общепризнанного решения.

Анализ и обобщение богатейшей палитры мнений в обозначенной области³ позволяет заключить, что в предмет уголовного права входят три группы общественных отношений:

1. Общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние (так называемые охранительные общественные отношения), принадлежность которых к предмету уголовно-правового регулирования признается подавляющим большинством специалистов⁴. Содержанием этих отношений является комплекс взаимосвязанных и корреспондирующих прав и обязанностей субъектов (право государства применить наказание или иные меры уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление, и корреспондирующая этому праву обязанность лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, подвергнуться соответствующим мерам; права лица, совершившего преступление, быть судимым по закону места и времени совершения преступления, на объективную и законную квалификацию совершенного деяния, индивидуализацию наказания, освобождение от ответственности или от наказания и

т.д. и корреспондирующие им обязанности государства)⁵.

2. Общественные отношения, возникающие в связи с фактом совершения общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, невменяемыми лицами. Как известно, в период обсуждения концепции ныне действующего УК РФ отдельные ученые выступали за исключение из уголовного закона положений относительно юридических последствий совершения общественно опасных деяний лицами, не способными нести уголовную ответственность (малолетними и невменяемыми), доказывая, что соответствующие моменты должны быть регламентированы в самостоятельном законе⁶. Однако законодатель реализовал это предложение лишь частично, закрепив правовые последствия совершения общественно опасного деяния невменяемыми лицами в УК РФ, а юридические последствия совершения общественно опасного деяния лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, – в Федеральном законе от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм.). Не вдаваясь в рассуждения об обоснованности такого законодательного решения, отметим, что посредством их включения в гл. 15 «Принудительные меры медицинского характера» УК РФ была официально подтверждена уголовно-правовая природа общественных отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасных деяний невменяемыми лицами. Их содержание составляют: право государства применить к невменяемому принудительные меры медицинского характера и корреспондирующая этому праву обязанность невменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, подвергнуться принудительному лечению; право невменяемого на законное избрание вида принудительных мер медицинского характера, их изменение и отмену при наличии указанных в законе обстоятельств и т.п. и корреспондирующие ему обязанности государства.

3. Общественные отношения, возникающие по поводу правомерной реализации гражданами права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (их принято называть дозволительными отношениями). Хотя идея об уголовно-правовой природе указанных общественных отношений снискала не-

мало сторонников в научном сообществе⁷, отдельные специалисты высказываются по этому поводу довольно скептически. Выражая сомнения в возможности отнесения дозволительных отношений к предмету уголовного права, они отмечают, что право на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является конституционным, но не уголовно-правовым полномочием, а отношения в обозначенной сфере регулируются уголовным правом лишь в случае нарушения условий правомерности причинения вреда⁸. Однако, на наш взгляд, сомнения в уголовно-правовой природе дозволительных общественных отношений безосновательны. Дело в том, что объем прав граждан на причинение уголовно значимого вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, основания возникновения соответствующих прав, условия и пределы их осуществления устанавливаются отнюдь не конституционными, а именно уголовно-правовыми нормами. И также на основании уголовно-правовых норм правоприменительные органы делают вывод как о самом наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и о соблюдении условий правомерности причинения вреда при их наличии. Все это позволяет считать рассматриваемые общественные отношения составной частью предмета уголовного права⁹. Содержанием этих отношений являются, с одной стороны, право граждан на причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (разумеется, при соблюдении установленных УК РФ условий правомерности), и на признание такого деяния правомерным, а с другой стороны, обязанность государства в лице правоприменительных органов признать вред, причиненный при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, правомерным и не привлекать граждан к уголовной ответственности.

Изложенное видение предмета уголовно-правового регулирования позволяет заключить, что формальными (юридическими) источниками уголовного права могут считаться только те правовые акты, которые содержат юридические нормы, регулирующие указанные выше виды общественных отношений. Очевидно, что основным таким актом является уголовный закон. Однако внимательный анализ показывает, что к числу юридических источников россий-

ского уголовного права можно отнести еще целый ряд нормативных правовых актов, которые хотя и не входят в состав уголовного законодательства, но содержат правовые нормы, регулирующие рассмотренные отношения.

В частности, с точки зрения предмета уголовно-правового регулирования формальным источником уголовного права необходимо признать Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, который содержит отдельные нормы, регулирующие охранительные уголовно-правовые отношения (возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние). Так, например, ст. 74 УИК РФ определяет два дополнительных вида исправительных учреждений, не указанных в ст. 56 УК РФ, в которых осужденные могут отбывать наказание в виде лишения свободы. Если в соответствии со ст. 56 УК РФ лишение свободы может исполняться только в пяти разновидностях исправительных учреждений (колониях-поселениях, воспитательных колониях, лечебных исправительных учреждениях, исправительных колониях либо тюрьмах), то согласно ст. 74 УИК РФ отдельные категории осужденных могут также отбывать лишение свободы в следственных изоляторах (ч. 1) и лечебно-профилактических учреждениях (ч. 8). Кроме того, в УИК РФ содержатся взаимосвязанные предписания ч. 8 ст. 74 и ч. 2 ст. 101, которые восполняют пробел в ст. 58 УК РФ, определяя категории лиц, отбывающих наказание в лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждениях; предписания ч. 1 ст. 174, которые допускают освобождение по болезни осужденных военнослужащих, отбывающих не только арест либо содержание в дисциплинарной воинской части, как это указано в ч. 3 ст. 81 УК РФ, но и ограничение по военной службе. А поскольку определение видов и правил назначения исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, а также оснований освобождения от наказания относится к предмету уголовного права, указанные нормы УИК РФ по своей отраслевой природе являются уголовно-правовыми, что, в свою очередь, дает основание для признания УИК РФ одним из формальных источников уголовного права.

С позиции предмета уголовно-правового регулирования к юридическим источникам уголовного права необходимо отнести также Федеральный закон от 24.06.1999 г.

№ 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм.), в котором установлены отсутствующие в ст. 92 УК РФ: виды специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа органов управления образованием, куда может быть помещен несовершеннолетний, освобожденный от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ (п. 3 ст. 15); категории несовершеннолетних, которые могут быть помещены в указанные учреждения (п. 6 ст. 15); основания досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (п. 7 ст. 15). Поскольку соответствующие предписания регулируют общественные отношения, возникающие при освобождении несовершеннолетних от уголовного наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, названный федеральный закон с полным основанием следует считать одним из источников уголовно-правовых норм.

Одним из юридических источников уголовного права следует признать и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, поскольку он также содержит нормы,

регламентирующие отдельные виды уголовно-правовых отношений. В частности, ч. 2 ст. 443 УК РФ определяет, что принудительные меры медицинского характера не могут быть применены к лицам, совершившим деяния небольшой тяжести, хотя в ст. 97 УК РФ подобное ограничение отсутствует. А значит, нормы УК РФ регулируют уголовно-правовые отношения, возникающие по поводу совершения общественно опасного деяния лицом, находившимся в состоянии невменяемости.

Таким образом, при решении вопроса о возможности отнесения того или иного правового акта к числу формальных источников уголовного права опираться лишь на его отраслевую принадлежность не следует. Коль скоро содержанием юридического источника уголовного права являются уголовно-правовые нормы, на первый план при определении его статуса выходит предмет регулирования данных юридических норм. И если правовой акт включает в себя нормативные предписания, регламентирующие уголовно-правовые отношения, то его следует считать одним из формальных источников уголовного права вне зависимости от принадлежности к уголовному законодательству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники права: проблемы теоретического определения // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 28–35.

² Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 173.

³ Обзор основных научных подходов к предмету уголовного права представлен нами в отдельной публикации, что извлекать нас от необходимости изложения соответствующих теоретических точек зрения в настоящей статье (см. подр.: Ображиев К.В. Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 291–296).

⁴ См., напр.: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. С. 12; Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 18; Кленова Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 6; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 25–29; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 33–34 и др.

⁵ Следует согласиться с А.И. Санталовым в том, что перечисление прав и обязанностей сторон уголовно-правового отношения – дело трудоемкое, поскольку они не являются застывшими, а меняются в процессе развития уголовно-правовых отношений (см.: Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 53). В этой связи перечень прав и обязанностей участников уголовных правоотношений может быть лишь примерным.

⁶ См.: Игнатов А.Н. и др. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. 1992. № 3. С. 2–3.

¹ См. подр.: Obrazhiev K.V. Formal'nye (juridicheskie) istochniki prava: problemy teoreticheskogo opredelenija // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2010. № 4. S. 28–35.

² Kerimov D.A. Metodologija prava: predmet, funkcii, problemy filosofii prava. M., 2003. S. 173.

³ Obzor osnovnyh nauchnyh podhodov k predmetu ugolovnogo prava predstavlen nami v otdel'noj publikacii, chto izbavljaet nas ot neobходимости izlozhenija sootvetstvujushih teoreticheskikh toček zrenija v nastojashej stat'e (sm. подр.: Obrazhiev K.V. Predmet ugolovno-pravovogo regulirovanija // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. 2009. № 2. S. 291–296).

⁴ См., напр.: Genrih N.V. Predmet i metod ugolovno-pravovogo regulirovanija: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 2011. S. 12; Zvecharovskij I.E. Sovremennoe ugolovnoe pravo Rossii: ponjatije, principy, politika. SPb., 2001. S. 18; Klenova T.V. Ugolovno-pravovaja norma (ponjatije, struktura, vidy): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1986. S. 6; Lopashenko N.A. Osnovy ugolovno-pravovogo vozdejstvija: ugolovnoe pravo, ugolovnyj zakon, ugolovno-pravovaja politika. SPb., 2004. S. 25–29; Pudovochkin Ju.E., Pivragidov S.S. Ponjatije, principy i istochniki ugolovnogo prava: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. SPb., 2003. S. 33–34 i dr.

⁵ Sleduet soglasit'sja s A.I. Santalovym v tom, chto perechislenie prav i objazannostej storon ugolovno-pravovogo otnoshenija – delo trudoemkoe, poskol'ku oni ne javljajutsja zastyvshimi, a menjajutsja v processe razvitija ugolovno-pravovyh otnoshenij (sm.: Santalov A.I. Teoreticheskie voprosy ugolovnoj otvetstvennosti. L., 1982. S. 53). V jetoj svjazi perechen' prav i objazannostej uchastnikov ugolovnyh pravootnoshenij mozhet byt' lish' primernym.

⁶ См.: Ignatov A.N. i dr. Konceptual'nye nachala ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Sovetskaja justicija. 1992. № 3. S. 2–3.

⁷ См., напр.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 2000. С. 5–13; Российское уголовное право: В 2 т. / Под ред. проф. А.И. Рарога. М., 2004. Т. 1: Общая часть. С. 8.

⁸ См.: Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. С. 17–18; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. С. 28.

⁹ Показательным в этом отношении является тот факт, что вопрос о регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законе всегда являлся и продолжает оставаться предметом весьма оживленной дискуссии (достаточно вспомнить, какие неоднозначные доктринальные оценки вызвали изменения в ст. 37 УК РФ, внесенные федеральным законом от 14.03.2002 г. № 29-ФЗ). И это неслучайно, поскольку изменения в уголовно-правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, самым непосредственным образом оказывают влияние на объем прав и обязанностей участников общественных отношений, возникающих в связи с правомерным причинением вреда. Если бы эти отношения входили в предмет конституционного права, то изменение гл. 8 УК РФ никоим образом не повлияло бы на их содержание.

⁷ См., напр.: Naumov A.V. Rossijskoe ugotovnoe pravo. Obshhaja chast': Kurs lekcij. M., 2000. S. 5–13; Rossijskoe ugotovnoe pravo: V 2 t. / Pod red. prof. A.I. Raroga. M., 2004. T. 1: Obshhaja chast'. S. 8.

⁸ См.: Zvecharovskij I. Je. Sovremennoe ugotovnoe pravo Rossii: ponjatie, principy, politika. S. 17–18; Pudovochkin Ju. E., Pirovaidov S. S. Ponjatie, principy i istochniki ugotovnogo prava: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. S. 28.

⁹ Pokazatel'nym v jetom otnoshenii javljaetsja tot fakt, chto vopros o reglamentacii obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija, v ugotovnom zakone vseгда javljalsja i prodolzhaet ostavat'sja predmetom ves'ma ozhivlennoj diskussii (dostatochno vspomnit', kakie neodnoznamenye doktrinal'nye ocenki vyzvali izmenenija v st. 37 UK RF, vnesennye federal'nym zakonom ot 14.03.2002 g. № 29-FZ). I jeto nesluchajno, poskol'ku izmenenija v ugotovno-pravovoj reglamentacii obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija, samym neposredstvennym obrazom okazyvajut vlijanie na ob'em prav i objazannostej uchastnikov obshhestvennyh otnoshenij, vznikajushhih v svjazi s pravomernym prichineniem vreda. Esli by jeti otnoshenija vhodili v predmet konstitucionnogo prava, to izmenenie gl. 8 UK RF nikoim obrazom ne povlijalo by na ih sodержание.

Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития

В.И. ЗУБКОВА – профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся возможностей наказания в виде лишения свободы в обеспечении ресоциализации осужденных. Анализируются современное состояние и направления развития уголовно-исполнительной системы России, в первую очередь исправительных учреждений, на современном этапе на фоне статистической и иной информации об уровне преступности и правопорядка в обществе.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных; лишение свободы; исправительные учреждения; уголовно-исполнительная система.

Execution of imprisonment for convicted resocialization: problems and prospects

V.I. ZUBKOVA – Professor of Criminal Law and Criminology of the M.V. Lomonosov University, Doctor of Law

This article deals with the possibilities of the penalty of imprisonment in ensuring the re-socialization of prisoners. The current status and direction of the penal system in Russia, first of all correctional institutions, at the present stage in the background statistical and other information about the level of crime and law and order in the society.

Key words: re-socialization of prisoners; imprisonment; correctional facilities; correctional system.

Современное состояние преступности (относительный рост ее абсолютных и относительных показателей, существенное ее омоложение, увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений) не может не тревожить общество, государство и граждан России. Прежде всего, опасение внушает численность лиц, содержащихся под стражей и отбывающих лишение свободы: с 1999 г. она сравнялась с аналогичным показателем всего СССР на конец 80-х гг. Россия прочно обосновалась на одном из первых мест в мире по числу заключенных в расчете на 100 тыс. населения.

В условиях социальной нестабильности и кризисных явлений в экономике многие лица утрачивают нравственные идеалы и уважение к закону и с большей легкостью

идут на совершение преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. В такой ситуации при осуждении лиц за совершение преступлений приоритет отдается применению уголовного наказания в виде лишения свободы. Эти обстоятельства, собственно, отражены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. В частности, в ней указывается, что к 2010 г. численность осужденных к лишению свободы увеличилась более чем на 115 тыс. чел., или на 18,6%, общее количество лиц, содержащихся под стражей, остается стабильно высоким, доля осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросла вдвое и достигла к 2010 г. 80% от общей численности осужденных к лишению свободы¹.

Отнюдь не радужное положение в рассматриваемой сфере подтверждается и данными переписи 2009 г., в которых указывается, что в местах лишения свободы на тот момент находилось свыше 800 тыс. чел.²

Кроме этого, по данным средств массовой информации, сводные статистические сведения демонстрируют, что «за последние десять лет гражданами, имеющими судимость, стали миллионы россиян, сотни тысяч из которых отбывают различные сроки в местах лишения свободы. Только в одном 2011 году таковых было 224 880 человек, среди них 62 человека приговорены к пожизненным срокам лишения свободы. Тюремь и колонии переполнены, а условия содержания в них слишком далеки от Европейских стандартов»³.

В такой обстановке государство пришло к выводу, что усиление карательных начал (а это лишение свободы) ухудшает в стране криминогенную обстановку и ведет к социальной напряженности. Уголовное наказание в виде лишения свободы не способствует уменьшению преступности, не влияет на снижение количества приговариваемых к нему лиц и, что очень важно, не достигает основной своей цели – исправления осужденных. Все это, безусловно, вызывает объективную потребность в поиске новых, более эффективных форм и средств воздействия на снижение преступности.

Такая задача четко определена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., где говорится, что решением существующих проблем «является снижение количества лиц, приговоренных к лишению свободы, и существенное улучшение условий их содержания, повышение доли исправленных лиц и снижение рецидива». Намеченный курс очень позитивен и своевременен. Следует только особо отметить, что при всех подчеркнутых моментах нахождение в местах лишения свободы – это не только воздаяние за совершенное преступление, но и попытка вернуть человека, нарушившего закон, к нормальной жизни в обществе, то есть исправить его (ресоциализировать). Эта цель закреплена как в УИК РФ (ст. 9), так и в УК РФ, и никто пока ее не отменял.

Таким образом, основные направления преодоления проблемы исполнения лишения свободы обозначены:

– снизить применение наказания в виде лишения свободы, а значит, гуманизировать наказание;

– существенно улучшить условия отбывания лишения свободы и приблизить их к европейским стандартам;

– увеличить число лиц, исправленных в результате отбытия лишения свободы;

– снизить рецидив.

Кратко остановимся на каждом из перечисленных пунктов.

В последнее время иногда предпринимаются попытки гуманизировать наказания. Как известно, в санкциях были сняты минимальные сроки наказаний, прежде всего лишения свободы. Однако потребности в этом абсолютно никакой не было. Так, при наличии в УК РФ ст. 64 применение и назначение более мягкого наказания никогда не вызвало и не вызывает поныне никаких препятствий. Это первое.

Второе. Введение наказания в виде принудительных работ в качестве альтернативы лишению свободы с применением с начала 2013 г. не было вызвано необходимостью при наличии в системе наказаний исправительных работ, обязательных работ и, наконец, условного осуждения. Для применения и исполнения принудительных работ предполагалось построить восемь исправительных центров и обеспечить всем отбывающим этот вид наказания трудовую занятость. Без выполнения этих условий перспектив практического применения нового наказания не было никаких. Судьба принудительных работ в связи с указанными обстоятельствами получилась такой же, как у ареста. Их введение было отложено до лучших времен.

Третье. Еще одним моментом, связанным с гуманизацией, явилось принятие закона о внесении ч. 6 в ст. 15 УК РФ. Ею предусматривается изменение категории преступлений на более мягкую. В частности, ч. 6 ст. 15 УК РФ теперь дает право суду при назначении наказаний в зависимости от обстоятельств дела менять категорию преступления с тяжкого на средней тяжести, а со средней тяжести на небольшой тяжести. Следует согласиться, что данное новшество направлено на гуманизацию наказаний, однако без установления четких критериев перехода, по существу, все будет отдано на субъективное усмотрение суда (по принципу «как хочу»), а этого, с нашей точки зрения, быть не должно.

В целом о гуманизации остается только мечтать. В связи с этим представляется, что, прежде чем принимать какой либо закон, касающийся уголовно-исполнительной системы, необходима его тщательная проработка в экспертных советах, куда входили

бы грамотные специалисты – как научные, так и практические работники.

Очевидно, что далеко не за все преступления можно применять гуманные наказания, не связанные с лишением свободы. Что касается преступлений небольшой и средней тяжести, конечно, ничто не может препятствовать в отношении их такому назначению. Однако это совершенно неприемлемо при осуждении лиц за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. За них должно назначаться строгое наказание, а это, как правило, лишение свободы. Такие преступления, как убийство, тяжкий вред здоровью, изнасилование, разбой, педофилия, террористические акты и др., даже без выяснения обстоятельств совершения и фабулы дела требуют применения только лишения свободы. Альтернативы здесь никакой быть не может.

Значит, снижение применения наказания в виде лишения свободы напрямую зависит от характера и опасности совершенных преступлений и их количества. Искусственная гуманизация и искусственное неприменение лишения свободы даст обратный желаемому результат – рост преступности, поскольку лишает совершивших преступления страха перед наказанием. Примером могут служить многочисленные убийства людей в результате нарушения правил дорожного движения.

В то же время давно известно, что никакое наказание не удерживает от совершения преступлений, поскольку Уголовный кодекс с установленными видами наказаний играет в предупреждении преступлений вторичную, а не первичную роль. Все люди знают, что за любое преступление должно следовать наказание и рано или поздно оно наступит. Тем не менее они идут на нарушение закона. Значит, причины этих явлений нужно искать в обществе. Ведь в соответствии с философским пониманием причинности, если в обществе имеются определенные явления, значит для этих явлений есть причины. Поэтому, чтобы уменьшить число преступников, в том числе и отбывающих лишение свободы, надо проанализировать общественную ситуацию и по возможности нейтрализовать негативные проявления. Выскажем свое личное (субъективное) мнение, а не официальную позицию по рассматриваемому вопросу. Обвальная рост преступности, с нашей точки зрения, обусловлен массовым обнищанием определенной части населения, безработицей, безнадзорностью и бродяжничеством,

насыщением населения оружием и наркотиками, массовой коррупцией, в том числе в сферах госаппарата, расслоением общества на богатых и бедных, формированием класса этих богатых собственников незаконным путем, в том числе и преступным, уничтожением старой системы моральных и нравственных ценностей в условиях отсутствия новой, «мракобесным» телевидением, отсутствием воспитательной и кружковой работы в школе. Таковы причины, влияющие на преступность и ее увеличение. Все это, безусловно, не может не приводить к отклонениям от правильного поведения в обществе. Представляется, что, если не изменится политика государства в соответствующей сфере, не следует ожидать снижения наполняемости российских тюрем.

Как вытекает из упомянутой концепции, одними из основных задач реформирования УИС являются улучшение условий отбывания лишения свободы, приближение их к европейским стандартам и создание тюрем нового типа. Представляется, что этими задачами подменяется более важная цель – уменьшение контингента «заключенных», исправление и возвращение их на свободу по возможности правопослушными и нерецидивирующими. Видимо, не найдется ни одного человека, который бы был против реализации такого подхода в реформировании УИС. Система исполнения наказания, безусловно, должна постоянно развиваться в соответствии с меняющимися условиями жизни в обществе. В числе первоочередных задач реформирования УИС значится введение новых мест отбывания наказания. Речь идет о создании системы тюрем как основного вида отбывания лишения свободы. Однако данная идея, на наш взгляд, является достаточно спорной и нуждается в дополнительном обсуждении и изучении.

Изменение лишь названия исправительного учреждения даже с некоторой корректировкой условий содержания не снизит преступность, не уменьшит число лиц, отбывающих лишение свободы. Бытует мнение, что тюрьма не исправляет человека, а скорее наоборот, портит его в какой-то мере. Но ведь все лица, поступающие по приговорам в исправительные учреждения отбывать наказание, приходят туда со свободы, из социума. Напрашивается вопрос: значит, их испортило общество и государство, ведь большинство из них еще не были в тюрьме и даже не привлекались к какой-либо ответственности? Однозначно, надо искать причины совершения преступлений в самом

обществе. Уместно здесь заметить, что преступность была всегда и во всех странах и, к сожалению, не исчезнет. Это утопия, что преступности не будет вообще. Но государству и обществу необходимо создавать условия для снижения ее роста, вырабатывая и принимая различные продуманные законы, программы и обеспечивая их реальное надлежащее выполнение. Конечно, условия содержания в местах лишения свободы необходимо улучшать, но начинать, видимо, следует не с изменения названия исправительного учреждения, а с пересмотра социальной политики государства.

В концепции делается упор на работу исправительных учреждений по перевоспитанию осужденных. Следует согласиться, что важное место в воспитании, исправлении и ресоциализации осужденных принадлежит учреждениям уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Они призваны исполнять уголовное наказание в виде лишения свободы, обеспечивать ресоциализацию осужденных в ходе его отбывания и готовить их к адаптации к условиям жизни на свободе после освобождения из мест заключения.

Безусловно, трудно переоценить практическое и теоретическое значение ресоциализации. Ее важность определяется не только тем, что она служит единственным критерием оценки эффективности работы учреждений, исполняющих наказание, она имеет и самостоятельное значение. К сожалению, цельной концепции ресоциализации до сих пор не выработано не только в России, но и в других странах. Нет ответов на вопросы, когда, каким образом, под воздействием каких факторов происходит восстановление социального статуса личности и введение ее в социальную жизнь как результат ресоциализации? Ученые и практические работники все чаще ставят знак равенства между ресоциализацией и исправлением осужденного. Так или иначе, но в основном суть ресоциализации сводится к тому, что она раскрывается как система мер воздействия на осужденного, комплекс мероприятий, призванных обеспечить его правопослушное поведение, процесс восстановления утраченных им в результате отбывания уголовного наказания социальных связей, осознание им необходимости подчинения правовым и иным моральным нормам поведения⁴. Когда идут дискуссии о ресоциализации, то в основном затрагиваются вопросы о мерах исправления. Смысл и содержание исправительного процесса

от этого нового слова «ресоциализация» не меняется, ничего нового она в него не вносит абсолютно. Однако наша задача состоит не в том, чтобы доказать, что понятия «исправление» и «ресоциализация» являются тождественными.

Практика исполнения наказания в виде лишения свободы многогранна и противоречива. С одной стороны, исправительные учреждения должны моделировать жизнь осужденного на свободе, а с другой – в них исполняется наказание и реализуются его цели в условиях принудительного режима, правилами которого регламентируется поведение осужденных, определяются пределы и приемы исправительного воздействия на них, что не имеет места в жизни на свободе. Соединение данных моментов в жизни осужденного – важнейшая социальная проблема и сложнейшая задача для исправительных учреждений, поскольку во время установленного приговором суда срока лишения свободы воспитательная функция права выступает в качестве средства ресоциализации (исправления) личности осужденного и может проявляться в том числе в профилактике преступлений и подготовке осужденных к жизни на свободе. Значит, одним из основных направлений является, конечно же, воспитательная деятельность (воспитательная функция) уголовно-исполнительной системы.

К данной сфере функционирования исправительных учреждений относятся:

- проведение психологической, социальной, воспитательной и образовательной работы в рамках процесса социализации;
- вовлечение осужденных в образовательные процессы и трудовую деятельность;
- поиск и внедрение форм, которые бы обеспечивали постоянную связь осужденных с семьями, друзьями, родственниками, трудовыми коллективами и пр.;
- реальное и действенное оказание помощи в бытовом и трудовом устройстве после освобождения;
- закрепление понятия «ресоциализация» в качестве цели уголовного наказания.

Эти и другие средства достаточно подробно представлены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Все они, безусловно, заслуживают внимания и, конечно же, претворения в жизнь. На некоторых из них следует остановиться, поскольку в настоящее время имеются проблемы с их осуществлением, хотя они и способны значительно повлиять на ресоциализацию,

если их продуманно и реально проводить в жизнь, а не провозглашать декларативно.

Нет необходимости рассматривать все перечисленные формы и методы, которые должны в своей работе применять исправительные учреждения и которые в то же время независимо от работы исправительных учреждений являются весьма проблемными. Позволим себе остановиться лишь на наиболее актуальных в настоящее время.

1. Трудовое обеспечение лиц, отбывающих лишение свободы. Проблемы трудовой занятости лиц, отбывающих лишение свободы, существенно обострились в современных экономических условиях, когда вполне трудоспособные лица в исправительных учреждениях не имеют постоянной работы. Производственная деятельность в исправительных учреждениях разрушена, выбит рычаг, стимулирующий осужденных работать. Специальная перепись 2009 г. показала, что в результате необеспеченности работой и из-за отсутствия заработка (либо низких заработков, когда работа носит непостоянный характер), а также материальной поддержки со стороны родственников отбывающие наказание в местах лишения свободы поставлены в условия, гораздо более худшие, чем лица, имеющие постоянную работу и заработную плату. Такое положение, безусловно, негативно отражается на выполнении задачи учреждений по исправлению осужденных, хотя производственная деятельность призвана способствовать реализации данного процесса. По переписи 2009 г., доля тех, кто отбывает лишение свободы только за преступления против личности и не трудится постоянно из-за отсутствия достаточного объема работы, составляет 33,2%⁵. А как известно, трудовая деятельность – это определенный стимул: человек чувствует, что он чем-то полезен, получает за свой труд какие-то деньги и имеет возможность погашать иски (если таковые имеются) и помогать своей семье. Поэтому одной из задач в плане ресоциализации (исправления) осужденных является создание базы труда, привлечение всех осужденных к постоянной трудовой деятельности. Это, безусловно, даст гарантию того, что лицо, освободившись из мест лишения свободы, будет иметь больше возможностей трудоустроиться по востребованной специальности.

2. На ресоциализацию влияет грамотность (образованность) человека. В концепции скромно указывается, что около 50 тыс. осужденных нуждаются в получении обязательного основного общего образования,

так как не имеют образования вообще (даже начального). Все эти лица (неграмотные) попали в колонии из свободной жизни, где они не учились (а должны были учиться), не ходили в школу (а должны были ходить), никто их к этому не обязывал и не принуждал. Уместно вспомнить, что в соответствии с переписью 1999 г. в местах лишения свободы не было ни одного осужденного, не имеющего какого-либо образования, а больше половины из них (56,8%) имели среднее образование. Этот показатель имеет весьма большое значение: многочисленные исследования показывают, что образовательный уровень является существенной характеристикой личности человека вообще и осужденного в частности. Чем образованнее человек, тем меньше вероятность совершения им преступления. Нельзя забывать, что безграмотные люди легче воспринимают негативное, быстрее поддаются плохому влиянию, хуже разбираются в обстановке и ситуациях и охотнее идут на совершение преступлений, нередко рецидивируют. Поэтому в первую очередь государство должно решить вопрос с обязательным общим образованием, и не следует перекладывать эту функцию на уголовно-исполнительные учреждения.

3. К формам воздействия на снижение преступности вообще, снижение количества лиц, отбывающих лишение свободы, и снижение рецидива, хотим мы это признавать или не хотим, конечно же, относятся социальные условия. Представляется, что заинтересованное проведение соответствующих мероприятий обществом и государством, безусловно, будет способствовать реальной помощи освобожденным лицам. Ведь в процессе ресоциализации у человека происходят изменения в установках поведения, взглядах и усвоении социальных норм и правил поведения в обществе. Методы, направленные на исправление осужденных (либо отбывших наказание), оказывают влияние на формирование мировоззрения личности, определяют ее ориентиры и формируют установку на достойный образ жизни. Но таких результатов можно добиться лишь в том случае, когда человек не будет выброшен государством и обществом на обочину и не окажется предоставленным самому себе, без поддержки и помощи. Когда человек видит, что ему помогают, его поддерживают, понимают и не относятся к нему безразлично, можно надеяться и ожидать позитивных изменений. В соответствии со ст. 182 УИК РФ освобожденные из мест лишения свободы имеют право на тру-

довое и бытовое обеспечение, однако, согласно переписи 2009 г., в 11,7% случаев это право не было реализовано. Поскольку социальная неустроенность и бесперспективность толкают многих судимых ранее лиц на совершение нового преступления, работа исправительных учреждений по оказанию социальной помощи осужденным после их освобождения должна стать одним из приоритетных направлений деятельности. Кроме этого, практика показывает, что отбывание уголовного наказания в условиях изоляции от общества нередко приводит к разрыву социально полезных связей осужденного с семьей, родственниками, коллективом по месту прежней работы и пр. Освобожденный в итоге не имеет семьи, родственников, жилья, работы, остается наедине сам с собой и своими проблемами. Эти трудности, особенно в бытовом и трудовом устройстве, могут подтолкнуть к совершению новых преступлений. Поэтому обязанностью органов УИС следует признать трудоустройство освобожденных и обеспечение их жильем либо восстановление утраченного.

Переход к рыночной экономике, передел собственности, обнищание большинства населения породили коррупцию в различных эшелонах власти, привели к росту преступности и социальной напряженности в обществе⁶. Нами было отмечено, что на преступность влияет бедность, а недостаточность материального обеспечения, отсутствие работы у человека способны на корню погубить любые проекты по ресоциа-

лизации личности. Эти и другие негативные обстоятельства не только дестабилизируют общество в целом, но и оказывают негативное воздействие на лиц, возвращающихся в это общество из мест лишения свободы.

Сейчас на арену жизни вышли молодые люди, личности которых сформировались на волне демократических преобразований под влиянием средств массовой информации, особенно телевидения, пропагандирующих праздный либо противоправный образ жизни в фильмах о преступности, жестокости и насилии, жизни богатых людей и т.п. Что может сформироваться у молодых людей после просмотра таких сюжетов?! В обществе разрушена прежняя идеология (ее вообще нет), отсутствует общенациональная идея, способная объединить людей и направить на позитивное развитие отношений. Наверное, надо признать, что ослаблены функции государства по управлению обществом и влиянию на социализацию личности (прежде всего, освобожденных из мест лишения свободы).

Резюмируя сказанное, нельзя не признать, что реформирование уголовно-исполнительной системы России – процесс объективный, своевременный и нужный, но сложный и противоречивый. Сопряжен он не только с преодолением трудностей материального и организационного характера, но и с потребностью в поиске иного правового профессионального подхода сотрудников УИС к своей работе и в осуществлении продуманного законодательного регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772р «О Концепции развития уголовноисполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» (ред. от 31.05.2012 г.) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи 2009 г. / Под ред. Ю.И. Калинина и В.И. Селиверстова. М., 2012.

³ Независимая газета. 2012. 2 окт.

⁴ См.: Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2005. С. 47–51.

⁵ См.: Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи 2009 г. С. 914.

⁶ См.: Добрен'ков В.И., Кравченко А.И. Социология. М., 2007. С. 27–33.

¹ См.: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772r «O koncepcii razvitija ugovolnoispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» (red. ot 31.05.2012 g.) // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² См.: Osuzhdennye i soderzhashiesja pod strazhej v Rossii. Po materialam special'noj perepisi 2009 g. / Pod red. Ju.I. Kalinina i V.I. Seliverstova. M., 2012.

³ Nezavisimaja gazeta. 2012. 2 okt.

⁴ См.: Rybak M.S. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody: problemy teorii i praktiki. Saratov, 2005. S. 47–51.

⁵ См.: Osuzhdennye i soderzhashiesja pod strazhej v Rossii. Po materialam special'noj perepisi 2009 g. S. 914.

⁶ См.: Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Sociologija. M., 2007. S. 27–33.

К вопросу о последствиях нарушения общественного порядка условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания

А.А. РЫБАКОВ – заместитель руководителя следственного отдела по г. Коврову следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области

В статье анализируются последствия нарушения общественного порядка условно-досрочно освобожденными, рассматривается порядок обращения в суд контролирующего органа, вносятся предложения по решению проблем теоретического и практического характера в данной области.

Ключевые слова: осужденный; наказание; условно-досрочное освобождение; общественный порядок; ответственность.

To the question about consequences of violation of public order by the convicts of parole

A.A. RYBAKOV – Deputy Chief of Investigate Department in Kovrov of Investigate Direction of Investigate Committee of the Russian Federation in Region Vladimir

The article is devoted to studying of consequences of violation of a public order by the convicts of parole, the order of an appeal to the court of supervisory authority is considered. As a result of the conducted research problems of theoretical and practical character are revealed, offers on their decision are made.

Key words: Condemned; punishment; conditional early release; grant of parole; responsibility.

Последствия условно-досрочного освобождения тесно связаны с поведением осужденного в период срока неотбытой части наказания. В данном случае, говоря о последствиях условно-досрочного освобождения, имеются в виду позитивная или негативная формы наступившей ответственности¹. Негативная ответственность, согласно ч. 7 ст. 79 УК РФ, может быть выражена в виде отмены условно-досрочного освобождения с исполнением оставшейся неотбытой части наказания.

В соответствии с данной нормой можно выделить основания отмены условно-досрочного освобождения:

а) совершение осужденным нарушения общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание;

б) злостное уклонение осужденным от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера;

в) совершение осужденным преступления.

Указанные основания одновременно выступают обязанностями рассматриваемой категории осужденных, то есть деяниями, от совершения которых условно-досрочно осужденным предписано воздерживаться под угрозой отмены условно-досрочного освобождения.

В рамках данной статьи проанализируем указанные основания отмены условно-досрочного освобождения и особенности их применения практическими органами.

При нарушении требований контролирующий орган на основании ч. 5 ст. 399 УПК РФ со ссылкой на п. 4.1 ст. 397 УПК РФ обращается в суд по вопросу отмены условно-досрочного освобождения в соответствии с ч. 7 ст. 79 УК РФ. Казалось бы, порядок действий при нарушении требований условно-досрочного освобождения достаточно четко регламентирован. Однако при его изучении выявлена значительная проблема. Органом, контролирующим условно-досрочно освобожденных от от-

бывания наказания лиц, является полиция, а согласно ч. 5 ст. 399 УПК РФ представление по указанному вопросу имеют право направлять только учреждения и органы, исполняющие наказания. В соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»² исполнение наказаний не относится к основным направлениям ее деятельности. Вопросам контроля за условно-досрочно освобожденными посвящен п. 26 ст. 12 данного нормативного акта, который гласит, что полиция обязана осуществлять контроль (надзор) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом в соответствии с федеральным законом запретов и ограничений; участвовать в осуществлении контроля за поведением осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно. На наш взгляд, данное положение не относит полицию к органам, исполняющим наказания. При этом наиболее верным решением было бы внести изменения в ч. 5 ст. 399 УПК РФ, дополнив ее словами «органа внутренних дел» после слов «по представлению».

Существуют и другие проблемы, возникающие при отмене условно-досрочного освобождения.

Во-первых, это основание отмены – совершение осужденным нарушения общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание.

Перечень правонарушений против общественного порядка предусмотрен законодательством об административных правонарушениях, которое согласно ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако при изучении порядка контроля условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, в частности порядка проверки данной категории лиц по факту привлечения к административной ответственности, мы выявили односторонность подхода к решению этого вопроса. Так, осужденные проверялись по базам данных ОВД, но не все из них были подвергнуты проверке по факту привлечения к административной ответственности административными комиссиями в соответствии с законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

С точки зрения теории для применения данного основания отмены условно-досрочного освобождения, то есть направления представления в суд, достаточно одного нарушения осужденным общественного порядка и, что важно, привлечения в установленном законом порядке к административному взысканию, то есть к ответственности. Однако в результате изучения деятельности подразделений, контролирующих условно-досрочно освобожденных, и судебной практики разных регионов установлено, что для отмены условно-досрочного освобождения с исполнением оставшейся неотбытой части наказания требуются два и более нарушений общественного порядка, за которые осужденный был привлечен к административной ответственности.

В сложившейся ситуации можно найти как положительные моменты, так и негативные. С одной стороны, осужденному после привлечения к административной ответственности дается еще один шанс, а с другой – это может свидетельствовать о безнаказанности условно-досрочно освобожденного, что может привести к совершению повторного преступления. При таком положении дел наличие одного административного правонарушения в подавляющем большинстве изученных случаев является отказом в удовлетворении представления контролирующего органа об отмене условно-досрочного освобождения (суды требуют не менее двух-трех таких нарушений).

На наш взгляд, условно-досрочно освобожденный может иметь возможность дальнейшего исправления без изоляции от общества после первого правонарушения. Однако необходимо учитывать его индивидуальные черты, обстоятельства совершенного преступления и другие характеризующие факторы. На практике получается противоположная ситуация: в большинстве случаев законное право осужденного на такую возможность воспринимается как право на совершение административного правонарушения. Лишь только в 9% изученных постановлений суда условно-досрочное освобождение отменялось на основании одного совершенного административного правонарушения, за которое осужденный был привлечен к ответственности.

Опрос сотрудников полиции свидетельствует о небольшом количестве направлений соответствующих представлений в суд после совершения первого правонарушения, за которое осужденный был подвергнут административному взысканию (25%). Большин-

ство сотрудников считают целесообразным обращаться в суд лишь после второго или третьего подобного нарушения. Также установлено, что сотрудники подразделений, контролирующие условно-досрочно освобожденных, приравнивают запрет на совершение административных правонарушений против общественного порядка к обязанностям, возложенным на осужденных судом при применении условно-досрочного освобождения, и учитывают их при определении наличия в действиях осужденных злостного уклонения от исполнения таких обязанностей, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

В целях устранения несогласованности уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодатель-

ства в отношении определения субъекта обращения в суд по вопросу отмены условно-досрочного освобождения предлагаем внести изменения в ч. 5 ст. 399 УПК РФ, дополнив ее словами «органа внутренних дел» после слов «по представлению».

Порядок применения мер воздействия в виде ответственности в практической деятельности не всегда соблюдается, что приводит к отклонению от соблюдения установленных целей и задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Выход из сложившейся ситуации видится в проведении мероприятий по разъяснению правоприменительным органам соответствующих порядка и процедур в рамках курсов повышения квалификации, семинаров, круглых столов по проблемным вопросам условно-досрочного освобождения от назначенного наказания.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Краснов М.А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М., 1995. С. 26; Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С. 147.

² См.: СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

¹ См.: Krasnov M.A. *Otvetstvennost' v sisteme narodnogo predstavitel'stva (metodologicheskie podhody)*. M., 1995. S. 26; Prohorov V.S., Kropachev N.M., Tarbagaev A.N. *Mehanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya: norma, pravootnoshenie, otvetstvennost'*. Krasnojarsk, 1989. S. 147.

² См.: SZ RF. 2011. № 7. Ст. 900.

Правовое положение осужденных, направляемых в места лишения свободы: проблемы реализации и направления совершенствования

Е.Е. НОВИКОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье исследуются проблемы правового регулирования и организации перемещения осужденных в исправительные учреждения, рассматриваются актуальные вопросы реализации территориального принципа отбывания наказания, обеспечения безопасности конвоируемых лиц и их правового положения во время направления в исправительное учреждение.

Ключевые слова: конвоирование осужденных; территориальный принцип отбывания наказания; правовое положение; безопасность осужденных.

The legal status of prisoners sent to prisons: implementation problems and improvement directions

E.E. NOVIKOV – Associate Professor of the Chair of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

This paper investigates the problems of legal regulation and direction of the organization of convicts in prisons. It deals with the problems of implementation of the territorial principle of punishment, security escorted persons and their legal status while escorting.

Key words: escort prisoners; the territorial principle of punishment; the legal status; security prisoners.

Актуальность создания стройной процедуры направления осужденных в исправительные учреждения обусловливается рядом объективных причин:

– во-первых, реализацией целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹, касающихся 1) повышения эффективности работы специальной службы по конвоированию, 2) сокращения специального рецидива преступлений осужденных во время их следования в ИУ и 3) соблюдения прав и законных интересов направляемых в места лишения свободы;

– во-вторых, приведением уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с потребностями общества на современном этапе развития и с международными договоренностями в области обеспечения прав человека;

– в-третьих, острой необходимостью решения проблем направления осужденных в

места лишения свободы, так как этот элемент первоначального этапа отбывания лишения свободы становится отправной точкой исполнения наказания в целом;

– в-четвертых, нерешенностью правовых вопросов, связанных с перемещением лиц в ИУ, что накладывает негативный отпечаток на обеспечение правового положения осужденных в период передвижения в места лишения свободы и ставит под сомнение успешность осуществления первоначальной адаптации.

В первую очередь отметим, что применительно к лишению свободы нормы международного права (например, п. 13, 17.1 Европейских пенитенциарных правил²) и уголовно-исполнительный закон (ст. 73 УИК РФ) устанавливают территориальный принцип отбывания наказания. По общему правилу осужденные направляются для отбывания наказания в ИУ, находящиеся в пределах территории субъекта Российской

Федерации, где они проживали, а лица, не имеющие постоянного места жительства, – по месту осуждения. Это создает возможность поддержания контактов осужденных с семьями и близкими родственниками, являющимися для большинства из них единственной непосредственной связью с внешним миром.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время такой подход реализуется почти повсеместно, в связи с чем имеются серьезные ресурсы для координации действий администраций СИЗО и ИУ в решении вопросов о направлении осужденных в места отбывания наказания в определенные законом сроки, выборе учреждения, позволяющего эффективно организовать исправительное воздействие в отношении конкретного осужденного. В этих целях в ряде СИЗО, расположенных в областных центрах, создаются специализированные психолого-диагностические лаборатории³.

Вместе с тем правовые нормы, содержащиеся в других частях ст. 73 УИК РФ, позволяют не соблюдать приведенное правило по целому ряду оснований (отсутствие по месту жительства или по месту осуждения ИУ соответствующего вида, невозможность размещения осужденных в имеющихся ИУ). «Не определены точные критерии, по которым федеральный орган УИС принимает решение о назначении места отбывания наказания. При этом ни сам осужденный, ни его родственники не получают разъяснения о причинах и обоснованности решения»⁴. Все это имеет место на фоне того, что «в местах лишения свободы довольно высок удельный вес осужденных, утративших социально полезные связи с семьей, позитивно ориентированным социальным окружением»⁵.

Считаем, что содержащиеся в ч. 1, 2, 3 ст. 73 УИК РФ исключения из общего правила значительно затрудняют первоначальную адаптацию осужденных в ИУ и не способствуют успешной реализации положений концепции, в которой обозначено, что одним из направлений развития УИС является сохранение социально полезных связей осужденных, доступности мест отбытия наказания для их родных и близких и обеспечение отбытия осужденным наказания в максимально возможной близости к месту жительства его семьи. Поддержание и восстановление социально полезных связей осужденных к лишению свободы с семьей и иным социально позитивным окружением могут стать новыми критериями оценки эффективности деятельности ИУ.

В ряду основных задач направления осужденных в ИУ особенно выделяется максимально полное обеспечение их правового положения и условий содержания во время этапирования.

Исходя из смысла ст. 76 УИК РФ можно назвать следующие права осужденных, реализуемые ими в период направления в ИУ: обеспечение личной безопасности, создание необходимых материально-бытовых и санитарно-гигиенических условий, снабжение одеждой по сезону, обеспечение соответствующим питанием по установленным нормам на весь период следования, следование в ИУ за счет государства.

Для успешного осуществления направления осужденных в ИУ необходимо проинформировать данных лиц об их правовом положении в процессе следования к месту отбывания наказания. Однако нормы российского законодательства не предусматривают наличия у осужденных права на получение каких-либо сведений о порядке и условиях соответствующего перемещения.

Не совсем верно говорить, что таким правом осужденные обладают, ссылаясь при этом на ч. 1 ст. 12 УИК РФ, в которой декларируется, что «осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания». В данном случае ученые-пенитенциаристы делают акцент на том, что это право возникает у осужденных при отбывании уголовного наказания⁶. Речь не идет о том, что осужденный имеет право на разъяснение порядка и условий направления в ИУ. Проведенное исследование показало, что до сведения 70% осужденных перед направлением в ИУ не доводилась информация об их правах и обязанностях⁷.

По мнению большинства опрошенных сотрудников, рассматриваемое право осужденных регламентировать на правовом уровне необязательно, так как о своем правовом положении они обычно узнают от других осужденных перед направлением в ИУ. Однако можно только представить, какого рода данные они получают по таким каналам, поэтому считаем необходимым закрепить право осужденного на получение информации о порядке и условиях его направления в ИУ.

На практике процесс перемещения осужденных далек от совершенства, что неизбежно сказывается на их правовом положении:

1) нарушение условий размещения при направлении: 6% осужденных следовало совместно с несовершеннолетними осуж-

денными; 11% перемещалось совместно с осужденными, направляющимися в ИУ другого вида;

2) 43% осужденных охарактеризовали материально-бытовые и санитарно-гигиенические условия в процессе следования в ИУ как неудовлетворительные;

3) 30% осужденных имели конфликты с другими осужденными, причем в 70% случаев в разрешение проблем вмешивались сотрудники конвойной службы;

4) 11% осужденных не было вовремя предоставлено питание (или было предоставлено не в полном объеме);

5) 4% осужденных в процессе направления в ИУ имели возможность беспрепятственно покинуть спецтранспорт, то есть совершить побег.

Отдельно следует указать, что подпункты 3–8 приказа Минюста России от 01.12.2005 г. № 235 «Об утверждении Инструкции о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного исправительного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения» полностью дублируют нормы УИК РФ и не акцентируют внимания на правовом положении осужденных, а также на организации мер по обеспечению безопасности при направлении в места лишения свободы и осуществлению контроля за этой деятельностью.

Учитывая вышесказанное, рекомендуем ч. 1 ст. 75 УИК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Осужденные к лишению свободы направляются для отбывания наказания не позднее 10 дней со дня получения администрацией следственного изолятора извещения о вступлении приговора в законную силу. В течение этого срока осужденный имеет право на получение информации о своих правах и обязанностях, а также о порядке и условиях направления в исправительное учреждение».

Одним из средств обеспечения должного правового положения осужденных, перемещаемых в ИУ, являются меры безопасности. Их несвоевременная реализация создает основу для развития конфликтов среди лиц, направляемых в ИУ, затрудняет их последующее вхождение в среду осужденных. Как уже отмечалось, по результатам опроса осужденных, более 30% респондентов имели конфликты с другими осужденными в период следования в ИУ.

Необходимость правового регулирования обеспечения безопасности при направлении осужденного в ИУ обосновывается и тем, что при осуществлении указанного процесса повышена противоправная активность и агрессивность осужденных, что обусловлено, в свою очередь, различными обстоятельствами. Результаты исследования показывают: 79% сотрудников, деятельность которых заключается в конвоировании осужденных, не менее одного раза в месяц изымали запрещенные предметы; 35,8% опрошенных на протяжении всего срока несения службы применяли спецсредства или табельное оружие в ходе своей служебной деятельности; 58% в указанный промежуток времени вмешивались в разрешение конфликтов среди спецконтингента.

Отметим, что согласно ст. 13 УИК РФ во время отбывания наказания «осужденные имеют право на личную безопасность». При детальном изучении содержания данной статьи можно понять, что в ней фактически приводится исчерпывающий перечень субъектов, обеспечивающих безопасность осужденных, и тех лиц, в отношении которых должны быть осуществлены соответствующие меры. Субъектами, обеспечивающими безопасность, являются любые должностные лица учреждения, исполняющего наказания в виде ареста или лишения свободы, а объект – безопасность личности осужденного, непосредственно отбывающего наказание, связанное с изоляцией от общества, и находящегося при этом в соответствующем учреждении.

Обозначенную правовую проблему существенно осложняет то, что ни в одном ведомственном нормативно-правовом акте не конкретизируется положение ст. 13 УИК РФ применительно к процедуре направления осужденных к лишению свободы.

Учитывая изложенное, предлагаем ч. 1 ст. 76 УИК РФ представить в следующей редакции:

«1. Осужденные к лишению свободы направляются к месту отбывания наказания и перемещаются из одного места отбывания наказания в другое под конвоем, за исключением следующих в колонию-поселение самостоятельно в соответствии с частями первой и второй статьи 75.1 настоящего Кодекса. Личная безопасность осужденного к лишению свободы в процессе его перемещения обеспечивается специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию».

Подводя итог, можно констатировать, что на сегодняшний день в обеспечении право-

вого положения перемещаемых осужденных существует ряд проблем. Так, изучение правовых основ направления осужденных в ИУ выявило следующие недостатки, затрагивающие права, обязанности и законные интересы лиц, этапирруемых в места лишения свободы: фактическое отсутствие у осужденного права на свидание с иными лицами перед направлением в ИУ; неурегулирование вопроса обязательного предоставления осужденным информации об их

правах и обязанностях, порядке и условиях направления в ИУ; правовые пробелы относительно размещения осужденных при следовании к месту отбывания наказания и др. Проблемы правового регулирования и организации рассматриваемого вида деятельности ведут к нарушениям в организации первоначального этапа отбывания наказания, что в дальнейшем может негативно сказаться на адаптации осужденных в ИУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Европейские пенитенциарные правила // Международные стандарты в уголовно-исполнительной сфере: Хрестоматия и аннот. юрид., психол. и проф.-этич. док. Рязань, 2006. С. 338–377.

³ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2008. С. 75.

⁴ Шимоволос С.М., Базунов В.В. Соответствие законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации Европейским пенитенциарным правилам. М., 2009. С. 14.

⁵ Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам переписи осужденных 2009 г.) / Науч. ред. В.И. Селиверстов. М., 2010. Вып. 1. С. 3. Показательно, что у 47% лиц, состоявших в браке на момент осуждения, брак во время отбывания наказания в виде лишения свободы был расторгнут.

⁶ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Зубкова. С. 89; Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Науч. ред. А.С. Михлин. С. 93; Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. И.Л. Трунова. М., 2007. С. 402.

⁷ В статье приводятся данные, полученные в результате проведения анкетирования 107 практических работников подразделений ФСИН России, а также 840 осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ИУ республик Алтай и Мордовия, Красноярского и Краснодарского краев, Омской, Калужской, Челябинской и Кемеровской областей.

¹ Sm.: Rasporyzhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O Konceptcii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² Sm.: Evropejskie penitenciarne pravila // Mezhdunarodnye standarty v ugovolno-ispolnitel'noj sfere: Hrestomatija i annot. jurid., psihol. i prof.-jetich. dok. Rjazan', 2006. С. 338–377.

³ Sm.: Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod red. A.I. Zubkova. M., 2008. S. 75.

⁴ Shimovolos S.M., Bazunov V.V. Sootvetstvie zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noj praktiki Rossijskoj Federacii Evropejskim penitenciarnym pravilam. M., 2009. S. 14.

⁵ Harakteristika osuzhdennyh, otbyvajushih lishenie svobody (po materialam perepisi osuzhdennyh 2009 g.) / Nauch. red. V.I. Seliverstov. M., 2010. Vyp. 1. S. 3. Pokazatel'no, chto u 47% lic, sostojavshih v brake na moment osuzhdenija, brak vo vremja otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody byl rastorgnut.

⁶ Sm.: Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod red. A.I. Zubkova. S. 89; Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Nauch. red. A.S. Mihlin. S. 93; Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obshh. red. I.L. Trunova. M., 2007. S. 402.

⁷ V stat'e privodjatsja dannye, poluchennye v rezul'tate provedenija anketirovanija 107 prakticheskij rabotnikov podrazdelenij FSIN Rossii, a takzhe 840 osuzhdennyh, otbyvajushih nakazanie v vide lishenija svobody v IU respublik Altaj i Mordovija, Krasnojarskogo i Krasnodarskogo kraev, Omskoj, Kaluzhskoj, Cheljabinskoj i Kemerovskoj oblastej.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дознание как форма предварительного расследования преступлений: правовые и организационные основы

А.С. ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор

В статье рассматриваются правовые и организационные основы дознания как формы предварительного расследования. На фоне произведенных автором исторических обобщений проанализирован не только общий его порядок, но и новая форма дознания – сокращенная.

Ключевые слова: дознаватель; дознание; досудебное производство; орган дознания; предварительное следствие; сокращенное дознание; уголовный процесс; формы предварительного расследования.

Inquiry, as a form of pre-trial investigation of crime: the legal and institutional framework

A.S. SHATALOV – Doctor of Law, Professor of the Chair on Judiciary and Justice Organization of the National Research University «Higher School of Economics», Professor

The article examines the legal and organizational basis for the inquiry as a form of pre-trial investigation. Against the backdrop of historical generalizations made by the author, analyzed not only the general of his order, but also introduced in 2013 a new form of inquiry - short.

Key words: investigator; investigation; pre-trial proceedings; the body of inquiry; preliminary investigation; short inquiry; criminal procedure form preliminary investigation.

Производство дознания практикуется в России довольно давно. К началу XIX в. оно из «прелюдии» судебного производства трансформировалось в ключевое направление деятельности полиции. В то время первоначальные сведения о преступлении полиция собирала «посредством розысков», «словесными расспросами» и «негласными наблюдениями», не производя при этом ни обысков, ни выемок. Более того, она не имела права на протоколирование своих действий, а полученные в ходе дознания сведения заносились в один об-

щий акт, подписываемый лицом, непосредственно его составлявшим. Как правило, в нем указывались не сами доказательства, а только сведения об их источниках. Такие акты не могли оглашаться в судебном заседании, поскольку по действовавшим тогда законам признание обвиняемого на дознании, не подтвержденное им в присутствии суда, не имело доказательственного значения. Это было вполне логичным еще и потому, что целью дознания тогда считалось одно лишь «обнаружение преступного характера происшествия», а все дальнейшие

действия «по разыскиванию и изобличению преступника» должны были «принадлежать следователю»¹.

Характеризуя дознание XIX в., исследователи российского (русского) уголовного процесса констатировали, что оно представляет собой деятельность отнюдь не судебную. В своих трудах они справедливо подчеркивали, что «успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия»². Согласно Уставу уголовного судопроизводства (1864 г.) розыск выступал составной частью дознания³, то есть фактически одним из способов его производства, направленным «к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления»⁴.

Отделив дознание от предварительного следствия и отождествив его с розыском, законодательство того времени стремилось решить как минимум две практические задачи. Проиллюстрируем их следующими цитатами:

1) «полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных сведений значительно уменьшится»;

2) «судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях, и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений, судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения»⁵.

Ярко выраженный процессуальный характер дознание стало приобретать уже в советское время. Впервые его правовой режим был приближен к общему порядку производства предварительного следствия в УПК РСФСР 1922 г.⁶ В последующие годы вплоть до принятия в 1960 г. УПК РСФСР (третьего по счету)⁷ понятия «дознание» и «следствие» в законодательстве четко не разграничивались. Практический смысл в их разграничении стал появляться лишь тогда, когда расследование уголовных дел приобрело ведомственную природу и возникла необходимость освобождения следственных аппаратов от расследования преступлений небольшой и средней тяжести. В начале 90-х гг. XX в. в органах внутренних дел началось формирование специализи-

рованных подразделений, которые и сейчас несут основную нагрузку по расследованию уголовных дел в форме дознания. Обновление российского уголовно-процессуального законодательства и создание Следственного комитета Российской Федерации, призванного в перспективе централизовать всю следственную работу, стало мощным импульсом для дальнейшего совершенствования правовых и организационных основ дознания как формы предварительного расследования.

В соответствии с действующим законодательством предварительное расследование в форме дознания может производиться не только в общем, но и в сокращенном порядке, установленном гл. 21, 22 и 24–29 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 32 и 321 УПК РФ. Все названные главы входят в разд. VIII УПК РФ «Предварительное расследование». Остановимся на анализе их содержания.

Дознание законодателем определяется как форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно (п. 8 ст. 5 УПК РФ). Выполнение органом дознания неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, дознанием не является. Это одно из общих условий предварительного расследования (ст. 157 УПК РФ), специально предназначенное для удовлетворения нужд в немедленном процессуальном производстве. И не более того.

Дознание может производиться по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Их около ста. Причем расследование в этой форме может осуществляться не только дознавателями, но и капитанами морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителями геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания, а также главами дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации (ч. 3 ст. 40 УПК РФ).

В общем порядке дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела и до дня принятия решения о направлении уголовного дела прокурору. При необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток. В отдельных случаях (например, связанных с производством судебной экспертизы) срок дозна-

ния может быть продлен прокурором района, города, приравненным к ним военным прокурором и их заместителями до шести месяцев. В исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, направленного в порядке, предусмотренном ст. 453 УПК РФ, срок дознания может быть продлен прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором до 12 месяцев. Основанием его продления является постановление дознавателя, в котором излагаются обстоятельства, установленные в ходе дознания, с указанием даты возбуждения уголовного дела, даты истечения срока дознания, основания невозможности закончить дознание в установленный срок, а также перечень следственных действий, которые требуется выполнить в продленный срок.

В случае если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в его совершении, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, копию которого вручает подозреваемому с разъяснением при этом ему его прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Факт совершения этих действий отражается в протоколе.

В уведомлении о подозрении в совершении преступления указываются:

- 1) дата и место его составления;
- 2) фамилия, инициалы лица, его составившего;
- 3) фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место рождения;
- 4) описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ;
- 5) пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление.

При установлении по одному уголовному делу нескольких подозреваемых уведомление о подозрении в совершении преступления вручается каждому из них. При наличии оснований подозревать лицо в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями УК РФ, в уведомлении о подозрении в совершении преступления должно быть указано, в совершении каких деяний данное лицо подозревается по каждой из этих норм уголовного закона. Копия уведомления о подозрении лица в совершении преступления направляется прокурору.

В течение трех суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления дознаватель обязан допросить его по существу подозрения. При наличии оснований он вправе с согласия прокурора перед судом ходатайствовать об избрании в отношении этого лица меры пресечения в виде заключения под стражу. В случае удовлетворения такого ходатайства обвинительный акт составляется не позднее десяти суток со дня заключения подозреваемого под стражу. При невозможности составить обвинительный акт в течение этого срока подозреваемому предъявляется обвинение в порядке, установленном гл. 23 УПК РФ, после чего производство дознания продолжается в общем порядке либо данная мера пресечения отменяется. При невозможности закончить дознание в срок до тридцати суток и отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения в виде заключения под стражу срок ее действия может быть продлен судьей районного или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном ч. 3 ст. 108 УПК РФ, по ходатайству дознавателя с согласия прокурора (района, города или приравненного к нему военного прокурора) на срок до шести месяцев.

Приостановленное дознание впоследствии может быть возобновлено на основании постановления прокурора либо начальника подразделения дознания в случаях, предусмотренных ст. 211 УПК РФ (то есть когда отпали основания его приостановления или когда возникла необходимость производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия подозреваемого, обвиняемого). Возобновление приостановленного дознания либо продление срока дознания по уголовным делам, находящимся в производстве следователя Следственного комитета Российской Федерации, осуществляются соответствующим руководителем следственного органа этого же ведомства в порядке, установленном ч. 3–5 ст. 223 УПК РФ.

Производство дознания по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено группе дознавателей, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела (ст. 223² УПК РФ). К работе группы дознавателей могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Состав такой группы определяется подозреваемому, обвиняемому.

Решение о производстве дознания группой дознавателей, а также об изменении ее состава принимает начальник органа дознания. В его постановлении должны быть перечислены все дознаватели, которым поручено производство дознания, а также указывается, кто из них назначается руководителем данной группы. Именно он будет принимать уголовное дело в свое производство, организовывать работу группы, руководить действиями других дознавателей, составлять обвинительный акт, а также принимать следующие решения:

1) о выделении уголовных дел в отдельное производство в порядке, установленном ст. 153–155 УПК РФ;

2) прекращении уголовного дела полностью или частично;

3) приостановлении или возобновлении производства по уголовному делу;

4) письменном уведомлении, подозрении в совершении преступления;

5) привлечении лица в качестве обвиняемого и об объеме предъявляемого ему обвинения;

6) направлении обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской, судебно-психиатрической экспертизы (за исключением случаев, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

7) возбуждении перед прокурором ходатайства о продлении срока дознания;

8) возбуждении с согласия прокурора перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, а также о производстве следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Руководитель группы и входящие в нее дознаватели вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими дознавателями, лично производить следственные действия и принимать решения по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ.

Дознание, произведенное в общем порядке, завершается составлением обвинительного акта – итогового процессуального документа, в котором отражается решение о необходимости привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу. В нем указываются:

1) дата и место его составления;

2) должность, фамилия, инициалы лица, его составившего;

3) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности (если обвиняемых несколько, то эти данные заполняются на каждого из них);

4) место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела;

5) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ;

6) перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания;

7) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (если в уголовном деле несколько обвиняемых, то данные обстоятельства перечисляются по каждому из них);

8) данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда (если в уголовном деле несколько потерпевших, то данные обстоятельства перечисляются по каждому из них);

9) список лиц, подлежащих вызову в суд.

К обвинительному акту прилагается справка о сроках дознания, избранных мерах пресечения с указанием времени содержания под стражей и домашнего ареста, вещественных доказательствах, гражданском иске, принятых мерах по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества, процессуальных издержках, а при наличии у обвиняемого, потерпевшего иждивенцев – о принятых мерах по обеспечению их прав. В ней также должны указываться соответствующие листы уголовного дела.

Составленный дознавателем обвинительный акт утверждается начальником органа дознания. С этого момента лицо, в отношении которого он вынесен, становится обвиняемым (п. 2 ч. 1 ст. 47 УПК РФ).

По существующему порядку обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела. Об этом делается отметка в составленном по этому поводу протоколе. Потерпевшему или его представителю по его ходатайству могут быть предоставлены для ознакомления обвинительный акт и материалы уголовного дела в том же порядке, что и обвиняемому и его защитнику. Далее материалы уголовного дела вместе с обвинительным актом направляются прокурору, который обязан их рассмотреть и в течение двух суток принять одно из следующих решений:

1) об утверждении обвинительного акта и направлении уголовного дела в суд;

2) возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо

пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям ст. 225 УПК РФ со своими письменными указаниями (при этом прокурор может установить срок для производства дополнительного дознания не более десяти суток, а для пересоставления обвинительного акта не более трех суток);

3) прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24–28 УПК РФ;

4) направлении уголовного дела для производства предварительного следствия.

Решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания, прекращении уголовного дела и направлении уголовного дела для производства предварительного следствия оформляются постановлением. В случае же утверждения обвинительного акта прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переqualифицировать его на менее тяжкое. Установив, что к моменту направления уголовного дела в суд срок домашнего ареста или срок содержания под стражей оказывается недостаточным для выполнения судом требований о принятии решения по поступившему уголовному делу (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), прокурор при наличии оснований возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей (ч. 21 ст. 226 УПК РФ).

Копия утвержденного прокурором обвинительного акта с приложениями вручается обвиняемому, его защитнику и потерпевшему.

Начиная с 2013 г. в следственную практику была внедрена еще одна форма производства дознания – сокращенная⁸. Основание, порядок и особенности ее реализации регламентированы гл. 321 УПК РФ (ст. 2261–2269). В ней установлено, что дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства об этом подозреваемого и при одновременном наличии следующих условий:

1) когда уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, расследование которых должно производиться в форме дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ);

2) когда подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

3) когда отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

Исчерпывающий перечень этих обстоятельств приведен в ст. 2262 УПК РФ. В ней, в частности, установлено, что дознание не может производиться в сокращенной форме в следующих случаях:

1) если подозреваемый является несовершеннолетним, то есть лицом, не достигшим возраста 18 лет;

2) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном гл. 51 УПК РФ;

3) подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК РФ;

4) лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, когда хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, то есть к преступлениям, предварительное расследование которых должно осуществляться в форме дознания;

5) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;

6) потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме.

В тех случаях, когда данные обстоятельства становятся известны или возникают после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано вынести постановление о производстве дознания в общем порядке. Если же данные обстоятельства становятся известны или возникают уже после поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления и до направления уголовного дела в суд, то решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке должно приниматься прокурором. В тех случаях, когда вышеуказанные обстоятельства становятся известны или возникают в ходе судебного производства, вернуть уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке должен судья. Он вправе принимать такое решение вплоть до удаления в совещательную комнату для постановления приговора.

Участники производства по уголовному делу, дознание по которому производится в сокращенной форме, имеют те же права и обязанности, что и по уголовному делу, по которому дознание производится в общем порядке, но с двумя небольшими изъятиями. Во-первых, физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред, признается потерпевшим не позднее трех суток со дня возбуждения уголовного дела. В результате оно получает возможность распоряжаться правами, предусмотренными ст. 42 УПК РФ, уже на начальном этапе расследования. Во-вторых, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке. Этим правом они могут воспользоваться в любой момент производства по уголовному делу, но до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Заявленное ими ходатайство подлежит обязательному удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Таким образом, при наличии соответствующих условий дознаватель обязан разъяснить подозреваемому его право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме. Причем это должно произойти до начала его первого допроса. Одновременно ему разъясняются порядок и правовые последствия такого дознания, о чем в протоколе делается соответствующая отметка.

Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме может быть заявлено только письменно. Оно подписывается подозреваемым, его защитником и подается дознавателю не позднее двух суток после разъяснения права заявить такое ходатайство. В срок не более 24 ч с момента его поступления дознавателем должно быть вынесено постановление либо об удовлетворении, либо об отказе в удовлетворении ходатайства. Каждое из этих решений может быть обжаловано в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ.

Отказ в удовлетворении заявленного ходатайства закон допускает только при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме. Вместе с тем если ходатайство подозреваемого было дознавателем удовлетворено, то в течение 24 ч с момента вынесения соответствующего постановления он должен

направить прокурору, а также потерпевшему уведомление о принятом решении. При этом потерпевшему должны быть разъяснены порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против ее применения.

При производстве дознания в сокращенной форме доказывание по расследуемому уголовному делу имеет ряд особенностей. Все они (как и каждая в отдельности) призваны минимизировать продолжительность познавательного процесса за счет уменьшения и упрощения требований к сбору, проверке и оценке доказательств. Во-первых, это выражается в сужении круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по расследуемому уголовному делу. Вследствие чего доказательства дознавателем должны собираться не «по полной программе», а в объеме, достаточном для установления следующих наиболее важных для разрешения уголовного дела обстоятельств:

1) события преступления (то есть самого факта общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законодательством под угрозой наказания);

2) виновности лица в его совершении (то есть психического отношения к совершенному им деянию и его последствиям);

3) характера и размера причиненного им вреда (для обеспечения его возмещения).

Вторая особенность доказывания при производстве дознания в сокращенной форме призвана исключить невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. Она выражается в том, что, руководствуясь ч. 2 ст. 2265 УПК РФ, дознаватель обязан произвести не все, а только необходимые следственные и иные процессуальные действия, способные предотвратить развитие событий именно в этом ключе, и обеспечить таким образом сохранность наиболее криминалистически значимой информации. При этом он вправе не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых уже содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, но с условием, что они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Помимо этого, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, и не допрашивать лиц, от которых

в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения. По смыслу закона этим своим правом он не может воспользоваться лишь тогда, когда возникла необходимость проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, и когда необходимо установить дополнительные фактические обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении.

При производстве дознания в сокращенной форме дознаватель также наделен правом не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении. При таком стечении обстоятельств судебная экспертиза им назначается только в целях установления дополнительных фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, для проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, а также при наличии оснований для обязательного назначения судебной экспертизы, предусмотренных ст. 196 УПК РФ.

Дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток. Он исчисляется со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме и до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением. Этот срок может быть продлен прокурором до 20 суток. Постановление о его продлении должно быть представлено прокурору не позднее чем за 24 ч до истечения общего срока дознания в сокращенной форме. О продлении срока дознания в сокращенной форме дознаватель обязан письменно уведомить подозреваемого, его защитника, потерпевшего и его представителя.

В случае продолжения производства по уголовному делу в общем порядке срок дознания в сокращенной форме засчитывается в общий срок предварительного расследования.

Дознание в сокращенной форме завершается обвинительным постановлением. Оно должно составляться дознавателем тогда, когда необходимые следственные действия были им произведены и объем собранных доказательств достаточен для обо-

снованного вывода о совершении подозреваемым преступления. В нем указываются те же сведения, что и в обвинительном акте (исключая список лиц, подлежащих вызову в суд). К обвинительному постановлению прилагается справка, в которой со ссылками на листы уголовного дела указываются следующие данные:

- 1) о месте жительства или месте нахождения лиц, подлежащих вызову на судебное заседание;
- 2) избранной мере пресечения;
- 3) времени содержания под стражей или домашним арестом (если обвиняемому была избрана эта мера пресечения);
- 4) вещественных доказательствах;
- 5) сроке дознания в сокращенной форме;
- 6) принятых мерах по обеспечению прав иждивенцев обвиняемого, потерпевшего (при их наличии).

Обвинительное постановление подписывается дознавателем и утверждается начальником органа дознания. Оно должно быть составлено в течение 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Если составить обвинительное постановление в этот срок не представилось возможным (например, вследствие большого объема следственных и иных процессуальных действий, производство которых с учетом особенностей доказывания является обязательным), то по его истечении дознание продолжается в общем порядке, о чем дознаватель выносит соответствующее постановление.

После составления обвинительного постановления обвиняемый и его защитник в течение трех суток должны быть ознакомлены с ним и материалами уголовного дела. При наличии ходатайства потерпевшего и (или) его представителя указанные лица знакомятся с названными документами в этот же срок. В том и другом случае дознавателем должен составляться протокол, где фиксируются сведения о произведенном ознакомлении. Если же завершить процесс ознакомления в установленный период времени по каким-либо причинам невозможно, то дознание на основании постановления дознавателя должно быть продолжено в общем порядке.

До окончания ознакомления обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель вправе заявить следующие ходатайства:

- 1) о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым в связи с нарушением закона,

допущенным при получении такого доказательства;

2) производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в собранных доказательствах;

3) производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу;

4) пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия установленным требованиям.

Если до окончания срока ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела от обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя названные ходатайства не поступили либо если в их удовлетворении было отказано, то уголовное дело с утвержденным начальником органа дознания обвинительным постановлением незамедлительно направляется прокурору.

В случае удовлетворения ходатайства о пересоставлении обвинительного постановления дознаватель в течение двух суток со дня окончания ознакомления приводит его в соответствие с установленными требованиями. Далее он предоставляет заинтересованным лицам возможность ознакомления с ним, после чего направляет вместе с уголовным делом прокурору. При удовлетворении какого-либо другого из вышеназванных ходатайств дознаватель в течение этого же срока производит необходимые процессуальные действия и пересоставляет обвинительное постановление с учетом новых доказательств. После того как обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель будут ознакомлены с пересоставленным обвинительным постановлением и дополнительными материалами уголовного дела, дознаватель направляет их прокурору. Если все эти действия в срок произвести не представляется возможным (например, вследствие большого объема следственных и иных процессуальных действий), то срок дознания может быть продлен до 20 суток в порядке, установленном ч. 2 ст. 2266 УПК РФ. Если и в этот срок окончить дознание в сокращенной форме не представилось возможным, то дознаватель выносит соответствующее постановление и продолжает производство по уголовному делу в общем порядке.

После завершения ознакомления уголовное дело вместе с утвержденным начальником органа дознания обвинительным постановлением направляется прокурору, который в течение трех суток обязан их рассмотреть и принять одно из следующих решений:

1) об утверждении обвинительного постановления и направлении уголовного дела в суд;

2) возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям ч. 1 ст. 2267 УПК РФ, устанавливая для этого срок не более двух суток;

3) направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке;

4) прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28 и 281 УПК РФ.

Решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке должно приниматься прокурором в следующих случаях:

– при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 2262 УПК РФ (то есть когда подозреваемый является несовершеннолетним, имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера и др.);

– если при производстве по уголовному делу были допущены существенные нарушения требований УПК РФ, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

– если собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления;

– при наличии достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого, то есть ложное обвинение им самого себя и взятие чужой вины.

В случае утверждения обвинительного постановления прокурор вправе исключить из него отдельные пункты обвинения либо перекалвалифицировать его на менее тяжкое. По этому поводу им выносится постановление.

Копии обвинительного постановления с приложениями вручаются прокурором обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и (или) его представителю. После этого он направляет уголовное дело в суд, о чем обязан

уведомить тех же самых участников уголовного судопроизводства.

Завершая анализ правовых и организационных основ дознания, следует отметить, что более чем за двухвековую историю своего развития оно претерпело немало организационно-структурных перестроек. Тем не менее по-прежнему занимает особую нишу в досудебном производстве по уголовным делам. За годы, прошедшие после вступления в силу ныне действующего УПК РФ, эта упрощенная по своей сути форма расследования еще больше приблизилась к правовому режиму предварительного следствия. Полномочия дознавателя мало чем отличаются от полномочий, которыми располагает следователь, а само дознание регламентируется теми же статьями, что и предварительное расследование вообще. Особенности, которыми его наделил законодатель, мы постарались обстоятельно рассмотреть в данной статье. Изученные материалы убеждают в том, что наиболее существенные корректировки процедур предварительного расследования являлись следствием широкомасштабных судебных реформ. Но независимо

от времени и результатов их осуществления множественность форм предварительного расследования оставалась неизменной. Уместно напомнить, что разработчики Концепции судебной реформы в Российской Федерации настаивали на ликвидации дознания как формы расследования преступлений⁹. Однако российское законодательство пошло по пути не только сохранения, но и расширения компетенции дознания. С появлением в марте 2013 г. сокращенной формы дознания получило дополнительное организационно-правовое ресурс, призванный обеспечивать его эффективность. Главное достоинство этой формы заключается в том, что она сокращает время между моментом совершения преступления и наказанием виновного, что повышает эффективность уголовно-правового воздействия на правонарушителей, позволяет производить процессуальные действия в минимально необходимом объеме и дает возможность сотрудникам российских правоохранительных органов сосредоточиться на выявлении, раскрытии и расследовании преступлений с повышенной степенью общественной опасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левенштейн Ю.Н. О свидетельских показаниях по уголовным делам. М., 1865. С. 48.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. / Под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996. С. 42.

³ См.: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. М., 1997. С. 259.

⁴ Квачевский А.А. О вызове и допросе свидетелей на предварительном следствии. М., 1869. С. 124.

⁵ Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. С. 260.

⁶ См.: Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991. Т. 8. С. 188.

⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁸ См.: Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 48 (6024).

⁹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

¹ Levenshtejn Ju.N. O svidetel'skikh pokazanijah po ugovolnym delam. M., 1865. S. 48.

² Fojnickij I.Ja. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva: V 2 t. / Pod red. A.V. Smirnova. SPb., 1996. S. 42.

³ Sm.: Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva 1864 g. // Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava Rossii / Sost. Ju.P. Titov. M., 1997. S. 259.

⁴ Kvachevskij A.A. O vyzove i doprose svidetelej na predvaritel'nom sledstvii. M., 1869. S. 124.

⁵ Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava Rossii / Sost. Ju.P. Titov. S. 260.

⁶ Sm.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vekov. Sudebnaja reforma / Otв. red. B.V. Vilenskij. M., 1991. T. 8. S. 188.

⁷ Sm.: Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960 g.) // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. St. 592.

⁸ Sm.: Federal'nyj zakon ot 04.03.2013 g. № 23-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 62 i 303 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2013. № 48 (6024).

⁹ Sm.: Koncepcija sudebnoj reformy v Rossijskoj Federacii. M., 1992.

Вопросы взаимодействия ФСИН и МВД России при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений

О.А. БЕЛОВ – начальник отдела организации научной работы Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые вопросы организации взаимодействия ФСИН и МВД России при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений. На основе положений международных нормативных актов и норм российского законодательства проводится анализ процедуры объявления лиц в международный розыск и организации взаимодействия Национального центрального бюро Интерпола и ФСИН России, а также существующих проблем в данном вопросе; предлагаются меры по совершенствованию механизма взаимодействия правоохранительных органов при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : международный розыск; взаимодействие; Интерпол; побег; осужденные; исправительные учреждения.

Interaction of the Russian Federal Penitentiary Service and Ministry of Internal affairs of Russia in international search of persons escaped from a correctional facility

O.A. BELOV – Head of the Organization of Scientific Work in the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University, PhD. in Law, Associate Professor

This article discusses some issues of interaction of the Russian Federal Penitentiary Service and the Russian Ministry of Internal Affairs in the implementation of the international investigation of persons who have escaped from prison. On the basis of the provisions of the international regulations and norms of the Russian legislation the analysis procedure offers individuals in the international search and organization of interaction of Interpol and the Russian Federal Penitentiary Service, as well as the existing problems in this matter; propose measures to improve the mechanism of cooperation between law enforcement agencies in the implementation of the international investigation of perpetrators escape from prison.

Key words: international wanted list; interaction; Interpol; escape; inmates; correctional institutions.

Международный розыск представляет собой комплекс оперативно-розыскных, информационно-справочных и иных мероприятий компетентных органов государства-инициатора розыска и зарубежных стран, направленных на обнаружение, арест и выдачу (экстрадицию) разыскиваемых преступников.

Международный розыск лиц осуществляется через посредничество Национального центрального бюро (НЦБ) Интерпола и проводится на территории каждого из участвующих в розыске государств в соответствии с нормами международного права, а также в соответствии с национальными нормативными правовыми актами. При этом правоохранительными и иными государственными органами Российской Федерации и право-

охранительными органами иностранных государств проводится комплекс оперативно-розыскных и информационно-справочных мероприятий, направленных на обнаружение разыскиваемых лиц.

При совершении побегов из исправительных учреждений есть вероятность того, что осужденный попытается скрыться за территорией Российской Федерации. Несмотря на то, что такие случаи в практике деятельности исправительных учреждений достаточно редки, тем не менее они имеют место быть.

Успешная организация розыска сбежавших осужденных (в том числе и международного) невозможна без должного взаимодействия правоохранительных органов, в частности МВД и ФСИН России.

В настоящее время правовой основой осуществления международного взаимодействия в борьбе с преступностью является совместный приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 06.10.2006 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола», на основании которого осуществляется взаимодействие МВД России со всеми заинтересованными субъектами, в том числе ФСИН России.

Проанализировав данный нормативный акт, можно прийти к выводу, что в действительности существуют определенные проблемы в правовом регулировании общественных отношений, возникающих при организации и осуществлении международного розыска. Эти проблемы связаны не с международными нормативными актами, а с регулированием данных правоотношений на федеральном уровне. В Российской Федерации на уровне федерального закона вопросы осуществления международного розыска не закреплены. Нет такого закрепления ни в федеральном законе «О полиции»¹, ни в законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».²

Получается своего рода пробел в законодательстве: на международном и ведомственном уровнях осуществление международного розыска регламентировано, а на законодательном нет. Такое положение представляется абсолютно недопустимым. Считаем целесообразным внести соответствующие дополнения в действующее законодательство (в частности, законы «О полиции» и «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»), где будут закреплены полномочия соответствующих подразделений, на которые возложены функции по осуществлению международного розыска.

В соответствии с межведомственной инструкцией одним из субъектов сотрудничества по линии Интерпола является Федеральная служба исполнения наказаний. Территориальные органы ФСИН России направляют документы в соответствующие филиалы НЦБ Интерпола.

Международный розыск лиц, совершивших побег из исправительных учреждений, состоит из определенных стадий.

Инициатор розыска обращается в НЦБ своей страны с просьбой назначить розыск бежавшего за границу осужденного, страна пребывания которого неизвестна. К просьбе прилагаются сведения о разыскиваемом, данные о приказе на арест, описание пре-

ступления и способа его совершения, квалифицирующие признаки. Просьбу визирует компетентный орган власти ходатайствующего государства, подтверждая тем самым, что НЦБ действует по поручению полномочного ведомства³.

НЦБ проверяет эту просьбу с точки зрения ее соответствия ст. 3 Устава Интерпола, запрещающей участие в делах политического, военного, расового, религиозного характера, и, если необходимо, запрашивает дополнительную информацию о преступлении; после этого просьба на официальном бланке направляется в Генеральный секретариат Интерпола.

После того, как Генеральный секретариат засвидетельствует, что просьба о розыске и аресте преступника не противоречит ст. 3 устава, она рассылается в НЦБ всех или некоторых стран, входящих в Интерпол.

В каждой стране на основании полученного из центра бюллетеня местные полицейские органы предпринимают розыскные операции. Циркуляр Интерпола призывает их действовать без промедления.

Если разыскиваемый обнаружен, полиция задерживает его, руководствуясь законами своей страны. В большинстве стран-членов Интерпола факт рассылки МВД, через которое действует НЦБ, извещения о розыске преступника рассматривается как распоряжение о его аресте в случае обнаружения. В случае если местный суд откажется удовлетворить просьбу полиции о прелиминарном аресте преступника, Генеральный секретариат Интерпола рекомендует полиции следить за его перемещением и действиями и сообщать инициатору розыска о всякой перемене им места пребывания. О произведенном аресте полиции немедленно извещает НЦБ своей страны.

НЦБ в свою очередь уведомляет об аресте преступника Генеральный секретариат и НЦБ страны-инициатора розыска.

НЦБ, объявившее розыск, немедленно уведомляет об аресте преступника заинтересованные органы своей страны. Они срочно направляют в страну места задержания преступника просьбу о его выдаче.

Последним полицейским мероприятием в международном плане является извещение, которым НЦБ – инициатор розыска – сообщает в Генеральный секретариат Интерпола о взятии под стражу преступника. Генеральный секретариат делает отметку («гашение») на материалах о розыске, с тем чтобы прекратить розыскные действия в других странах. О прекращении розыска извещаются все страны.

По вопросам, связанным с организацией и осуществлением международного розыска осужденных, совершивших побег, с НЦБ Интерпола взаимодействуют территориаль-

ные органы Федеральной службы исполнения наказаний. Эти органы подготавливают документы, необходимые для объявления международного розыска, и передают их в НЦБ Интерпола, а также исполняют запросы о розыске и проверке лиц, поступившие из НЦБ Интерпола, в установленные сроки.

Осужденные, совершившие побег из мест лишения свободы, объявляются в международный розыск при условии, что они осуждены к наказанию в виде лишения свободы на срок не менее четырех месяцев⁴. На наш взгляд, установление какого-либо срока лишения свободы как основания для объявления международного розыска лица, совершившего побег, представляется нецелесообразным. Как показывает практика, в большинстве случаев побег совершают лица, приговоренные к длительным срокам лишения свободы. Однако в том случае, если осужденный, которому по приговору суда был назначен минимальный срок лишения свободы (в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ – 2 месяца), совершит побег и скроется на территории другого государства, это не будет основанием для объявления международного розыска.

В каждом территориальном органе ФСИН России функции взаимодействия с органами внутренних дел по линии международного розыска осужденных возложены на отдел розыска оперативного управления. Сотрудниками отдела предоставляется вся необходимая информация о лице, совершившем побег, составляется запрос, который направляется в НЦБ Интерпола. При необходимости сотрудники НЦБ Интерпола могут сделать запрос в соответствующий орган ФСИН России о предоставлении дополнительной информации.

С целью возможного установления нахождения в международном розыске прибывших в исправительное учреждение осужденных отдел розыска проверяет их данные по учетам НЦБ Интерпола. Если такой факт подтвердится, то сотрудниками отдела розыска территориального органа ФСИН России информация сообщается в НЦБ Интерпола.

Исследования показывают, что в нынешних условиях закрепления достигнутых результатов реформирования УИС сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства внутренних дел не всегда верно ориентируются в вопросах взаимодействия при совершении побега и организации совместных действий по международному розы-

ску лиц, совершивших побег из исправительного учреждения. Тому есть несколько причин.

Во-первых, на межведомственном уровне существует совместный приказ МВД и Минюста России «О совершенствовании работы по розыску лиц, совершивших побег из учреждений УИС или уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы». Однако анализ данного нормативного акта показал, что в нем не регламентирована процедура взаимодействия оперативных подразделений ОВД и УИС. В связи с этим считаем необходимым разработку и принятие нового межведомственного нормативного документа, в котором данная процедура была бы раскрыта.

Во-вторых, даже имеющееся небольшое количество специальной литературы по вопросам такого взаимодействия в практике используется мало. На наш взгляд, для повышения эффективности работы оперативных подразделений МВД и ФСИН России по линии международного розыска осужденных, совершивших побег, необходимо разработать и внедрить в практическую деятельность органов и учреждений ФСИН и МВД России методические рекомендации по организации и осуществлению международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений.

Все вышеуказанные задачи требуют выработки комплекса научно-практических предложений в сфере повышения эффективности розыскной работы ФСИН и МВД России по линии Интерпола в отношении лиц, совершивших побег из мест лишения свободы и скрывающихся за границей.

В-третьих, на практике иногда возникают проблемы при выдаче задержанного за рубежом осужденного. В некоторых случаях осужденные, совершившие побег, являются гражданами другого государства и скрываются на территории своей страны. Неоднократно были случаи, когда иностранное государство отказывало в выдаче осужденного. На наш взгляд, в таких случаях необходима помощь международных организаций, чтобы отказ иностранного государства в выдаче имел существенное обоснование, а не отождествлялся с банальным нежеланием выдавать своего гражданина, тем более в тех случаях, когда совершенное им деяние на территории Российской Федерации является преступлением и по уголовному законодательству иностранного государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.06.2012 г.) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² См.: Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 01.04.2012 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уго-

¹ Sm.: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ (red. ot 25.06.2012 g.) «O policii» // SZ RF. 2011. № 7. St. 900.

² Sm.: Zakon RF ot 21.07.1993 g. № 5473-1 (red. ot 01.04.2012 g.) «Ob uchrezhdenijah i organah, ispolnjajushhijh

ловные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

³ Пункты 22, 23 Межведомственной инструкции об организации информационного сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной совместным приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 06.10.2006 г. № 786/310/470/454/333/971.

⁴ См.: Пункт 119 Межведомственной инструкции об организации информационного сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной совместным приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 06.10.2006 г. № 786/310/470/454/333/971.

ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» // Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 33. St. 1316.

³ Punkty 22, 23 Mezhvedomstvennoj instrukcii ob organizacii informacionnogo sotrudnichestva po linii Interpola, utverzhdennoj sovmestnym prikazom MVD Rossii, Minjusta Rossii, FSB Rossii, FSO Rossii, FSKN Rossii, FTS Rossii ot 06.10.2006 g. № 786/310/470/454/333/971.

⁴ Sm.: Punkt 119 Mezhvedomstvennoj instrukcii ob organizacii informacionnogo sotrudnichestva po linii Interpola, utverzhdennoj sovmestnym prikazom MVD Rossii, Minjusta Rossii, FSB Rossii, FSO Rossii, FSKN Rossii, FTS Rossii ot 06.10.2006 g. № 786/310/470/454/333/971.

Доказывание на стадии предварительного расследования: некоторые проблемы и решения

А.М. ЛЮТЫНСКИЙ – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы российского уголовного судопроизводства, связанные с понятием и содержанием доказательства и собирания доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, предлагаются варианты толкования норм УПК РФ и решения рассмотренных проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : доказательство; собирание доказательств; субъекты доказывания; представление доказательств; участие защитника в доказывании.

Proof at the preliminary investigation stage: some problems and solutions

A.M. LIUTYNSKIY – Associate Professor of the Chair of Criminal Procedural Law of the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University, PhD. in Law, Associate Professor

The article considers some of the controversial issues of the Russian criminal proceedings related to the concept and the content of evidence and to collecting of evidence at the pretrial stage of criminal proceedings. The interpretations of the rules of the Criminal Procedure Code and the solutions of the mentioned problems are presented.

Key words: evidence; collecting evidence; subjects of proof; give evidence; advocate as a participant of proving.

Повышение эффективности работы правоохранительных органов по расследованию преступлений невозможно отделить от совершенствования института доказательственного права в российском уголовном процессе. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), к сожалению, не лишен неточностей и противоречий. Не претендуя на исчерпывающий анализ проблем, укажем лишь на несколько проблемных вопросов, наиболее тесно связанных с деятельностью по расследованию преступлений.

В научной литературе нет однозначного понимания сущности уголовно-процессу-

ального доказательства в уголовном судопроизводстве. На наш взгляд, необходимо понимать сущность доказательства двояко: как совокупность содержания (информации, так или иначе относящейся к исследуемому событию) и формы (способа получения и отражения, установленного уголовно-процессуальным кодексом).

Это согласуется с легальным определением доказательства, установленным ч. 1 ст. 74 УПК РФ: «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим

Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». В данном определении указана как содержательная сторона уголовно-процессуального доказательства, так и его процессуальная форма.

При этом практическое значение в доказывании имеет установление обстоятельств, связанных с предметом доказывания. Эти обстоятельства в юридической литературе и в судебной практике иногда именуют доказательственными фактами (например, наличие следов пальцев рук определенного человека на месте происшествия), определение которых необходимо для установления главного факта. Видимо, этим можно объяснить смешение в некоторых работах понятий «доказательство» и «доказательственный факт», когда содержанием доказательства считаются факты и одновременно сведения о них¹.

На наш взгляд, это логически неверно. Понимание доказательства как совокупности информации о каком-либо обстоятельстве, полученной, закреплённой и отражённой в уголовно-процессуальной форме, более корректно как с теоретической, так и с практической точки зрения, что не отменяет значения доказательственных фактов в процессе уголовно-процессуального доказывания и судебного исследования преступлений.

Актуальным дискуссионным вопросом представляется понимание термина «собрание доказательств» и определение субъекта этой деятельности.

УПК РФ определяет доказывание как регулируемое законом деятельность, состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств (ст. 85), то есть в содержании уголовно-процессуального познания определены три элемента. Мы оставляем за рамками настоящей публикации такие элементы (в некоторых источниках – этапы) доказывания, как проверка и оценка, которые требуют отдельного исследования, обратившись лишь к первому составному элементу. Содержательно собирание доказательств можно описать как процесс выявления потенциально имеющей отношение к расследуемому преступлению информации в окружающей действительности с помощью рациональных методов познания и преобразования ее в информацию, отражённую в соответствии с правилами, установленными в уголовно-процессуальном законе. Задача лица, собирающего доказательство, во-первых, правильно определить совокупность методов познания, которые максимально полно и точно способствуют получению этой информации, а во-

вторых, соблюсти процессуальную форму, то есть механизмы введения этой информации в уголовный процесс, ее отображения (закрепления) в процессуальных документах.

Как указывается в научной литературе, при выборе путей и средств (способов) собирания доказательств должны учитываться закономерности, связанные с образованием следов, отражений их в объективном мире и условий, обеспечивающих наиболее надежные пути и средства их восприятия и закрепления в материалах дела².

Некоторые авторы предлагают для обозначения процесса придания потенциальной доказательственной информации процессуальной формы использовать термин «формирование доказательств»³. Момент полного формирования доказательства связывается с его процессуальным закреплением, то есть отражением и фиксацией с помощью предусмотренных законом средств.

На наш взгляд, содержательно это верно, однако термин «собрание», установленный законом, представляется более широким и точным в сущностном отражении этого вида деятельности. Формирование доказательств можно определить как неотъемлемый элемент собирания доказательств, но далеко не единственный. Проблема термина «собрание доказательств» тесно связана с пониманием того, кто же является субъектом доказывания.

Нормы уголовно-процессуального закона в регулировании этого вопроса достаточно противоречивы.

Обосновать решение этого вопроса можно, связав его с уточнением содержания термина «собрание доказательств» и определением критериев, которые позволяют наделять участника судопроизводства статусом полноценного субъекта доказывания. Можно предложить выделить такой критерий, как полномочия субъекта доказывания по окончательному решению вопроса о приобщении документа, предмета, производстве следственного действия, назначении экспертизы и т.п. Другими словами, имеет значение своеобразная властная «доказательственная компетенция».

Следует упомянуть дискуссию по поводу отнесения процессуальным законом суда к полноценным субъектам доказывания. В юридической литературе существует достаточно подробно обосновываемая точка зрения, в соответствии с которой специфическая роль суда в уголовном судопроизводстве не позволяет его отнести к субъектам доказывания⁴. С этим нельзя согласиться по причине, указанной выше. Можно добавить, что именно суд выносит итоговую оценку совокупности доказательств. Оценка доказательств – право любого участника судопроизводства, но

именно оценка доказательств судом имеет решающее значение для уголовного дела. Эту оценку сложно отделить от проверки, которая также осуществляется судом и также названа в законе одним из элементов доказывания.

С этим дискуссионным вопросом связана проблема роли в доказывании защитника и некоторых иных участников уголовного судопроизводства. Так, в ч. 3 ст. 86 УПК РФ указано, что защитник вправе собирать доказательства и устанавливает способы этого собирания. Однако данная норма фактически остается декларативной, так как по существу противоречит ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Имеющаяся следственная практика также позволяет утверждать, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства защитник фактически имеет возможность не собирать, а представлять следователю информацию, которую тот вправе приобщить к материалам дела и ввести в уголовное дела, придав ей процессуальную форму.

Существуют многочисленные научные публикации, обосновывающие недостаток анализируемой нормы⁵. Действительно, принятый механизм участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании позволяет говорить о зависимости защитника на стадии предварительного расследования от участников, ведущих уголовное судопроизводство, и противоречиях между ч. 2 ст. 74 и ч. 3 ст. 86 УПК в вопросе процессуальной формы итогов такого доказывания.

Можно резюмировать, что указанная норма (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) имеет декларативный характер и вносит путаницу в понимание термина «собрание доказательств», особенно на стадии предварительного расследования. При существующей системе построения досудебных стадий уголовного процесса защитник не имеет полномочий по собиранию доказательств, фактически он может собирать некую предварительную информацию и просить полноценного субъекта доказывания на стадии предварительного расследования о приобщении этой информации к материалам дела.

Полноценное разрешение данных противоречий, на наш взгляд, возможно лишь одновременно с принципиальными изменениями уголовно-процессуального закона и сущности досудебных стадий, которые реализуют принцип состязательности на стадии предварительного расследования, изменят функции, полномочия и взаимоотношения участников уголовного судопроизводства. В этом случае потребуется создание процессуальной фигуры некоего «предварительного (следственного) судьи» на досудебных стадиях, равноудаленного по отношению к стороне защиты и стороне, которая формирует материалы уголовного дела, подготавливая его к судебному разбирательству. Другим вариантом могла бы стать модель «параллельного» расследования, при которой материалы, представленные стороной защиты наряду с материалами стороны обвинения, имеют для суда равную доказательственную значимость.

Такие идеи, как представляется, интересны, однако в ближайшее время вряд ли будут реализованы. Тем не менее проблему необходимо решать хотя бы в рамках имеющейся правовой модели.

В качестве такого варианта представляется интересным предложение о дополнении УПК РФ процедурой представления доказательств с разработкой соответствующей процессуальной формы, позволяющей полноценно зафиксировать инициативу участника процесса (фиксацию его ходатайства), характеристику представляемого объекта (предмета, документа)⁶. Введение такой процедуры обеспечит более полноценную реализацию прав участников уголовного судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

В рамках статьи невозможно подробно рассмотреть все проблемы уголовно-процессуального доказывания, но их решение будет способствовать повышению качества деятельности по собиранию доказательств в ходе расследования преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. курс / В 3 т. М.; В. Новгород, 2012. Т. 1: Общие положения. С. 390.

² См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2009. С. 347–355.

³ См.: Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: Учеб. для магистров / Под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., 2012. С. 211.

⁴ См.: Там же. С. 234–246.

⁵ См., напр.: Иванченков Ю.В. Участие адвоката-защитника в собирании доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 12–16.

⁶ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 89–104.

¹ См., напр.: Shatalov A.S. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: Ucheb. kurs / V 3 t. M.; V. Novgorod, 2012. T. 1: Obshhie polozhenija. S. 390.

² См.: Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: Ucheb. / Otв. red. P.A. Lupinskaja. M., 2009. S. 347–355.

³ См.: Ugolovno-processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: Ucheb. dlja magistrrov / Pod red. V.A. Lazarevoj, A.A. Tarasova. M., 2012. S. 211.

⁴ См.: Там же. С. 234–246.

⁵ См., напр.: Ivanchenkov Ju.V. Uchastie advokata-zashhitnika v sobiranii dokazatel'stv v ugovnom processe // Advokatskaja praktika. 2012. № 4. S. 12–16.

⁶ См.: Shejfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovanija. M., 2009. S. 89–104.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе вуза

Р.В. РЮМИН – директор средней школы № 29 им. А.А. Попова г. Вологды, кандидат филологических наук, доцент, академик Международной академии социальных технологий

Применение информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе вуза в значительной степени ускоряет передачу знаний и накопленного технологического и социального опыта, дает каждому человеку возможность получать необходимые знания. Активное и эффективное внедрение этих технологий способствует созданию образовательной системы, отвечающей требованиям информационного общества.

Ключевые слова: образовательный процесс вуза; информационно-коммуникативные технологии; компьютерные технологии обучения в высшей школе.

The use of information and communication technologies in educational process of high school

R.V. RYUMIN – Director of the Municipal Educational Institution «Secondary school № 29 named after A.A. Popov» Vologda, PhD. in Philology, Associate Professor, Academician of the International Academy of Social Technologies

The use of information-communication technologies in the educational process of the University in greatly accelerates the transfer of knowledge and accumulated technological and social experience, gives every person an opportunity to receive necessary knowledge. Active and effective implementation of these technologies in education is an important factor for the creation of an education system that meets the requirements of the information society.

Key words: educational process of the University; information and communication; computer technologies of education in the higher school.

Традиционная система обучения остается приоритетной в области классического высшего образования. Она имеет много сторонников среди преподавателей и студентов. Использование информационно-коммуникационных технологий не лишает преподавателя и студента общения, столь необходимого в учебном процессе.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии являются важной составляющей многих образовательных программ. Информационно-коммуникационные технологии – это образовательные технологии, основанные на использовании спутниковых

средств передачи данных и телевидения, а также глобальных и локальных сетей для обеспечения опосредованного взаимодействия обучающихся с преподавателями и доступа обучающихся к информационным образовательным ресурсам, представленным в виде цифровых библиотек, видеолекций и других средств обучения¹.

Большинство ученых (И.П. Волков, Ю.П. Господарик, И.Г. Захарова, О.М. Карпенко, Т.Е. Лебедева, В.М. Монахов, О.П. Окалелов, П.И. Самойленко, А.В. Сергеев, Е. Трофимова, В.Ф. Шолохович, Н.Е. Щуркова и др.) считают, что информационные технологии спо-

способствуют достижению образовательных целей. Как средство достижения педагогических целей они охватывают ресурсы цифровых библиотек в виде различных фондов учебной литературы: учебников, справочников, словарей и др. Информационно-коммуникативные технологии также предполагают использование в учебном процессе программных и технических средств (аудио- и видеосредства, компьютеры, телекоммуникационные сети). Информационно-коммуникационные технологии активно используются в образовательной структуре передовых стран мира. Российские исследователи также рассматривают данные технологии как образовательные и начинают широко использовать их в отечественном образовании.

Использование информационных технологий обучения ведет к следующим изменениям в системе образования:

1. Меняется управляемость учебным процессом. В педагогической литературе пишут об организованном самообразовании, направляемом самостоятельном обучении, при котором преподаватель разрабатывает учебную программу в помощь самостоятельному обучению студентов. Каждый студент работает по своей собственной программе с предлагаемым структурированным учебным материалом при относительно ограниченном взаимодействии с преподавателями и другими студентами, то есть процесс самообучения носит организованный характер. Поэтому главное в учебном процессе – научиться управлять учебной деятельностью студентов с целью развития интеллектуальных умений и создания такой интерактивной среды, в которой студенты могут проявить познавательную активность, творческий подход к самообразованию и самореализации. Но часто кажущаяся простота в организации самостоятельной работы студентов негативно сказывается на качестве самой деятельности.

Именно применение информационно-коммуникационных технологий обучения формирует умения самостоятельно приобретать знания, овладевать способами познавательной деятельности с учетом психологических особенностей мышления и памяти.

2. Обновляются способы педагогического взаимодействия. Под процессом педагогического взаимодействия понимается преднамеренный контакт педагога и студентов, следствием которого являются изменения в качестве образования. Отсутствие единства

мнений относительно способа взаимодействия педагога и студента находится в зависимости от того, как организован учебный процесс. Образовательная деятельность осуществляется преподавателем и студентом при взаимодействии друг с другом через компьютерную сеть, или для передачи информации между ними используется промежуточная телекоммуникационная среда, когда преподаватель и студент работают на расстоянии друг от друга без непосредственного контакта. На начальном этапе использования информационных технологий обучения часто меняются условия организации учебного процесса в зависимости от местонахождения студентов и финансовой возможности вузов, осуществляющих внедрение информационных технологий. Указанные технологии способствуют получению знаний, основной массив которых осваивается через электронные коммуникации², то есть интерактивно.

3. Появляется возможность массового обучения. В современном российском обществе интерес к образованию значительно возрос в связи с увеличением доли интеллектуального и производственного труда. Возникает необходимость формирования педагогической модели массового обучения с использованием новых образовательных технологий.

Массовость в контексте непрерывного образования не зависит от большого количества учебных групп. Наоборот, образование станет массовым только тогда, когда каждый найдет в нем удобные для себя формы и продуктивные средства обучения. Массовое обучение использует информационно-коммуникационные технологии, так как они экономят финансовые средства и предоставляют возможность получать образование на местах. Традиционное образование требует больших финансовых затрат и менее доступно.

4. Активизируются формы индивидуального обучения. Индивидуальный характер обучения с применением информационно-коммуникационных технологий реализуется в виде четкой программы, расписания учебных занятий и обязательной педагогической поддержки студентов. При этом осуществление педагогической поддержки со стороны педагогов в процессе выполнения учебного плана индивидуально для каждого студента. Эффективность внедрения новых образовательных технологий также зависит от того, насколько профессорско-преподавательский состав проникся идеологией,

овладел технологией и современными методиками. Особую значимость в организации учебного процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий приобретает человеческий (субъективный) фактор, так как отсутствие заинтересованности и нежелание преподавателей и студентов менять привычные методы работы препятствуют развитию индивидуального обучения.

5. Реализуются вариативные и инвариантные характеристики информационных технологий обучения. В настоящее время высшие учебные заведения России испытывают разного рода трудности в применении информационно-коммуникационных технологий. В условиях возникшей конкуренции большинство вузов делают разного рода попытки использовать доступные для них современные технологии. Первоначально внедряют более доступные в финансовом отношении информационные средства.

В действительности, обучение с применением информационно-коммуникационных технологий обладает определенными свойствами, которые остаются постоянными на протяжении долгого времени. Явление вариативности в применении данных технологий обучения обусловлено существованием такой модели обучения, в основе которой лежит определенный тип используемых современных технологий в сочетании с дидактическим программным обеспечением, что создает множество вариантов (моделей) современного обучения. При вариативном содержании образования проявляется педагогический плюрализм. Именно вариативность привносит неоднозначность в понимание учебного процесса. И понятие инварианта, и понятие вариативности имеют большое значение для характеристики онтологической природы современного образования в целом. В связи с этим присутствием инвариантных свойств в современном образовании сопровождается наличием вариативных характеристик, которые определяются комплексным использованием образовательных технологий, избираемых каждым вузом отдельно. Применение информационно-коммуникационных технологий отличается вариативностью моделей, которые, накладываясь на уже имеющиеся формы (очного, заочного, очно-заочного, экстерната), еще больше подчеркивают вариативный характер моделей обучения.

Следовательно, вариант и инвариант принципиально негомогенные объекты. Инвариантом для разных моделей обучения

является некоторое абстрактное понятие обучения, которое не существует как нечто реально существующее, но которое все же существует в каждом виде обучения в качестве общих свойств организованной индивидуальности и дистантности, демонстрируя диалектику общего и отдельного.

Разнообразие вариантов обучения, предлагаемое учебными заведениями, свидетельствует о многообразии их представлений о характере современного образования. Применение разнообразных форм, средств и технологий в каждом частном случае находится в стадии вариативной разработки, постоянного совершенствования и перспективного развития.

Информационно-коммуникационные технологии – это обучающие технологии, если они используются в рамках организации учебного процесса. В зависимости от специальности, уровня подготовки, оснащения дисциплины, особенностей личности используются различные информационно-коммуникационные технологии. На практике невозможно наблюдать модели обучения «в чистом виде», так как каждое образовательное учреждение вправе выбирать свои технологии и создавать условия, необходимые для реализации дидактических принципов по отдельным дисциплинам. Для каждой отдельной дисциплины в зависимости от ее предметного содержания, видов практических занятий можно подобрать наиболее подходящую модель, которая может приобретать те вариативные характеристики, которые необходимы для обеспечения идеальных условий обучения каждой учебной дисциплине. Для этого требуется индивидуальный подбор информационно-коммуникационных технологий, хотя, разумеется, в реальной ситуации гораздо проще все дисциплины учебного плана изучать по одной из моделей.

6. Способствуют интеграции учебных планов и программ предметных дисциплин. Информационно-коммуникационные технологии способствуют на практике интеграции учебных планов и программ различных образовательных областей (например, иностранный язык плюс специальные дисциплины будущей профессии, информатика плюс любые предметные дисциплины). Разработчики находят точки их соприкосновения между собой, а компьютерные технологии способствуют их «сплетению» в единый предметный комплекс. Это часто меняет структуру и содержание обучения, которые зависят в первую очередь от предметной области.

Некоторые ученые (Г.В. Ившина, Е.С. Полат и др.) рассматривают информационно-коммуникационные технологии обучения как новую форму обучения. Так, Г.В. Ившина в своем исследовании пишет о новой форме дистанционного образования, которая реализуется специфическими способами и отличается формой подачи материала, формой взаимодействия учителя и учащихся³.

7. Наблюдается тенденция к размыванию форм обучения. При современной организации обучения каждая из форм учебного процесса (очная, заочная, очно-заочная и экстернат), осуществляясь строго по учебному плану, стремится привлекать современные информационные технологии для передачи учебного материала. Любая форма обучения жестко регламентирована соответствующим учебным планом и нормирована определенным количеством часов, а не формой подачи материала или формой взаимодействия преподавателя и студента. В свою очередь, информационно-коммуникационные технологии – это средства достижения образовательных целей, где субъекты образовательного процесса могут быть географически разделены, а для передачи информации между ними используется промежуточная телекоммуникационная среда. Мы считаем, что информационно-коммуникационные технологии могут в равной степени использоваться во всех формах обучения, придавая новое качество уже существующим формам обучения.

В настоящее время можно уже говорить о том, что информационно-коммуникационные технологии способствуют размыванию

границ у существующих форм обучения, так как они могут использоваться в любой из вышеперечисленных форм, а их внедрение открывает большие перспективы для тех, кто стремится сделать свое образование непрерывным.

Идея использования информационно-коммуникационных технологий не является абсолютно новой в организации учебного процесса, но согласиться с тем, что это простая комбинация прежних уже существующих форм обучения, было бы неверным.

Таким образом, обучение с применением информационно-коммуникационных технологий – это процесс получения знаний, в основе которого активная самостоятельная учебная деятельность, педагогическое интерактивное взаимодействие, четкая организация индивидуального обучения, способствующие интеграции учебных планов и программ предметных дисциплин, развитию массового непрерывного образования, осуществлению личностно-деятельностного подхода к процессу обучения, повышению эффективности учебного процесса, а также получению образования на расстоянии.

Все указанные достоинства обучения с применением информационно-коммуникационных технологий делают студента активным, мотивированным к учебному процессу, самостоятельным, ответственным, свободным в выборе обучения, толерантным к другим людям, а сам процесс обучения – удобным по времени и месту. Внедрение данных технологий имеет большие перспективы, способствует непрерывному образованию, обучению в течение всей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карпенко М.П. Телеобучение: Моногр. М., 2008. С. 528.

² Epper R.M. Coordination & competition in postsecondary distance education // Journal Of higher education (Columbus). 1997. Vol. 68. № 5. P. 557.

³ См.: Ившина Г.В. Дидактические основы инвариантности, преемственности и перспективности информационных технологий мониторинга качества образовательных систем: Дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2000. С. 33.

¹ Sm.: Karpenko M.P. Teleobuchenie: Monogr. M., 2008. S. 528.

² Epper R.M. Coordination & competition in postsecondary distance education // Journal Of higher education (Columbus). 1997. Vol. 68. № 5. R. 557.

³ Sm.: Ivshina G.V. Didakticheskie osnovy invariantnosti, preemstvennosti i perspektivnosti informacionnyh tehnologij monitoringa kachestva obrazovatel'nyh sistem: Dis. ... d-ra ped. nauk. Kazan', 2000. S. 33.

О реализации психокоррекционной программы «Просоциальное развитие личности несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций»

Н.Г. СОБОЛЕВ – старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук;

Е.В. КРЮКОВА – адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются результаты апробации программы по формированию навыков просоциального поведения несовершеннолетних осужденных без лишения свободы.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; наказания, не связанные с лишением свободы; просоциальное развитие личности; психокоррекция.

On implementation of the psychocorrection program «Prosocial personality development of juvenile alternatively convicted minors»

N.G. SOBOLEV – Senior Lecturer of the Chair of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology;

E.V. KRUKOVA – Postgraduate Student of the Chair of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

This article is devoted to results of approbation of the program on formation of skills of prosocial behavior of juvenile alternatively convicted persons.

Key words: juvenile alternatively convicted persons; pro-social personality development; psychocorrection.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. поставлены конкретные задачи по сокращению рецидива преступлений и оптимизации психологической работы. Одним из приоритетных направлений реформирования является разработка базовых программ психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество¹.

Несмотря на значительный опыт воспитательной работы с подростками, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, проводимые профилактические беседы и другие мероприятия, направленные на их исправление, носят общий характер и не в полной мере учитывают особенности личности несовершеннолетних подучетных.

Поэтому создание полноценной системы психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, является одной из важнейших задач, поставленных перед уголовно-исполнительной системой².

Психика несовершеннолетних осужденных противоречива, нестабильна и восприимчива к изменениям и влияниям извне, поэтому важно вовремя провести коррекцию их представлений о преступном поведении и его последствиях, чтобы не допустить дальнейшей криминализации личности. В связи с этим для работы с осужденными данного возраста рекомендуется групповая форма – социально-психологический тренинг³.

Согласимся с подходом, разработанным О.В. Хухлаевой, согласно которому целью психологической коррекции является пси-

психологическая поддержка здоровых людей в критических ситуациях, то есть восстановление психологического здоровья человека либо коррекция его нарушений. Так, под просоциальным развитием личности несовершеннолетних осужденных мы будем понимать формирование должной системы личности, состоящей из трех базовых компонентов: аксиологического, инструментального и потребностно-мотивационного⁴.

Аксиологический компонент заключается в положительном самоотношении и отношении к окружающим, то есть включает в себя ценности собственного «Я» и «Я» других людей. Содержательно это проявляется в принятии уникальности самого себя и окружающих людей вне зависимости от пола, возраста, социального положения, адекватном осознании достоинств и недостатков каждого человека, в том числе самого себя.

Инструментальный компонент требует формирования личностной рефлексии как средства самопознания, то есть способности концентрировать сознание на себе, своем внутреннем мире и месте в социуме. Данный компонент предполагает формирование умения осознавать не только свои эмоциональные состояния, но и окружающих, чувства, причины и последствия поступков, строить жизненные планы.

Потребностно-мотивационный компонент определяет потребность человека в саморазвитии, что означает умение сделать выбор, принять ответственность за него, а также формирование потребности в саморазвитии и личностном росте.

Выделение компонентов психологического здоровья позволяет нам определить задачи психологической коррекции: а) обучение положительному самоотношению и принятию других; б) обучение рефлексивным умениям; в) формирование потребности в саморазвитии.

По мнению Ю.О. Мазур, модель просоциального поведения включает в себя: а) позитивные представления личности о себе, связанные со способностями к солидарности и сочувствию, а также определяющие отношение к другим, что отражается в сотрудничестве и взаимопомощи, в умении разрешать конфликтные и трудные ситуации; б) систему просоциальных жизненных ценностей; в) способность личности реализовывать себя на пути общественно значимой деятельности⁵.

В связи с вышеизложенным цель разработанной нами программы заключалась в формировании навыков просоциального поведения у несовершеннолетних осужден-

ных, отбывающих наказания без изоляции от общества.

Программа направлена на решение трех основных задач: 1) актуализация внутренних ресурсов личности несовершеннолетнего осужденного; 2) формирование моделей конструктивного социального взаимодействия несовершеннолетних осужденных; 3) построение системы просоциальных жизненных целей.

С учетом методологических принципов, разработанных в концептуальных рамках отечественной юридической психологии⁶, программа по формированию навыков просоциального поведения состоит из трех основных блоков, в каждом из которых десять занятий.

Реализация первой задачи программы нашла свое отражение в проработке субъективных жизненно важных событий и их влияния на формирование личности; развитии самопонимания, осознании смыслов своего поведения; осознании собственных положительных и отрицательных качеств; осознании уникальности себя и других людей; повышении самооценки, уверенности в себе; формировании положительного самоотношения и отношения к другим, способности к саморегуляции; коррекции деструктивных проявлений личности (первый блок программы, обозначенный в контексте нашего исследования, – «Здравствуй, это Я!»).

Решение второй задачи – это помощь, направленная на осознание трудностей в общении с другими, нахождение просоциальных способов взаимодействия с окружающими, которые реализуются в форме сотрудничества; обучение способности устанавливать межличностные отношения с ориентацией на конструктивное взаимодействие; формирование умения разрешать трудные ситуации в общении с окружающими (второй блок психокоррекционной программы – «Я и другие»).

Третья задача реализуется путем построения системы просоциальных жизненных целей и формирования потребности в саморазвитии и личностном росте (третий блок программы – «Возможности саморазвития»).

В соответствии с принципами построения и проверки эффективности научных гипотез мы использовали следующие критерии:

1) мотивационно-побудительный критерий, отражающий выраженность у несовершеннолетних осужденных одной из двух мотивационных тенденций: на достижение успеха либо избегание неудач;

2) оценочно-смысловой критерий, выражающийся в смысловых ориентаци-

ях, направленности локуса контроля и отношении несовершеннолетних осужденных к ситуации криминального конфликта;

3) эмоционально-волевой критерий, отражающий оценку индивидуального уровня развития волевой регуляции и тип переживания несовершеннолетних осужденных;

4) поведенческо-правовой критерий, включающий в себя стиль межличностного поведения, а также дисциплинарные показатели, которые отражают поведение несовершеннолетних подростков при нахождении на учете инспекции: факты привлечения к уголовной и административной ответственности, а также нарушения возложенных судом обязанностей.

В соответствии с разработанными критериями психокоррекционная программа была апробирована на двенадцати несовершеннолетних осужденных, состоящих

на учете УИИ (экспериментальная группа). В контрольную группу также вошли двенадцать несовершеннолетних указанной категории. Значимых отличий между респондентами обнаружено не было: все несовершеннолетние мужского пола; средний возраст в экспериментальной группе составил 16,8 года, в контрольной – 17,2 года; воспитываются в неблагополучных семьях; впервые судимы; находятся на учете УИИ до одного года; осуждены за преступления против собственности (ст. 158–168 УК РФ) к двум и более годам лишения свободы с испытательным сроком два года и свыше.

При проведении эксперимента, направленного на формирование навыков просоциального поведения несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, нами были получены следующие результаты.

Таблица 1

Динамика мотивационно-побудительного критерия у несовершеннолетних осужденных экспериментальной и контрольной групп до и после проведения эксперимента (по методике измерения мотивации успеха и боязни неудачи А.А. Реана)

Этапы экспериментальной работы	Уровни	Экспериментальная группа, %	Контрольная группа, %
Констатирующий	Высокий	–	–
	Средний	75	66,6
	Низкий	25	33,4
Формирующий	Высокий	16,7	–
	Средний	83,3	75
	Низкий	–	25

Результаты эмпирического исследования, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что в ходе психокоррекционных воздействий несовершеннолетние осужденные стали проявлять стремление к достижению успеха (у респондентов увеличился показатель «мотивация успеха»: 16,7% против 0% – высокий уровень, 83% против 75% – средний

уровень). Нам представляется, что возрастание потребности в достижении успеха у несовершеннолетних может быть обусловлено необходимостью формирования правильных взаимоотношений с окружающими, снятием негативного эмоционального состояния, напряжения, а также формированием позитивных жизненных целей.

Таблица 2

Динамика смысложизненных ориентаций у несовершеннолетних осужденных экспериментальной и контрольной групп до и после проведения эксперимента (по методике изучения смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева)

Этапы экспериментальной работы	Уровни	Цели в жизни		Процесс жизни		Результативность жизни	
		ЭГ, %	КГ, %	ЭГ, %	КГ, %	ЭГ, %	КГ, %
Констатирующий	Высокий	–	–	–	–	–	–
	Средний	83,3	75	75,0	66,6	75,0	83,3
	Низкий	16,7	25	25,0	33,4	25,0	16,7
Формирующий	Высокий	16,7	–	–	–	–	–
	Средний	66,6	75	66,6	66,6	83,3	83,3
	Низкий	16,7	25	33,4	33,4	16,7	16,7

Анализ данных, представленных в табл. 2, свидетельствует об общем росте числа респондентов с высоким уровнем по шкале «цели в жизни» (16,7% против 0%), что позволяет отметить повышение целеустремленности респондентов, придание жизни осмысленности, усиление личной ответственности.

Однако при выявленной нацеленности несовершеннолетних осужденных на будущее у большинства наблюдается общая неудовлетворенность собственной жизнью в настоящем, что объясняется нахождением на учете инспекции и осознанием реальности назначенного судом наказания.

Таблица 3

Динамика направленности локуса контроля у несовершеннолетних осужденных экспериментальной и контрольной групп до и после проведения эксперимента (по методике изучения смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева)

Этапы экспериментальной работы	Уровни	Экспериментальная группа, %	Контрольная группа, %
Констатирующий	Высокий	–	–
	Средний	75	66,6
	Низкий	25	33,4
Формирующий	Высокий	16,7	–
	Средний	83,3	75
	Низкий	–	25

Полученные эмпирические данные (табл. 3) свидетельствуют об увеличении числа респондентов с высоким (8,3% против 0%) и средним (75% против 8,3%) уровнями интернальной локализации в ходе психокоррекционных воздействий. Кроме того, наблюдается снижение числа респондентов, имеющих низкий уровень интернального локуса контроля (16,7% против 91,7%). Увеличилось число несовершеннолетних осужденных с высоким уровнем выраженности локуса контроля – жизнь (25% против 0%), что говорит о стремлении осужденных контролировать свою жизнь и самостоятельно принимать решения.

Следует заметить, что смысложизненные ориентации несовершеннолетних осужденных очень сложно трансформировать в ходе непродолжительной психокоррекционной работы, что подтверждает проведенный эксперимент. Данная тенденция объясня-

ется следующим: личность асоциальных подростков характеризуются прежде всего нежеланием понимать, принимать и соблюдать нормы поведения в обществе, и при продолжительности такого образа жизни, подкреплении их поведения референтной группой асоциальной направленности данные навыки закрепляются и могут быть замещены столь же результативным опытом, формирование которого требует других, просоциальных условий и времени⁷.

Данные, полученные при изучении динамики общего самоконтроля (таб. 4), свидетельствуют об увеличении количества респондентов экспериментальной группы, имеющих средний уровень общего самоконтроля (100% против 83,3%, значимость различий на уровне $p < 0,05$), и отсутствии респондентов с низким уровнем самоконтроля после реализации программы.

Таблица 4

Динамика развития волевой регуляции у несовершеннолетних осужденных экспериментальной и контрольной групп до и после проведения эксперимента (по методике «Оценка уровня волевого самоконтроля» Е.В. Эйдмана и А.Г. Зверкова)

Этапы экспериментальной работы	Уровни	Общий самоконтроль		Самообладание		Настойчивость	
		ЭГ, %	КГ, %	ЭГ, %	КГ, %	ЭГ, %	КГ, %
Констатирующий	Высокий	–	–	–	–	–	–
	Средний	83,3	83,3	33,4	25	83,3	75
	Низкий	16,7	16,7	66,6	75	16,7	25
Формирующий	Высокий	–	–	–	–	–	–
	Средний	100,0	83,3	66,6	33,4	91,7	83,3
	Низкий	–	16,7	33,4	66,6	8,3	16,7

Данные, приведенные в табл. 4, свидетельствуют о снижении количества респондентов, имеющих низкий уровень самообладания (33,4% против 66,6%, значимость различий на уровне $p < 0,01$), и увеличении со средним уровнем самообладания (66,6% против 33,4%, значимость различий на уровне $p < 0,01$). После проведения формирующего эксперимента увеличилось число респондентов, имеющих средний уровень настойчивости (91,7% против 83,3%), и снизилось число респондентов, имеющих низкий уровень (8,3% против 16,7%, значимость различий на уровне $p < 0,05$).

В целом, оценивая изменения показателей эмоционально-волевого критерия (индивидуального развития волевой регуляции и типа переживания), следует отметить, что проведенная психокоррекционная программа оказала позитивное влияние на личность несовершеннолетних. В ходе психокоррекционного воздействия у несовершеннолетних осужденных экспериментальной группы появилось стремление к сознательному управлению собственными действиями и состояниями, повысилась работоспособность и активность, снизились настрой осужденных на агрессивные высказывания или действия, жесткость поступков, а также уровень имеющейся тревожности. В ходе тренинга несовершеннолетние стали более открыты и общительны, у них актуализировалась потребность разрешать проблемные ситуации социально приемлемыми способами, сопоставляя собственные интересы и требования со стороны государства (произошло, с одной стороны, снижение показателей по шкалам «тревожность» ($p < 0,05$),

«агрессивность» ($p < 0,01$), «конфликтность» ($p < 0,05$) и «неконформность» ($p < 0,05$), а с другой – увеличение показателей по шкалам «коммуникативность» ($p < 0,05$), «экстраверсия» ($p < 0,05$), «лидерство» ($p < 0,05$)).

О положительном влиянии программы по просоциальному развитию свидетельствуют также данные о снижении количества нарушений возложенных судом обязанностей и административных правонарушений со стороны несовершеннолетних осужденных экспериментальной группы, что говорит о формировании у них способности признавать реальность назначенного судом наказания, принимать ответственность за собственные поступки.

Сравнивая результаты, полученные при обследовании респондентов двух групп до и после проведения психокоррекционных мероприятий, можно выявить просоциальные изменения личности несовершеннолетних осужденных экспериментальной группы. Как отмечают в субъективных самоотчетах несовершеннолетние осужденные, участие в тренинге позволило им осознать неадекватность некоторых своих эмоциональных реакций, они стали меньше конфликтовать с членами своей семьи, сотрудниками УИИ и полиции, осознали нанесенный ими моральный и материальный вред.

Необходимо особо отметить, что реализация психокоррекционной программы позволила заметно снизить деструктивные проявления личности несовершеннолетних осужденных, а также профилактировать совершение ими административных правонарушений и нарушений возложенных судом обязанностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772р «О Концепции развития уголовноисполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» (ред. от 31.05.2012 г.) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Ситковская О.Д. Юридическая психология. М., 2011. С. 21–22.

³ См.: Осипова А.А. Общая психокоррекция. М., 2004. С. 7.

⁴ См.: Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции. М., 2001. С. 6.

⁵ См.: Мазур Ю.О. Социально-психологический тренинг личностного роста как средство развития просоциального поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008. С. 6.

⁶ См.: Поздняков В.М. Методологические и теоретические основы юридической психологии: Лекция. Рязань, 1997. С. 22–33.

⁷ См.: Торопов П.Б. Формирование поведения: практическое применение идей бихевиоризма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 11. С. 81–85.

¹ См.: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772r «O koncepcii razvitija ugovolnoispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» (red. ot 31.05.2012 g.) // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² См.: Sitkovskaja O.D. Juridicheskaja psihologija. M., 2011. S. 21–22.

³ См.: Osipova A.A. Obshhaja psihokorrekcija. M., 2004. S. 7.

⁴ См.: Huhlaeva O.V. Osnovy psihologicheskogo konsul'tirovanija i psihologicheskoi korrekcii. M., 2001. S. 6.

⁵ См.: Mazur Ju.O. Social'no-psihologicheskij trening lichnostnogo rosta kak sredstvo razvitija prosocial'nogo povedenija: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Jaroslavl', 2008. S. 6.

⁶ См.: Pozdnjakov V.M. Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy juridicheskoi psihologii: Lekcija. Rjazan', 1997. S. 22–33.

⁷ См.: Toropov P.B. Formirovanie povedenija: praktičeskoe primenenie idej biheviorizma // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2011. № 11. S. 81–85.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Административно-процессуальные аспекты противодействия недобросовестной конкуренции

А.Ю. КИНЁВ – начальник Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются основные признаки недобросовестной конкуренции и формулируются административно-правовые методы противодействия ей.

Ключевые слова: конкуренция; недобросовестная конкуренция; монополия; антимонопольные действия.

Administrative procedural aspects of unfair competition resistance

A.Yu. KINEV – Head of the Anti-cartel Department of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, Postgraduate of the Moscow O.E. Kutafin University, PhD. in Law

This paper describes the main features of unfair competition. Are formulated legal and administrative methods of resistance.

Key words: competition; unfair competition; monopoly; anti-trust action.

Особенности материально-правовых норм, регулирующих ответственность за недобросовестную конкуренцию, неразрывно связаны с особенностями процессуальных норм, а также норм, регулирующих функции антимонопольных органов по их применению.

Материально-правовые, процессуальные и функциональные аспекты применения административно-правовых средств противодействия недобросовестной конкуренции образуют органичное целое, что является важным условием при оценке эффективности правовой защиты конкуренции. Все три указанных аспекта отражены в структуре и содержании Федерального закона Российской Федерации от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹.

Обратимся к рассмотрению функционального и процессуального аспектов.

Для реализации функций в области противодействия недобросовестной конкуренции антимонопольный орган наделен доста-

точно широкими полномочиями.

Одним из ключевых полномочий является возбуждение и рассмотрение дел о нарушениях антимонопольного законодательства. С точки зрения применения мер государственного принуждения указанные дела имеют предварительный характер, поскольку принимаемые по результатам их рассмотрения решения являются основаниями для применения в дальнейшем мер воздействия на правонарушителей.

Согласно ч. 4 ст. 41 закона «О защите конкуренции», на основании решения по делу выдается предписание. Предписание оформляется в виде отдельного документа для каждого лица, которому надлежит осуществить определенные решением действия в установленный предписанием срок.

В соответствии с ч. 1.2 ст. 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дел об админи-

стративных правонарушениях, выраженных в недобросовестной конкуренции, является вступление в силу решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Особенности применения административно-правовых мер противодействия недобросовестной конкуренции заключаются в тесном взаимодействии антимонопольных органов с другими государственными органами и учреждениями. В частности, необходимым этапом квалификации действий по ст. 14.33 КоАП РФ является определение наличия конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами.

Сложность в решении данного вопроса обусловлена отсутствием достаточно четких критериев взаимозаменяемости товаров, которую необходимо установить исходя из определений конкуренции и товарного рынка, закрепленных в ст. 4 закона «О защите конкуренции». Согласно п. 3 ст. 4 данного закона, взаимозаменяемые товары – это товары, которые могут быть сравнимы по их функциональному назначению, применению, качественным и техническим характеристикам, цене и другим параметрам таким образом, что приобретатель действительно заменяет или готов заменить один товар другим при потреблении (в том числе при потреблении в производственных целях).

То, насколько приобретатель товаров заменяет или готов заменить один товар другим при потреблении, устанавливается путем социологических исследований. К таким исследованиям привлекается Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Результаты проводимых ВЦИОМ исследований являются эмпирической базой для принятия важных решений по вопросам применения законодательства в области недобросовестной конкуренции.

Так, например, по результатам одного из проведенных ВЦИОМ исследований установлено, что не могут быть признаны актом недобросовестной конкуренции действия хозяйствующего субъекта, выраженные в реализации на вещевом рынке трикотажных изделий с размещением на них обозначений, сходных до степени смешения с товарным знаком, правообладатель которого является широко известным производителем трикотажных изделий премиум-класса, продаваемых в эксклюзивных магазинах-бутиках. Такие товары имеют существенную разницу в цене, качестве материала и

рассчитаны на разных потребителей, соответственно конкурентные отношения между данными хозяйствующими субъектами отсутствуют².

При рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции антимонопольные органы осуществляют взаимодействие с Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере правовой охраны, в том числе промышленных образцов, товарных знаков и знаков обслуживания³. Между ФАС России и Роспатентом в 2010 г. заключено межведомственное соглашение, в соответствии с которым Роспатент оказывает ФАС России и его территориальным органам содействие в проведении исследований, связанных с правовой охраной и защитой средств индивидуализации и результатов интеллектуальной деятельности, являющихся объектами патентных прав. Роспатент по запросу ФАС России и его территориальных органов предоставляет справку о результатах оценки степени сходства используемых в гражданском обороте обозначений с охраняемыми средствами индивидуализации или промышленными образцами.

Особенностью мер административно-правовой ответственности, применяемых в отношении лиц, совершивших правонарушение, предусмотренное ст. 14.33 КоАП РФ, является серьезный размер штрафных санкций.

Часть 1 указанной статьи предусматривает санкцию в размере от двенадцати до двадцати тысяч рублей для должностных лиц и от ста тысяч до пятисот тысяч рублей для юридических лиц. Часть 2 предусматривает административный штраф в размере двадцати тысяч рублей либо дисквалификацию на срок до трех лет для должностных лиц, а для юридических лиц – штраф от одной сотой до пятнадцати сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги) на рынке, где совершено правонарушение, но не менее ста тысяч рублей.

В п. 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 г. № 11 (ред. от 25.01.2013 г.) «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» отмечается, что «по смыслу ч. 2 ст. 14.33 Кодекса учитывается только выручка от реализации товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной де-

тельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг»⁴.

Следует отметить, что наряду с применением административной ответственности в качестве мер административно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции выступают и другие полномочия антимонопольных органов.

Одним из таких полномочий является право выдавать хозяйствующим субъектам обязательные для исполнения предписания о прекращении недобросовестной конкуренции, устранении последствий нарушения антимонопольного законодательства, восстановлении положения, существовавшего до нарушения антимонопольного законодательства⁵.

Кроме того, ФАС России может выдавать предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, а также предписания об изменении или ограничении использования фирменного наименования. Последнее полномочие реализуется в случае, если при рассмотрении антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства лицами, права которых нарушены или могут быть нарушены, было заявлено соответствующее ходатайство. Основанием для выдачи предписания может являться также осуществление антимонопольным органом государственного контроля за экономической концентрацией.

Таким образом, административно-правовая защита от недобросовестной конкуренции представляет собой системно-структурированное образование, включающее нормативную и правоприменительную составляющие.

Нормативная составляющая характеризуется спецификой сочетания материально-правовых, процессуальных норм и норм, регулирующих функции антимонопольных органов. Материально-правовые нормы, закрепленные в ст. 14 закона «О защите конкуренции», устанавливают запрет недобросовестной конкуренции; материально-правовые нормы, закрепленные в ст. 14.33 КоАП РФ, устанавливают административную ответственность за нарушение данного запрета. Нормы гл. 6 закона «О защите конкуренции» определяют функции и полномочия антимонопольных органов по противодействию недобросовестной конкуренции. Процессуальные нормы, содержащиеся в гл. 9 закона «О защите конкуренции» и в разд. 4 КоАП РФ, определяют порядок реализации материально-правовых норм.

Особенность правоприменительной составляющей административно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции заключается в сложившейся к настоящему времени практике сочетания административных и судебных форм противодействия недобросовестной конкуренции.

Широкое применение административных форм противодействия недобросовестной конкуренции в России, в отличие от преобладающего судебного порядка в зарубежных странах, обусловлено, с одной стороны, недостаточно эффективным функционированием судебной власти, а с другой – сложившейся практикой антимонопольных органов, в компетенцию которых входит рассмотрение тесно связанных с недобросовестной конкуренцией дел, в том числе в области рекламы. В перспективе представляется целесообразным смещение акцентов в сторону судебных и гражданско-правовых форм противодействия недобросовестной конкуренции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3434.

² См.: Вестник ФАС России. 2011. № 11.

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2012 г. № 218 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (ред. от 29.06.2012 г.) // СЗ РФ. 2012. № 14. Ст. 1627.

⁴ См.: Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.

⁵ Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3259.

¹ См.: SZ RF. 2006. № 31 (Ch. 1). St. 3434.

² См.: Vestnik FAS Rossii. 2011. № 11.

³ См.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21.03.2012 g. № 218 «O Federal'noj sluzhbe po intellektual'noj sobstvennosti» (red. ot 29.06.2012 g.) // SZ RF. 2012. № 14. St. 1627.

⁴ См.: Vestnik VAS RF. 2011. № 5.

⁵ Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 30.06.2004 g. № 331 «Ob utverzhenii Polozhenija o Federal'noj antimonopol'noj sluzhbe» // SZ RF. 2004. № 31. St. 3259.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

История ГУЛАГа в современной историографии

Н.А. БЕЛОВА – преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье предпринята попытка историографического обзора российских и зарубежных исследований и публикаций начала XXI в., посвященных различным аспектам истории ГУЛАГа. В том числе приводятся выдержки из работ французских, шведских, американских и других зарубежных исследователей. При этом автор обращает внимание на неоднозначность оценок специалистов деятельности ГУЛАГа, его роли и значения для советского государства.

Ключевые слова: история пенитенциарной системы; историография; ГУЛАГ.

History of GULAG in the modern historiography

N.A. BELOVA – Lecturer of the Chair of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History

The article attempts historiographic review to Russian and foreign research and publications beginning of the XXI century, devoted to various aspects of the history of the GULAG. It includes excerpts from the works of French, Swedish, American and other foreign investigators. The author draws attention to the ambiguity of the expert assessments of the GULAG, its role and importance for the Soviet state.

Key words: History of the prison system; historiography; GULAG.

В начале XXI в. проблема ГУЛАГа продолжает привлекать повышенное внимание отечественных и зарубежных исследователей.

Феномен ГУЛАГа в контексте мировой истории концлагерей XX в. рассмотрен в труде французских историков Ж. Котека и П. Ригуло «Век лагерей». Авторы, всесторонне анализируя советскую лагерную систему, приходят к выводу, что ее главной целью было не истребление, а максимальное трудовое использование заключенных¹.

Тема ГУЛАГа частично затронута в книге К.-Г. Карлссона и М. Шоенхолса «Преступления против человечности при коммунистических режимах», изданной в 2008 г. шведским форумом «Живая история». Исследователи, воссоздавая краткую историю основных событий и действий, направленных против людей в разных странах при коммунистических

режимах, констатировали, что развитие лагерной системы СССР на разных этапах ее функционирования определялось политическими и экономическими интересами руководства страны, а сам ГУЛАГ являлся «краеугольным камнем и неотъемлемой частью... советского общества»².

Комплексный подход к объяснению феномена ГУЛАГа отличает работу американского историка С. Барнса. На основе тщательного изучения рассекреченных архивов России и Казахстана, мемуаров бывших заключенных, опираясь на диверсифицированную новейшую историографию сталинизма, автор приходит к выводу, что ГУЛАГ следует рассматривать как пенитенциарный институт, сочетавший в своей деятельности экономические, карательные, идеологические и реабилитационные функции. Признавая

жестокий и бесчеловечный характер этого «советского эксперимента», историк вместе с тем показывает, что в отличие от нацистских лагерей он являлся инструментом не геноцида, а исправления заключенных, давал им «последний шанс» для реинтеграции в общество³.

Эволюция советской лагерной системы показана в насыщенном фактическим материалом труде американской журналистки Э. Эпплбаум. Свидетельством стремления автора к масштабному восприятию ГУЛАГа является рассмотрение его истории не только как составной части истории России, но и в качестве части европейской и мировой истории. Значительное внимание в работе уделено анализу репрессивной направленности советской исправительно-трудовой системы и повседневной жизни лагерного социума. Однако, по мнению Э. Эпплбаум, несмотря на то, что большая часть населения бывшего СССР была включена в сферу влияния ГУЛАГа, «в России Большой террор не стал частью общественного сознания»⁴. Вместе с тем понимание феномена ГУЛАГа отчасти затрудняет публицистический характер исследования, допускающий определенные искажения исторической действительности. В частности, используя в широком смысле толкование аббревиатуры «ГУЛАГ» (как советской системы рабского труда во всех ее формах и разновидностях и даже как советской репрессивной системы в целом), автор определяет хронологические рамки функционирования ГУЛАГа периодом с 1917 по 1986 гг.

Анализу принудительного труда заключенных на примере Норильского ИТЛ посвящена работа немецкого историка С. Эртца⁵. Автор приходит к выводу, что в СССР лагерный контингент рассматривался в первую очередь как экономический ресурс. Задачи изоляции, наказания и поддержания дисциплины среди заключенных при этом оттеснялись на второй план.

Историю «гидротехнического архипелага ГУЛАГа» воссоздал в своей работе К. Гества. По мнению исследователя, решающую роль в превращении ГУЛАГа в «экономическую империю» сыграло «строительство гигантских каналов и гидроэлектростанций», а главной причиной кризиса советской лагерной системы стал «приоритет рентабельности»⁶.

Попытку посмотреть на ГУЛАГ через призму личной памяти очевидцев событий (устную историю) и показать степень влияния этого феномена на современное российское общество предприняли Дж. Хейт и К. Джоллак⁷. Недостатки, присущие этой

работе, связаны с расширительным пониманием понятия «ГУЛАГ» и игнорированием общепринятой периодизации истории лагерной системы в СССР.

Весьма любопытную точку зрения на проблему ГУЛАГа с позиции компаративистского подхода высказала К. Браун. Пытаясь поставить в общую систему координат советский и западный опыт, автор сравнивает «жизнь в клетку» в Казахстане и Монтане. При этом она не только нивелирует различия между узниками советских лагерей и американскими поселенцами, апеллируя к принудительности характера труда обеих категорий, но и сопоставляет численность умерших заключенных ГУЛАГа с числом американцев, скончавшихся при исполнении своей работы⁸.

Гендерная специфика стратегий выживания в условиях лагеря показана в работе М. Штарка, основанной на многочисленных мемуарах бывших лагерных узниц⁹.

Основные формы протеста в ГУЛАГе (побеги, бунты, восстания заключенных) подробно проанализированы Т. Фрэнком и В. Хеделерем¹⁰, которые отмечают, что формы сопротивления зависели от конкретного лагеря, режима содержания в нем и контингента заключенных. К сожалению, качественно нового уровня в изучении проблемы протеста в ГУЛАГе достичь не удалось, поскольку исследователи опирались на опубликованные источники.

Положение профессиональных преступников в лагерном социуме получило отражение в работе М. Путц¹¹. При этом автор приходит к выводу, что с помощью насилия и под прикрытием криминальной субкультуры рецидивистам удалось стать фактическими «хозяевами ГУЛАГа».

Достижения российской и зарубежной историографии ГУЛАГа второй половины XX – начала XXI вв. проанализировал Н. Верт. По мнению историка, благодаря рассекречиванию российских архивов и международному сотрудничеству удалось наметить новые подходы к ГУЛАГу как к объекту исторического исследования. Наиболее результативным стало тематическое направление, в рамках которого лагерная система СССР анализируется в целом и в разных аспектах: как место осуществления репрессий, как система принудительного труда, как гигантская структура управления (государство в государстве), как общество со своими кодексами и внутренними конфликтами, со своими социальными характеристиками и повседневной жизнью¹².

Важным шагом в ходе изучения проблем советской лагерной системы стали издания, подготовленные международным коллективом ученых-историков. Среди подобных работ значительный интерес представляет труд отечественных и западных исследователей «ГУЛАГ: экономика принудительного труда», созданный в рамках совместного проекта Государственного архива Российской Федерации и Гуверского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет)¹³. Авторы, опираясь на документы из архивных фондов ОГПУ-НКВД-МВД СССР, проанализировали различные аспекты лагерной экономики. Так, О.В. Хлевнюком рассмотрены масштабы, структура и тенденции развития экономики ГУЛАГа в 1930–1950-е гг., А.К. Соколов исследовал труд заключенных в контексте системы принуждения к труду в советской экономике в указанный выше период, Л.И. Бородинским затронуты сюжеты регулирования и стимулирования принудительного труда в условиях ГУЛАГа, С. Эртц (Германия) подверг детальному анализу эволюцию административной структуры лагерей и колоний, Дж. Хейнцен (США) изучил проблему коррупции в системе ГУЛАГа в 1945–1953 гг.

Несомненным достижением отечественной историографии можно считать комплексное аналитическое исследование Г.М. Ивановой, в котором ГУЛАГ, главная и неотъемлемая часть советской лагерной системы, рассматривается как целостный социально-экономический феномен, интегрированный в советскую государственную систему (то есть одновременно в качестве части механизма государства и принципа организации пространства заключения). Проанализировав основные тенденции в развитии исторического и юридического направлений в изучении проблем ГУЛАГа, автор приходит к выводу о том, что этот институт следует характеризовать как репрессивный (от лат. *repressio* – подавление), а не пенитенциарный (от лат. *roenitentia* – раскаяние), исходя из содержания данных терминов и исторических реалий¹⁴. Особую социальную значимость гулаговской тематики историк связывает с глубиной проникновения в общественное сознание лагерной морали и превращением лагерной субкультуры в часть российской культуры¹⁵. Кроме того, в данном исследовании впервые в отечественной науке затронута проблема лагерной юстиции. По мнению Г.М. Ивановой, основной причиной создания специальных лагерных судов

в послевоенный период стали огромные масштабы ГУЛАГа¹⁶.

Серьезный анализ феномена ГУЛАГа в рамках юридического подхода содержится в монографии И.В. Упорова. Подчеркивая противоречивый характер данной системы как «явления одновременно политического и государственно-необходимого», автор предостерегает от однозначных оценок этого ведомства¹⁷.

Экономический вклад ГУЛАГа в создание военной инфраструктуры СССР проанализирован М.Ю. Моруковым¹⁸. Роли заключенных в индустриализации страны посвящена публикация Л.П. Рассказова¹⁹.

Характеристика структуры и кадрового состава ведомства ГУЛАГа дана в работах А.И. Кокурина и Ю.В. Морукова²⁰. Проблемы лагерного социума разрабатывались В.А. Козловым²¹.

Историю санитарной службы ГУЛАГа воссоздал Б.А. Нахапетов. Освещая различные аспекты лагерной медицины, автор отмечает ее двойственность, состоявшую в том, что «самая гуманная по своему предназначению профессия была вынуждена способствовать злонамеренному уничтожению людей»²².

Лагерная пресса, распространявшаяся среди заключенных и сотрудников ГУЛАГа, рассмотрена А.Ю. Горячевой в контексте общих тенденций развития советской журналистики²³.

Специфика деятельности лагерных судов как органов специальной юстиции показана в публикации А.Я. Кодинцева. Подчеркивая временный характер этих судов, автор констатирует, что они не имели постоянного состава и постоянной компетенции²⁴.

Попытка выявления особенностей становления и эволюции советской исправительно-трудовой политики в 1921–1941 гг. предпринята А.М. Меликяном²⁵. Вопросы, связанные с режимом и условиями содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа, нашли отражение в работах Е.И. Христофоровой, В.В. Жученко, Г.А. Саранчи и др.²⁶

Деятельности специальных мест лишения свободы СССР в конце 1920-х – 1950-е гг. (особых технических бюро в ведении экономического управления ОГПУ, а затем 4-го спецотдела НКВД-МВД, спецлагерей НКВД-МВД в Германии и особых лагерей и тюрем МВД) посвящено исследование О.Н. Стариковой²⁷. Ретроспективный анализ становления и развития системы особых лагерей в 1948–1954 гг. содержится в работе А.Г. Миронова²⁸.

Значительная часть работ написана на региональных материалах. В основу дис-

сертации А.И. Сидоркина положены вопросы формирования и деятельности пенитенциарных учреждений в Республике Марий Эл (Марийской АССР). При этом автор приходит к выводу, что на ее территории не было исправительно-трудовых лагерей²⁹. Процесс эволюции пенитенциарной системы в Тюменском регионе основательно изучен Ф.Р. Усмановой³⁰.

Существенный вклад в исследование лагерной проблематики на Европейском Севере России внес Н.В. Упадышев³¹. Анализ региональной составляющей позволил историку более глубоко осмыслить истоки и феномен ГУЛАГа, его место и роль в экономическом и социокультурном развитии советского государства. При этом само понятие «ГУЛАГ» автор трактует в двух значениях. В узком смысле ГУЛАГ определяется им как одно из ведомств карательно-репрессивной системы, руководившее деятельностью входивших в его состав структурных подразделений. В широком значении ГУЛАГ рассматривается Н.В. Упадышевым как социальный институт, осуществлявший репрессивную, пенитенциарную и экономическую функции государства, с особой системой норм и связей, определенными стандартами и типами социального поведения людей³². Кризис и распад ГУЛАГа исследователь связывает с особенностями лагерной экономики, позволявшей решать задачи экстенсивного развития, но не способной адаптироваться к условиям хозяйственной деятельности, требовавшим интенсификации производства³³. По мнению историка, необходимость дальнейшего изучения и осмысления феномена ГУЛАГа обусловлена тем, что даже после ликвидации лагерей «многие атрибуты гулаговского образа жизни оказались живучими и сохранились до сегодняшнего дня не только в пенитенциарной системе, но и в других сферах жизни современного российского общества»³⁴.

Правовое, статусное и социально-бытовое положение заключенных как одной из категорий спецконтингента изучены уральскими историками А.Б. Сусловым и Ю.Ю. Пажит³⁵.

Весомый вклад в разработку экономических аспектов деятельности ГУЛАГа и проблемы принудительного труда заключенных на региональном уровне внесли исследования А.Н. Кустышева, С.В. Токмяниной, С.А. Шевырина, Е.С. Селезнева, Н.Ю. Белых и др.³⁶

Роль ученых-узников ГУЛАГа в промышленном освоении Севера рассмотрена Е.В. Марковой, В.А. Волковым, А.Н. Родным и В.К. Ясным³⁷.

Анализу культурно-воспитательной работы в лагерях ГУЛАГа, функционировавших на территории Челябинской и Иркутской областей, посвящены исследования В.Г. Мирановой и И.А. Коломейского³⁸.

Обзор официального и «подпольного» творчества заключенных (стенгазет, художественной самодеятельности, поэзии) Байкало-Амурского ИТЛ представлен в работе О.П. Еланцевой³⁹.

История отдельных лагерных комплексов (Озерлага, Вятлага, Севвостлага, Карлага, АЛЖИРа и др.) стала предметом изучения российских и казахских историков (О.В. Афанасова, В.А. Бердинских, С.А. Шулубиной, В.В. Махаевой А.Р. Кукушкиной, С.В. Елеухановой и др.)⁴⁰. В целом этим и подобным работам, созданным преимущественно на рассекреченных документах ведомственных и региональных архивов, свойственны насыщенность фактическим местным материалом и эмоциональное отношение к предмету исследования. Вместе с тем высокая информационная ценность не всегда компенсирует отсутствие обобщений о развитии советской лагерной системы в целом.

Увеличение количества исследований по истории ГУЛАГа привело к появлению ряда историографических работ разного уровня. Так, тема «История ГУЛАГа в новейшей российской историографии», заявленная в названии статьи В.И. Меньковским, в самом тексте раскрыта фрагментарно и лишь в качестве компонента сталинизма⁴¹. Попытку осмысления данного феномена в отечественной историографии предпринял М.Г. Степанов⁴². Обзор проблемы ГУЛАГа в российской и западной литературе содержится в статье А.И. Репинецкого и Г.М. Ипполитова⁴³. Основательностью и детальным анализом отличается публикация Е.А. Тимоховой, посвященная выявлению основных этапов и тенденций отечественной и зарубежной историографии данного феномена. Однако несколько снижает впечатление от статьи дословное воспроизведение автором отдельных фрагментов историографического обзора монографии Г.М. Ивановой, посвященной ГУЛАГу⁴⁴.

Таким образом, современный этап историографии ГУЛАГа отражает многообразие проблем и научных подходов в работах исследователей, позволяет по-новому и комплексно рассмотреть отдельные аспекты и тему в целом. Вместе с тем сложность и многоаспектность феномена ГУЛАГа обуславливают необходимость дальнейшей разработки и междисциплинарного осмысления данного явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. М., 2003. С. 180–181.
- ² Karlsson K.-G., Schoenhals M. Crimes against humanity under communist regimes. Research review. Stockholm, 2008. www.levandehistoria.se/files/forskningsinventering_EN.pdf (дата обращения: 08.02.2011).
- ³ См.: Barnes S. Death and redemption: the Gulag and the shaping of Soviet society. Princeton; Oxford, 2011. [Барнс С. Смерть и искупление. ГУЛАГ и формирование советского общества. Принстон, Оксфорд, 2011].
- ⁴ Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006. С. 304.
- ⁵ См.: Ertz S. Zwangsarbeit im stalinistischen Lagersystem: eine Untersuchung der Methoden, Strategien und Ziele ihrer ihrer Ausnutzung am Beispiel Norilsk, 1935–1953. Berlin, 2006. [Эртц С. Принудительный труд в сталинской лагерной системе: исследование его методов, стратегий и целей использования на примере Норильска, 1935–1953. Берлин, 2006].
- ⁶ Гества К. Выстроенный на воде и крови. Гидротехнический архипелаг ГУЛАГ, 1931–1958 г. // Восточная Европа. 2007. № 6. С. 239–266. <http://shalamov.ru/research/61/10.html> (дата обращения: 20.12.2012).
- ⁷ См.: Gheith J., Jolluck K. Gulag Voices: Oral Histories of Soviet Incarceration and Exile. Basingstoke, 2010. [Хейт Дж., Джоллак К. Голоса ГУЛАГа: устные истории светских заключенных и ссыльных. Бейзингсток, 2011].
- ⁸ См.: Brown K. Gridded Lives. Why Kazakhstan and Montana are Nearly the Same Place // American Historical Review. 2001. № 1. Р. 17–48. [Браун К. Рифленные жизни. Почему Казахстан и Монтана почти то же самое // Американское историческое обозрение. 2001. № 1. С. 17–48. <http://history.lsa.umich.edu/652/Readings/Brown1.pdf> (дата обращения 16.12.2012)].
- ⁹ См.: Stark M. Frauen in Gulag: Alltag und Überleben, 1936 bis 1956. München; Wien, 2003. [Штарк М. Женщины в ГУЛАГе. Повседневность и выживание. Мюнхен; Вена, 2003].
- ¹⁰ См.: Frank T. Widerstand im Gulag: Ueberlebensstrategien und aktive Protestformen in sowjetischen Straflagern 1923–1960. Marburg, 2010. [Сопrotивление в ГУЛАГе: стратегии выживания и активные формы протеста в советских исправительных лагерях в 1923–1960 гг. Марбург, 2010]; Хеделер В. Сопrotивление в ГУЛАГе. Бунты, восстания, побеги // Восточная Европа. 2007. № 6. С. 353–368. <http://shalamov.ru/research/61/16.html> (дата обращения: 26.10.2012).
- ¹¹ См.: Путц М. Хозяева ГУЛАГа. Рецидивисты в ГУЛАГе // Восточная Европа. 2007. № 6. С. 341–352. <http://shalamov.ru/research/61/15.html> (дата обращения: 26.12.2012).
- ¹² См.: Верт Н. ГУЛАГ через призму архивов // Восточная Европа. 2007. № 6. С. 9–30. <http://shalamov.ru/research/61/1.html#n5> (дата обращения: 26.12.2012).
- ¹³ См.: ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин и др. М., 2005.
- ¹⁴ См.: Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 10.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 423.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 394.
- ¹⁷ См.: Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004.
- ¹⁸ См.: Морук М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006.
- ¹⁹ См.: Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 269–319.
- ²⁰ См.: Кокурин А.И., Морук Ю.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль – XXI. 2000. № 8. С. 11–128; 2001. № 9. С. 97–122.
- ²¹ См.: Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.
- ²² См.: Нахаметов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009. С. 149.
- ²³ См.: Горячева А.Ю. Пресса ГУЛАГа (1918–1955). Списки Е.П. Пешковой. М., 2009.
- ²⁴ См.: Козинцев А.Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 45.
- ¹ Sm.: Kotek Zh., Rigulo P. Vek lagerej: lishenie svobody, koncentracija, unichtozhenie. M., 2003. S. 180–181.
- ² Karlsson K.-G., Schoenhals M. Crimes against humanity under communist regimes. Research review. Stockholm, 2008. www.levandehistoria.se/files/forskningsinventering_EN.pdf (data obrashhenija: 08.02.2011).
- ³ Sm.: Barnes S. Death and redemption: the Gulag and the shaping of Soviet society. Princeton; Oxford, 2011. [Barns S. Smert' i iskuplenie. GULAG i formirovanie sovetskogo obshhestva. Prinston, Oksford, 2011].
- ⁴ Jepplbaum Je. GULAG. Pautina Bol'shogo terrora. M., 2006. S. 304.
- ⁵ Sm.: Ertz S. Zwangsarbeit im stalinistischen Lagersystem: eine Untersuchung der Methoden, Strategien und Ziele ihrer ihrer Ausnutzung am Beispiel Norilsk, 1935–1953. Berlin, 2006. [Jertz S. Prinuditel'nyj trud v stalinskoj lagernoj sisteme: issledovanie ego metodov, strategij i celej ispol'zovanija na primere Noril'ska, 1935–1953. Berlin, 2006].
- ⁶ Gestva K. Vystroennyj na vode i krovj. Gidrotehnicheskij arhipelag GULAG, 1931–1958 g. // Vostochnaja Evropa. 2007. № 6. S. 239–266. <http://shalamov.ru/research/61/10.html> (data obrashhenija: 20.12.2012).
- ⁷ Sm.: Gheith J., Jolluck K. Gulag Voices: Oral Histories of Soviet Incarceration and Exile. Basingstoke, 2010. [Hejt Dzh., Dzhollak K. Golosa GULAGa: ustnye istorii svetskih zakljuchennyh i ssyl'nyh. Bejzinstok, 2011].
- ⁸ Sm.: Brown K. Gridded Lives. Why Kazakhstan and Montana are Nearly the Same Place // American Historical Review. 2001. № 1. R. 17–48. [Braun K. Riflenye zhizni. Pochemu Kazahstan i Montana pochti to zhe samoe // Amerikanskoe istoricheskoe obozrenie. 2001. № 1. S. 17–48. <http://history.lsa.umich.edu/652/Readings/Brown1.pdf> (data obrashhenija 16.12.2012)].
- ⁹ Sm.: Stark M. Frauen in Gulag: Alltag und Überleben, 1936 bis 1956. München; Wien, 2003. [Shtark M. Zhenshhiny v GULAGe. Povsednevnost' i vyzhivanie. Mjunhen; Vena, 2003].
- ¹⁰ Sm.: Frank T. Widerstand im Gulag: Ueberlebensstrategien und aktive Protestformen in sowjetischen Straflagern 1923–1960. Marburg, 2010. [Soprotivlenie v GULAGe: strategii vyzhivanija i aktivnye formy protesta v sovetskih ispravitel'nyh lagerjah v 1923–1960 gg. Marburg, 2010]; Hedeler V. Soprotivlenie v GULAGe. Bunty, vosstanija, pobegi // Vostochnaja Evropa. 2007. № 6. S. 353–368. <http://shalamov.ru/research/61/16.html> (data obrashhenija: 26.10.2012).
- ¹¹ Sm.: Putc M. Hozjaeva GULAGa. Recidivisty v GULAGe // Vostochnaja Evropa. 2007. № 6. S. 341–352. <http://shalamov.ru/research/61/15.html> (data obrashhenija: 26.12.2012).
- ¹² Sm.: Vert N. GULAG cherez prizmu arhivov // Vostochnaja Evropa. 2007. № 6. S. 9–30. <http://shalamov.ru/research/61/1.html#n5> (data obrashhenija: 26.12.2012).
- ¹³ Sm.: GULAG: jekonomika prinuditel'nogo truda / Otv. red. L.I. Borodkin i dr. M., 2005.
- ¹⁴ Sm.: Ivanova G.M. Istorija GULAGa, 1918–1958: social'no-jekonomicheskij i politiko-pravovoj aspekty. M., 2006. S. 10.
- ¹⁵ Sm.: Tam zhe. S. 423.
- ¹⁶ Sm.: Tam zhe. S. 394.
- ¹⁷ Sm.: Uporov I.V. Penitenciarnaja politika Rossii v HVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitija. SPb., 2004.
- ¹⁸ Sm.: Morukov M.Ju. Pravda GULAGa iz kruga pervogo. M., 2006.
- ¹⁹ Sm.: Rasskazov L.P. Rol' GULAGa v predvoennyh pjatiletkah // Jekonomicheskaja istorija: Ezhegodnik. 2002. M., 2003. S. 269–319.
- ²⁰ Sm.: Kokurin A.I., Morukov Ju.V. GULAG: struktura i kadry // Svobodnaja mysl' – XXI. 2000. № 8. S. 11–128; 2001. № 9. S. 97–122.
- ²¹ Sm.: Kozlov V.A. Neizvestnyj SSSR. Protivostojanie naroda i vlasti 1953–1985 gg. M., 2006.
- ²² Sm.: Nahapetov B.A. Ocherki istorii sanitarnoj sluzhby GULAGa. M., 2009. S. 149.
- ²³ Sm.: Gorjacheva A.Ju. Pressa GULAGa (1918–1955). Spiski E.P. Peshkovoju. M., 2009.
- ²⁴ Sm.: Kodincev A.Ja. Lagernaja justicija v SSSR // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2008. № 4. S. 45.

²⁵ См.: Меликян А.М. Советская исправительно-трудовая политика: 1921–1941 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2005.

²⁶ См.: Христофорова Е.И. Режим в ИТЛ НКВД СССР, 1929–1941: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Жученко В.В. Условия жизни заключенных советских исправительно-трудовых лагерей (1929–1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Саранча Г.А. Режим содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа 1930–1960 гг. на примере исправительно-трудовых лагерей Пермской области: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010.

²⁷ См.: Старикова О.Н. Специальные места лишения свободы в пенитенциарной системе Советского государства (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

²⁸ См.: Миронов А.Г. Особые лагеря ГУЛАГа МВД СССР (1948–1954 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

²⁹ См.: Сидоркин А.И. Формирование и развитие уголовно-исполнительной системы в республике Марий Эл (1917–1998 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 6.

³⁰ См.: Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918–1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004.

³¹ См.: Уладышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929–1960 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009.

³² См.: Там же. С. 12.

³³ См.: Там же. С. 41.

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ См.: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004; Пахит Ю.Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР, и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

³⁶ Кустышев А.Н. Подневольный труд в Ухто-Ижемском лагере НКВД-МВД СССР при освоении недр Коми АССР в 1933–1955 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000; Он же. Ухтижемлаг. 1938–1955 гг. Ухта, 2010; Токмянина С.В. Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945–1953 гг.). Екатеринбург, 2006; Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008; Селезнев Е.С. Производственная деятельность ИТЛ ГУЛЖДС НКВД / МВД на западном участке БАМа (1937–1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009; Бельх Н.Ю. Особенности формирования и функционирования лагерной экономики в 1938–1953 гг. (на материалах Вятлага – Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2010; Он же. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М., 2011 и др.

³⁷ Маркова Е.В. др. Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2002.

³⁸ См.: Миронова В.Г. Культурно-воспитательная работа в лагерях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР в 1930–1950-е годы (на материалах Иркутской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004; Коломейский И.А. Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях НКВД-МВД СССР на территории Челябинской области (1930–1950-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009.

³⁹ См.: Еланцева О.П. БАМлаг в контексте истории и литературы: из фондов дальневосточных библиотек. Владивосток, 2000.

⁴⁰ Афанасов О.В. История Озерного лагеря в Иркутской области (1948–1963 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001; Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001; Шулубина С.А. Система Севвостлага в 1932–1957 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; Махаева В.В. Исправительно-трудовые лагеря Куйбышевской области как региональная структура советской карательно-репрессивной системы – ГУЛАГ НКВД (1937 – июнь 1941 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2012; Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: история и судьбы. Караганда, 2002; Елеуханова С.В. История Карагала: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930–1956): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2009 и др.

⁴¹ См.: Меньковский В.И. История ГУЛАГа в новейшей российской историографии // Известия Коми научного центра

²⁵ См.: Melikjan A.M. Sovetskaja ispravitel'no-trudovaja politika: 1921–1941 gg.: Dis. ... d-ra ist. nauk. Krasnodar, 2005.

²⁶ См.: Hristoforova E.I. Rezhim v ITL NKVD SSSR, 1929–1941: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002; Zhuchenko V.V. Uslovija zhizni zakljuchennyh sovetskikh ispravitel'no-trudovyh lagerej (1929–1941 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006; Sarancha G.A. Rezhim sodержanija zakljuchennyh v lagerjah GULAGA 1930–1960 gg. na primere ispravitel'no-trudovyh lagerej Permskoj oblasti: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2010.

²⁷ См.: Starikova O.N. Special'nye mesta lisheniya svobody v penitenciarnoj sisteme Sovetskogo gosudarstva (istoriko-pravovoe issledovanie): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2010.

²⁸ См.: Mironov A.G. Osobyje lagerja GULAGA MVD SSSR (1948–1954 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2010.

²⁹ См.: Sidorkin A.I. Formirovanie i razvitie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v respublike Marij Jel (1917–1998 gg.): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2000. S. 6.

³⁰ См.: Usmanova F.R. Istorija stanovlenija i razvitija sovetskoj penitenciarnoj sistemy v Tjumenskom regione (1918–1956 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tjumen', 2004.

³¹ См.: Upadyshev N.V. GULAG na Evropejskom Severe Rossii: genezis, funkcionirovanie, raspad (1929–1960 gg.): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Arhangel'sk, 2009.

³² См.: Там же. С. 12.

³³ См.: Там же. С. 41.

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ См.: Suslov A.B. Speckontingent v Permskom krae v konce 20-h – nachale 50-h gg. HH v.: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2004; Pazhit Ju.Ju. Zakljuchennye, trudmobilizovannye NKVD SSSR, i specposelency v Sverdlovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2005.

³⁶ Kustyshev A.N. Podnevol'nyj trud v Uhto-Izhemskom lagere NKVD-MVD SSSR pri osvoenii nedr Komi ASSR v 1933–1955 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Syktyvkar, 2000; On zhe. Uhtizhemlag. 1938–1955 gg. Uhta, 2010; Tokmjanina S.V. Lagernaja jekonomika Urala v pozdnestalinskij period (1945–1953 gg.). Ekaterinburg, 2006; Shevyrin S.A. Prinuditel'nyj trud v lagerjah i kolonijah na territorii sovremennogo Permskogo kraja, konec 1920-h – seredina 1950-h gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2008; Seleznev E.S. Proizvodstvennaja dejatel'nost' ITL GULZhDS NKVD / MVD na zapadnom uchastke BAMa (1937–1953 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2009; Belyh N.Ju. Osobennosti formirovanija i funkcionirovanija lagernoj jekonomiki v 1938–1953 gg. (na materialah Vjatlaga – Vjatskogo ITL NKVD-MVD SSSR): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kirov, 2010; On zhe. Jekonomika GULAGA kak sistema podnevol'nogo truda (na matrialah Vjatlaga 1938–1953 gg.). M., 2011 i dr.

³⁷ Markova E.V. dr. Gulagovskie tajny osvoenija Severa. M., 2002.

³⁸ См.: Mironova V.G. Kul'turno-vospitatel'naja rabota v lagerjah GULAGA NKVD-MVD SSSR v 1930–1950-e gody (na materialah Irkutskoj oblasti): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2004; Kolomejskij I.A. Kul'turno-vospitatel'naja rabota v lagerjah i kolonijah NKVD SSSR na territorii Cheljabinsknoj oblasti (1930–1950-e gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 2009.

³⁹ См.: Elanceva O.P. BAMlag v kontekste istorii i literatury: iz fondov dal'nevostochnyh bibliotek. Vladivostok, 2000.

⁴⁰ Afanasov O.V. Istorija Ozerного lagerja v Irkutskoj oblasti (1948–1963 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2001; Berdinskih V.A. Istorija odnogo lagerja (Vjatlaga). M., 2001; Shulubina S.A. Sistema Sevostlaga v 1932–1957 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2002; Mahaeva V.V. Ispravitel'no-trudovye lagerja Kujbyshevskoj oblasti kak regional'naja struktura sovetskoj karatel'no-repressivnoj sistemy – GULAG NKVD (1937 – ijun' 1941 g.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2012; Kukushkina A.R. Akmolinskij lager' zhen «izmennikov Rodiny»: istorija i sud'by. Karaganda, 2002; Eleuhanova S.V. Istorija Karalaga: ohrana, rezhim i uslovija sodержanija zakljuchennyh (1930–1956): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Karaganda, 2009 i dr.

⁴¹ См.: Men'kovskij V.I. Istorija GULAGA v novejshej rossijskoj istoriografii // Izvestija Komi nauchnogo centra

Уральского отделения РАН. 2011. № 3 (7). С. 86–89. http://www.izvestia.komisc.ru/Archive/i07_ann.files/menkovsky.pdf (дата обращения: 20.12.2012).

⁴² См.: Степанов М.Г. Феномен ГУЛАГа в отечественной историографии // Исторические науки. 2009. № 1. С. 57–59.

⁴³ См.: Репинецкий А.И., Ипполитов Г.М. ГУЛАГ как исторический феномен: опыт историографического обзора // Клио. 2011. № 4. С. 20–28.

⁴⁴ См.: Тимохова Е.А. ГУЛАГ в СССР: основные тенденции отечественной и зарубежной историографии // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. № 2 (6). С. 6–27. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-175161.html>. (дата обращения: 22.12.2012).

Ural'skogo otdelenija RAN. 2011. № 3 (7). S. 86–89. http://www.izvestia.komisc.ru/Archive/i07_ann.files/menkovsky.pdf (data obrashhenija: 20.12.2012).

⁴² Sm.: Stepanov M.G. Fenomen GULAGa v otechestvennoj istoriografii // Istoricheskie nauki. 2009. № 1. S. 57–59.

⁴³ Sm.: Repineckij A.I., Ippolitov G.M. GULAG kak istoricheskiy fenomen: opyt istoriograficheskogo obzora // Klio. 2011. № 4. S. 20–28.

⁴⁴ Sm.: Timohova E.A. GULAG v SSSR: osnovnye tendencii otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii // Vestnik gumanitarnogo instituta TGU. 2010. № 2 (6). S. 6–27. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-175161.html>. (data obrashhenija: 22.12.2012).

Проблемы и перспективы применения ограничения свободы в контексте реформирования УИС

С.А. БОРОВИКОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Е.О. РЯБКОВА – курсант 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается развитие такого вида наказания, как ограничение свободы, на современном этапе. Исследуются практика его назначения, проблемные вопросы конкуренции с условным осуждением, зарубежный опыт применения, проводится анализ перспективных решений по повышению его эффективности.

Ключевые слова: ограничение свободы; условное осуждение; probation; уголовно-исполнительные инспекции; обязанности; ограничения; система «социальных лифтов».

Problems and perspectives of the use of freedom restriction in the context of the penal system reforming

S.A. BOROVIKOV – Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

E.O. RYABKOVA – Student of the 4th year of the Faculty for Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article considers the current development of this form of punishment as a restraint of freedom. The authors research the practice of the infliction of this punishment, problems of competition with probation, foreign practices of its application, analyze available decisions to improve efficiency of its use.

Key words: custodial restraint; probation; suspended sentence; penal inspections; obligations; restrictions; system of “social lifts”.

Осуществляемое в настоящее время реформирование уголовно-исполнительной системы предполагает решение ряда задач, одной из которых является расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, повышение их эффективности. При этом на

государственном уровне ограничение свободы признается одним из значимых видов наказания, представляющих альтернативу лишению свободы. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы говорится: «рационализация политики в области уголовного правосудия предполагает

увеличение к 2020 году общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний»¹.

Ограничение свободы как вид наказания впервые было закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. и представляло собой содержание осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества, однако так никогда и не назначалось. В декабре 2009 г. ограничение свободы изменилось содержательно² и в обновленном виде оказалось востребованным судами. В течение 2011 г. существенно увеличилось количество осужденных к ограничению свободы, находившихся на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН России: всего за это время их численность достигла 19 481 чел. (аналогичный период 2010 г. – 7937). Прирост составил 45%³. В 2012 г. судами Российской Федерации были осуждены к ограничению свободы 25 269 чел. (прирост – около 30%)⁴. Вследствие этого четко обозначилась потребность в увеличении штатной численности уголовно-исполнительных инспекций.

Количество несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы и состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, на конец 2010 г. составляло 258 чел. За 2011 г. было поставлено на учет еще 624 лица⁵. В 2012 г. к ограничению свободы были осуждены 984 подростка⁶.

Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации рекомендовал назначать несовершеннолетним осужденным наказание в виде ограничения свободы только в качестве основного⁷, оно применялось судами первой инстанции и как дополнительное к лишению свободы: 37 раз в 2011 г., 64 раза в 2012 г.⁸ Таким образом, используя рассматриваемый вид наказания в качестве дополнительного, суды идут вразрез с рекомендациями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но, как нам представляется, исходят при этом из соображений целесообразности – осознания потребности его применения к таким подросткам для достижения исправительного воздействия.

Ограничение свободы закреплено в ст. 53 УК РФ. Суть его состоит в установлении судом осужденному одной обязанности

(являться от одного до четырех раз в месяц для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию) и четырех ограничений, два из которых являются обязательными при назначении этого наказания:

- не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования;
- не менять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Наличие упомянутой оговорки не в полной мере обеспечивает применение имеющегося объема ограничений, что вряд ли способствует раскрытию всего потенциала исправительного воздействия данного вида наказания. На 01.01.2012 г. число осужденных, имевших обязательные ограничения, составляло 18 333 чел. (около 91%), в то время как число лиц с дополнительными ограничениями, возложенными судом, – 1784 чел. (около 9%). В отношении несовершеннолетних наблюдалась такая же картина: количество подростков, имевших обязательные ограничения по приговору суда, – 802 чел., а число лиц с дополнительными ограничениями – 104⁹.

Так, например, Кичменгско-Городецкий районный суд Вологодской области вынес приговор в отношении Б.: признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ, и назначил наказание в виде ограничения свободы сроком на два года. При этом были установлены следующие ограничения: не выезжать за пределы определяемой территории, не изменять постоянного места жительства и места пребывания без согласия уголовно-исполнительной инспекции и являться на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в месяц¹⁰.

Елизовским районным судом Камчатского края К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. Суд назначил ему наказание в виде ограничения свободы сроком на один год шесть месяцев и при этом возложил следующие обязанности: являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, один раз в месяц для регистрации; не менять места жительства, а также не выезжать за пределы территории Елизовского муниципального образования без согласия указанного специализированного органа¹¹.

Новгородский районный суд Новгородской области признал Д. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и назначил ему наказание в виде ограничения свободы сроком на один год шесть месяцев. При этом осужденный обязан в период отбытия наказания не изменять место жительства без согласия специализированного государственного органа, не выезжать за пределы Новгородского района Новгородской области без согласия УИИ, не изменять место работы без согласия УИИ¹².

Таким образом, мы видим, что суды, назначая приговором обязанности и ограничения в отношении конкретного осужденного к наказанию в виде ограничения свободы, называют их неправильно и смешивают два этих понятия между собой. Кроме того, объем избираемых обязанностей и ограничений в приговоре при назначении рассматриваемого наказания, как правило, является шаблонным.

Анализ судебной практики обнаруживает следующие ошибки, допускаемые судами при назначении ограничения свободы.

Во-первых, не устанавливаются ограничения, призванные быть обязательным компонентом назначения и исполнения наказания. Например, кассационным определением Московского городского суда от 12.03.2012 г. по делу № 22-2974/12 приговор по статье о краже изменен: исключено указание о назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку суд нарушил положения ч. 1 ст. 53, не определив перечень ограничений, тем самым фактически не назначил этот вид наказания¹³.

Во-вторых, ограничения должны быть назначены за каждое преступление в отдельности. Например, Белгородским областным судом был обжалован приговор Прохоровского районного суда, в соответствии с которым Д. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 158 (два эпизода), ч. 1 ст. 158 УК РФ. Суд, назначив наказание Д. в виде ограничения свободы, не указал конкретные ограничения по каждому из трех преступлений, а определил их лишь при назначении наказания по совокупности согласно ч. 3 ст. 69 УК РФ. Таким образом, суд фактически не назначил осужденному наказание в виде ограничения свободы по каждому из эпизодов. С учетом изложенного приговор данного суда был признан необоснованным и несправедливым¹⁴.

В-третьих, ошибки могут быть связаны с тем, что конкретизируется территория, на

которой исполняется наказание. Например, кассационным определением Ярославского областного суда от 20.04.2012 г. по делу № 22-667/12 изменена резолютивная часть приговора путем включения в назначенное наказание указания на конкретное муниципальное образование, за пределы которого запрещено выезжать осужденному¹⁵.

В-четвертых, ошибки касаются того, что виновному вменяются обязанности, не предусмотренные законом, хотя приведенный в ст. 53 УК РФ перечень обязанностей и ограничений является исчерпывающим. Например, постановлением президиума Липецкого областного суда от 23.09.2011 г. № 44-у-157-2011 приговор в отношении осужденного был изменен посредством исключения возложения на него следующих обязанностей: трудоустроиться, пройти курс лечения от алкоголизма, не злоупотреблять спиртными напитками. Основанием для этого послужило то, что такие ограничения свободы законом не предусмотрены¹⁶.

Таким образом, обобщая практику ошибочного применения наказания в виде ограничения свободы в различных регионах страны, приходим к выводу, что суды, как правило, назначают обязательные виды ограничений шаблонно, не всегда учитывая специфику данного наказания, относящуюся к его исполнению. В некоторых случаях суды не применяют даже минимального объема ограничений, иногда же, наоборот, выходят за пределы дозволенного.

Нам представляется целесообразным исключить из соответствующей нормы указание на то, что обязательными являются только два ограничения. Более широкое применение закрепленных в ст. 53 УК РФ ограничений необходимо для повышения эффективности исправительного воздействия на осужденного. То есть все они должны использоваться в каждом случае назначения этого вида наказания, а суду следует только конкретизировать их вид и объем для осужденного.

Расширение числа ограничений позволит эффективнее контролировать поведение осужденного, а также будет способствовать достижению таких целей наказания, как предупреждение преступлений и исправление осужденных. Последующее исключение определенных ограничений предоставит возможность осуществлять дифференцированный подход к осужденному с учетом степени его исправления. Это может стать вариантом реализации системы «социаль-

ных лифтов», под которой согласно методическим рекомендациям ФСИН России следует понимать «механизм изменения условий отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев»¹⁷.

На сегодняшний день зарубежными аналогами ограничения свободы являются домашний арест (как вид наказания, связанного с лишением свободы, – в Великобритании; как мера безопасности – в США; как мера, альтернативная лишению свободы, – в Италии), электронный надзор и запрет проживания в определенных местах (как дополнительное наказание – во Франции), установление надзора (как мера исправления и безопасности – в ФРГ), личные меры безопасности (надзор, запрет на проживание в одной или нескольких коммунах либо в одной или нескольких провинциях, запрет на посещение таверн и мест, где идет торговля алкогольными напитками, – в Италии)¹⁸. В США, например, похожие на ограничение свободы механизмы реализуются путем пробации¹⁹.

Пробация – это юридический термин, употребляемый преимущественно в англосаксонских странах. Он означает работу условно осужденных лиц, на которых налагаются определенные обязательства при исполнении наказания²⁰. Заметим, что понятие это получило распространение и в законодательстве некоторых стран современной Европы.

В США передача на пробацию предполагает, что суд либо откладывает вынесение приговора вообще, либо приостанавливает его действие в отношении признанного виновным лица при определенных условиях и на определенный срок²¹.

В Великобритании исполнение уголовных наказаний, не связанных с тюремным заключением, возложено на службу пробации. Очень схож с российским ограничением свободы электронный мониторинг (домашний арест), суть которого составляет обязанность находиться дома в определенное время и осуществление контроля за ее исполнением²².

Таким образом, пробация (от англ. probation – испытание) в уголовном праве США, Англии и ряда других стран – вид условного осуждения, при котором осужден-

ный помещается на время установленного судом испытательного срока под надзор специальных органов²³. В некоторых странах (Швеция²⁴, Финляндия²⁵) она применяется и в отношении лиц, досрочно освобожденных из мест лишения свободы.

Анализ изученных материалов показал, что ограничение свободы и условное осуждение (включая пробацию как его зарубежную разновидность) пересекаются объемом обязанностей, которые могут возлагаться на осужденного. Существующая ситуация с разграничением данных видов наказания вызывает трудности как при назначении их судами, так и при исполнении уголовно-исполнительными инспекциями. Это распространяется на те случаи, когда оба вида наказания назначены одновременно (условное осуждение, а затем ограничение свободы), но разными приговорами. Подобное возможно, если второе преступление было совершено до вынесения приговора по первому и о нем стало известно уже после суда. Второе преступление при этом не является основанием для отмены условного осуждения.

Аналогичная ситуация складывается и тогда, когда суды назначают наряду с условным осуждением еще и ограничение свободы. Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда от 12.04.2011 г. № 22-679/2011 говорится: «Действия М. переqualифицировать со ст. 158, ч. 3, п. "а" УК РФ на п. "а" ч. 3 ст. 158 УК РФ в редакции ФЗ № 26 от 07.03.2011 г. и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года условно с ограничением свободы на один год. В соответствии со ст. 73 УК РФ на М. возложить обязанности: ежемесячно являться на регистрации в УИИ, погасить ущерб в течение месяца после вступления приговора в законную силу. В соответствии со ст. 53 УК РФ на М. возложить обязанности: ежемесячно являться на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы, не менять постоянного места жительства без уведомления УИИ»²⁶. Данный приговор не является единственным, вынесенным в таком контексте²⁷.

В связи с тем что ограничение свободы и условное осуждение отчасти повторяют друг друга, правомерно поставить вопрос о логичности указанного дублирования, ибо такая ситуация создает дополнительные сложности при исполнении обеих мер.

Таким образом, с учетом анализа зарубежного опыта, выявленных положительных сторон исполнения условного осуждения и ограничения свободы можно предложить произвести их объединение, закрепив возможность использования данной меры как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания, не исключая возможности ее применения в отношении несовершеннолетних. При этом, например, можно назвать ее пробацией.

Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы наказание содержало более широкий перечень как ограничений (относительно ограничения свободы), так и обязанностей (предусмотренных условным осуждением), предоставляя возможность снижать объем ограничений в отношении исправляющихся. Кроме того, это также обеспечивало бы должный контроль за поведением и тех лиц, которые освободились из мест лишения свободы, позволяло бы оказывать на них предупредительное воздействие и содействовать их социализации.

В том случае если идея объединения условного осуждения и ограничения свободы в настоящее время не будет расценена как приемлемая, обязательно следует рас-

смотреть вопрос об изменении структуры ограничений и обязанностей, которыми характеризуется наказание в виде ограничения свободы. Существующий в нынешнем виде их исчерпывающий перечень ограничивает правоприменителя в части методов и средств оказываемого исправительного воздействия на осужденного, что не позволяет эффективно решать вопрос достижения таких целей наказания, как исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

Исходя из сказанного выше необходимо в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве закрепить положение о применении большего объема ограничений к лицам, осужденным к наказанию в виде ограничения свободы, с учетом реализации дифференцированного подхода как к исправляющимся осужденным, так и к нарушителям и использования системы «социальных лифтов». Более широкое применение ограничения свободы позволит снизить численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, уменьшить негативное влияние криминальной среды на осужденных, поможет им развиваться и социализироваться в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» (с изм. от 07.12.2011 г.) // СЗ РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.

³ См.: Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России в 2011 году. Обзор. <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=распоряжения%20правительства%20российской%20федерации%20от%2024%20мая%202011г.%20№%20894-р%20о%20>

⁴ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_10_1-2012_g.xls/

⁵ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2011 г.): Информ.-аналит. сб. Тверь, 2011. С. 153–157.

⁶ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания.

⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 09.02.2012 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февр.

⁸ См.: Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-2012_god.xls

⁹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2011 г.). С. 153–157.

¹ Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O koncepcii razvitiya ugodovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² Sm.: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 27.12.2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem v dejstvie polozhenij Ugodovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugodovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii o nakazanii v vide ogranichenija svobody» (s izm. ot 07.12.2011 g.) // SZ RF. 2009. № 52 (ch. 1). St. 6453.

³ Sm.: Ob itogah dejatel'nosti ugodovno-ispolnitel'nyh inspekcij territorial'nyh organov FSIN Rossii v 2011 godu. Obzor. <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=распоряжения%20правительства%20российской%20федерации%20от%2024%20мая%202011г.%20№%20894-р%20о%20>

⁴ Sm.: Otchet o chisle privlechennyh k ugodovnoj otvetstvennosti i vidah ugodovnogo nakazaniya. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_10_1-2012_g.xls/

⁵ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'-dekabr' 2011 g.): Inform.-analit. sb. Tver', 2011. S. 153–157.

⁶ Sm.: Otchet o chisle privlechennyh k ugodovnoj otvetstvennosti i vidah ugodovnogo nakazaniya.

⁷ Sm.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 01.02.2011 g. № 1 (red. ot 09.02.2012 g.) «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentirujushhego osobennosti ugodovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» // Rossijskaja gazeta. 2011. 11 fevr.

⁸ Sm.: Otchet o rabote sudov po rassmotreniju ugodovnyh del po pervoj instancii. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/forma_1_-2012_god.xls

⁹ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'-dekabr' 2011 g.). S. 153–157.

- ¹⁰ См.: Судебная практика Кичменгско-Городецкого районного суда Вологодской области. <http://actoscope.com/szfo/vologodskobl/kich-gorod-vld/ug/1/pokushenie-nagrabey10112010-577254/>
- ¹¹ См.: Судебная практика Елизовского районного суда Камчатского края. <http://actoscope.com/dvfo/kamchatskraj/elizovsky-kam/ug/1/delo--1-67201125042011-86862/>
- ¹² См.: Судебная практика Новгородского районного суда. <http://actoscope.com/szfo/novgorodobl/novgorodski-nvg/ug/1/prigovor-po-ch1-st228-uk-rf07092010-90756/>
- ¹³ См.: Кассационное определение Московского городского суда. <http://arbitration.consultant.ru/marb/list/2012/0903.htm> | /
- ¹⁴ См.: Обзор судебной практики по уголовным делам за август 2012 г. (подготовлен Белгородским областным судом): Информ. бюл. 2012. № 9.
- ¹⁵ См.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=198243>
- ¹⁶ См.: Бюллетень Липецкого областного суда за третий квартал 2011 г. <http://eletsforsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=75/>
- ¹⁷ http://www.fsin.su/structure/social/vospitatelnaya%20rabota/metod_rek_lifti.doc
- ¹⁸ См.: Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. М., 2010. С. 94, 282–283, 389, 405, 453, 516.
- ¹⁹ См.: Нека Л.И. Вопросы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 2. С. 19–24.
- ²⁰ См.: Целмс Г. Тюрма ее величества // Преступление и наказание. 2007. № 9. С. 58.
- ²¹ См.: Кубанцев С.П. Применение probation и досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в США // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 121.
- ²² См.: Елизаров А.Б. Исполнение отдельных видов наказаний в Великобритании и Финляндии // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 175.
- ²³ См.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17622/>
- ²⁴ См.: Кобыш А. Нужна ли России служба probation? // Преступление и наказание. 2006. № 5. С. 20.
- ²⁵ См.: Елизаров А.Б. Исполнение отдельных видов наказаний в Великобритании и Финляндии. С. 176.
- ²⁶ <http://actoscope.com/szfo/vologodskobl/oblsud-vld/ug/3/kassacionnoe-opredelenie-ot-12-ap18042011-1682492>
- ²⁷ См.: <http://actoscope.com/yfo/tymenobl/golyshmanovskiytum/ug/1/prigovor-ot-0212201015122010-212766>
- ¹⁰ Sm.: Sudebnaja praktika Kichmengsko-Gorodeckogo rajonnogo suda Vologodskoj oblasti. <http://actoscope.com/szfo/vologodskobl/kich-gorod-vld/ug/1/pokushenie-nagrabey10112010-577254/>
- ¹¹ Sm.: Sudebnaja praktika Elizovskogo rajonnogo suda Kamchatskogo kraja. <http://actoscope.com/dvfo/kamchatskraj/elizovsky-kam/ug/1/delo--1-67201125042011-86862/>
- ¹² Sm.: Sudebnaja praktika Novgorodskogo rajonnogo suda. <http://actoscope.com/szfo/novgorodobl/novgorodski-nvg/ug/1/prigovor-po-ch1-st228-uk-rf07092010-90756/>
- ¹³ Sm.: Kassacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda. <http://arbitration.consultant.ru/marb/list/2012/0903.htm> | /
- ¹⁴ Sm.: Obzor sudebnoj praktiki po ugovolnym delam za avgust 2012 g. (podgotovlen Belgorodskim oblastnym sudom): Inform. bjul. 2012. № 9.
- ¹⁵ Sm.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=198243>
- ¹⁶ Sm.: Bjulleten' Lipeckogo oblastnogo suda za tretij kvartal 2011 g. <http://eletsforsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=75/>
- ¹⁷ http://www.fsin.su/structure/social/vospitatelnaya%20rabota/metod_rek_lifti.doc
- ¹⁸ Sm.: Kozochkin I.D. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran. Obshhaja i Osobennaja chasti. M., 2010. S. 94, 282–283, 389, 405, 453, 516.
- ¹⁹ Sm.: Neka L.I. Voprosy juvenal'noj justicii v Soedinennyh Shtatah Ameriki // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. 2010. № 2. S. 19–24.
- ²⁰ Sm.: Celms G. Tjur'ma ee velichestva // Prestuplenie i nakazanie. 2007. № 9. S. 58.
- ²¹ Sm.: Kubancev S.P. Primenenie probacii i dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija v vide lisenija svobody v SShA // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 1. S. 121.
- ²² Sm.: Elizarov A.B. Ispolnenie otdel'nyh vidov nakazanij v Velikobritanii i Finljandii // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2007. № 4. S. 175.
- ²³ Sm.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17622/>
- ²⁴ Sm.: Kibysh A. Nuzhna li Rossii sluzhba probacii? // Prestuplenie i nakazanie. 2006. № 5. S. 20.
- ²⁵ Sm.: Elizarov A.B. Ispolnenie otdel'nyh vidov nakazanij v Velikobritanii i Finljandii. S. 176.
- ²⁶ <http://actoscope.com/szfo/vologodskobl/oblsud-vld/ug/3/kassacionnoe-opredelenie-ot-12-ap18042011-1682492>
- ²⁷ Sm.: <http://actoscope.com/yfo/tymenobl/golyshmanovskiytum/ug/1/prigovor-ot-0212201015122010-212766>

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв.

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматривается процесс юридической и судебной секуляризации церкви, в значительной степени изменивший правовой статус Русской православной церкви, что нашло отражение в практике применения церковных наказаний. Противоречивый характер модернизации церковного наказания выразился одновременно в приближении его к государственным карательным интересам и сохранении христианской традиции.

Ключевые слова: церковное наказание; юридическая автономия церкви; разграничение церковного и светского законодательства; духовные суды; церковные инквизиторы; синод; дисциплинарная практика клира; правонарушения в церковной среде; христианская традиция церковного наказания; правовой статус Русской православной церкви.

Peculiarities of formation of ecclesiastical jurisdiction in penal policy of the XVIII–XIX centuries

A.P. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History

The article deals with the legal and judicial process of secularization of the Church, which changed the legal status of the Russian Orthodox Church in a large extent. This is reflected in the practice of church disciplines. The contradictory nature of the modernization of the church discipline appeared in the same time in the state punitive interest and maintaining the Christian tradition of its content.

Key words: Ecclesiastical punishment; the legal autonomy of the church; the distinction between religious and secular law; the spiritual courts; church inquisitors; the Synod; the clergy disciplinary practice; offenses in the church community; the Christian tradition of ecclesiastical punishment; the legal status of the Russian Orthodox Church.

Наказание является неременным элементом карательной политики государства. В широком смысле наказание – инструмент принудительного воздействия на лицо, совершившее правонарушение. Форма наказания зависит от характера, степени и оценки данного правонарушения. Это сложившееся представление о содержании наказания обычно не вызывает споров, как и вопрос о его целях и назначении. Вместе с тем в российском обществе было несколько систем права, которые в совокупности определяли

своеобразие национальной правовой системы. Наибольший интерес представляют системы светского и церковного права в силу того, что на протяжении столетий они развивались параллельно, взаимно дополняя друг друга. По формальным признакам они также являлись вполне сложившимися образованиями, регулировавшими различные направления общественной жизни, каждое из которых имело свою систему наказания.

Несмотря на все попытки государства подчинить себе церковное право, оно про-

должало существовать. Даже в период «секулярной войны» (XVIII в.) церковь сохранила собственную юрисдикцию и в решении некоторых правовых вопросов была вполне самостоятельной. Более того, именно в этот период судебные инстанции Русской православной церкви (РПЦ) приобрели законченный характер. Судебная система церкви включала в себя суд Святейшего Синода, суд епископа (митрополита), суд консистории (епархиальный суд). Ограниченными судебными функциями были наделены приходской священник, настоятель, в ряде случаев – благочинный. Каждая инстанция в пределах своих полномочий могла выносить решение о назначении и исполнении наказания. Новая судебная церковная вертикаль со строгой подчиненностью была построена по государственному образцу. Эти же инстанции одновременно выполняли и административные, и надзорные функции.

Относительная автономия РПЦ позволила ей не только сохранить собственную юрисдикцию, но и сделать серьезные шаги по совершенствованию собственного законодательства. По внешним признакам церковные законы стали принимать более стройный и законченный вид. У многих из них появились вводная и мотивировочная части, язык и стиль оформления стал более понятным и похожим на государственное изложение законов, постепенно ушла в прошлое громоздкая староцерковная лексика. Государство пыталось приблизить церковно-правовой язык к собственным стандартам.

В XVIII–XIX вв. продолжало развиваться церковное законодательство по вопросам разграничения судебных полномочий. Отправной точкой правотворческого процесса стал Духовный регламент (1721 г.) – главный юридический документ, определивший положение РПЦ в новых исторических условиях. Новая вертикаль церковного управления, по данному документу, строилась на единых государственных принципах. Несмотря на явное подчинение церкви государству, главный орган церкви – Святейший Синод – получил название правительствующего, что формально уравнивало его в правах с Сенатом. Синод стал главным административным органом, одновременно выполняя функции высшего церковного суда. По-прежнему в обязанности епископата входили надзор за жизнью духовенства и нравственным поведением подданных в своей епархии, а также производство духовного суда, в том числе и над мирянами. Регламент пополнился положениями

полицейского характера, отражением чего явилось введение института «закащиков» (благочинных), осуществлявших контроль, а сам священник был обязан доносить власти об «открытых на исповеди совершенных и замышляемых преступлениях, особенно политического характера»¹. В этом смысле Духовный регламент был не просто юридическим актом, а в большей степени политическим документом, определившим вектор государственной политики по отношению к церкви на два ближайших столетия.

Формирование церковного законодательства шло по пути приспособления его к новым государственным запросам. Оно стало отличаться большей детализацией, усилением ответственности за нарушение внутренней дисциплины. Распоряжением Синода от 1 марта 1721 г. во всех российских городах, архиерейских епархиях вводилась должность инквизитора (духовного фискала) – провинциального духовного инспектора, выполнявшего надзорные функции². В инструкции, описывающей обязанности духовного фискала, делалась прямая ссылка на гл. 42 Воинского устава, в соответствии с которой «фискал есть смотритель за каждым чином, так ли всякой должностью истинною служит и прочих делах, врученных ему, поступает». Инквизиторы избирались из числа монашествующих и следили за выполнением постановлений Синода. Им вменялось осуществлять контроль за деятельностью архиерея и иных должностных лиц церковного ведомства, сообщать факты обо всех преступлениях, в том числе о «народных делах, за которых нет челобитчика»³. Они могли выступать в суде в качестве обвинителя, осуществлять тайную проверку исполнения церковного наказания.

Документ показателен с двух позиций. Во-первых, РПЦ пыталась выстроить систему более действенного контроля за тем, что происходит на местах, что отвечало запросам государственной власти. Мера достаточно логичная и важная, если не считать того обстоятельства, что контролирующими функциями уже обладали и архиереи, и настоятели всех монастырей, которые обязаны были докладывать в Синод не только обо всех правонарушениях, но и о состоянии текущих дел. Здесь усматривается определенное недоверие к епархиальной власти, которая могла отправлять в Синод не совсем объективную информацию, скрывая отдельные факты. Во-вторых, требование докладывать в Синод обо всех спорах и тяжбах в крестьянской среде, ко-

торые не доходили до суда, говорило о том, что РПЦ была заинтересована в более серьезном влиянии на мирян. В Синод неоднократно поступали жалобы о неподобающем поведении служителей церкви: сквернословие, блуд, участие в азартных играх. Многие доносы не находили своего подтверждения и являлись отражением непростых отношений духовенства с местным населением. В частности, Г.В. Храпков приводит сведения по фондам Ярославской консистории о том, что примерно 85% всех доносов на священников были ложными, поскольку следствием было доказано, что они были способом мести священнослужителю. Однако 15% доносов получили подтверждение, и пастырь в таких случаях строго наказывался⁴.

Инквизиторы фактически помогали выстроить систему обратной связи церкви с обществом. Именно поэтому фискалы должны были собирать полную информацию обо всем, что происходило в народной среде. Такой обязанностью были уже наделены священнослужители, однако Синод посчитал, что контроля со стороны приходских священнослужителей недостаточно, поэтому наделил полицейскими функциями духовных фискалов. Тем самым РПЦ пыталась выстроить более эффективную модель взаимоотношений с миром.

Важнейшим документом в развитии церковного законодательства было принятие в 1841 г. Устава духовных консисторий, регулировавшего поведение клира и прихожан. Он определил правовой статус и направления деятельности консистории, обозначил компетенцию епархиального суда, процессуальные особенности взаимоотношений Синода и консистории, архиерея и членов консистории по спорным вопросам. Большой раздел устава касался епархиального управления, поведения духовенства, церковного судопроизводства, проступков и преступлений духовных лиц и применения различных форм наказания за их совершение⁵. Устав предусматривал создание системы местных административных органов церковной власти, вобравших в себя одновременно надзорные и судебные функции. Консистории создавались в каждой епархии и возглавлялись архиепископами, которые несли прямую ответственность за состояние дел на своей территории. С помощью новой управленческой конструкции делалась попытка более полного подчинения церкви государству, доказательством чему служит тот факт, что проект создания

консисторий разрабатывался гражданским учреждением – Сенатом, при котором была создана специальная комиссия с участием представителей духовенства и светского чиновничества. Более того, в штаты новой организации вводились светские чиновники (от 12 до 20 чел.) для ведения делопроизводства. Данная совместная деятельность светских и церковных властей была вполне успешной и в решении проблемы исключительно церковной – искоренении нарушений в среде клириков. «Институту консисторий предстояло в целом решать весьма сложную задачу по уничтожению пороков, которые компрометировали Русскую церковь»⁶. Именно с этой целью в консисториях создавались духовные правления, которые приводили в исполнение принятые решения, в том числе и приговоры.

Несмотря на значительное продвижение вперед в кодификации норм церковного права, серьезной проблемой по-прежнему оставалось наличие коллизий, когда отдельные нормы светского и церковного права входили в противоречие между собой. В результате судебные инстанции государства и церкви в ряде случаев могли применять разные нормы права, использовать разные санкции. Это порождало конфликты, в разрешении которых принимали участие представители обеих сторон.

Необходимо отметить, что и само церковное законодательство нельзя назвать совершенным. Анализ архивных документов и нормативно-правовых актов позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, судя по архивным документам, оснований для применения наказания судебными духовными инстанциями было гораздо больше, чем это допускало действующее законодательство. Далекое не все правонарушения могли быть прописаны, поэтому первичные судебные инстанции иногда руководствовались лишь ссылкой на общие положения базовых документов, представляющие скорее канонические императивы и принципы и дающие относительную свободу действий суду при вынесении приговора. В то же время в судебном решении содержание правонарушения обычно прописывалось. Основанием для применения различных форм церковного наказания в этом случае являлась местная судебная практика, которая значительно расширяла понимание церковного нарушения, приспособив его к региональным особенностям. Так, С.В. Максимов на основе собственных наблюдений приходит к выводу, что на Се-

вере наказания за некоторые семейно-брачные нарушения были менее суровыми, чем в других регионах России⁷. Вологодские архивы содержат примеры оригинальных случаев церковного наказания, источником определения которых не могло быть ни церковное, ни светское действующее законодательство, например, ссылка в монастырь за «болтливость»⁸, «неспособность к монашеской жизни»⁹.

Во-вторых, на практике складывался несколько иной порядок исполнения церковных наказаний, чем это предусматривало действующее законодательство. Речь идет о формах церковного наказания, связанных с временным или бессрочным лишением свободы в монастыре. Отход от нормативных установлений был вызван различными причинами: отсутствием средств на охрану колодников, недофинансированием соответствующих учреждений, бюрократизмом, сложившейся практикой массовых доносов и др. Серьезной причиной такого положения было отсутствие правоприменительного законодательства. Оно стало активно формироваться только в XIX в. В XVIII столетии исполнение приговоров осуществлялось на основании распоряжений императора, Тайной канцелярии, постановлений Сената и Синода, которые носили бессистемный характер и отражали в большей степени конъюнктурные запросы различных институтов.

В-третьих, некоторые вопросы, связанные с исполнением церковного наказания, действующим законодательством не регулировались вообще, что порождало, например, произвол настоятелей по отношению к ссыльным. Об этом говорили случаи массового бегства ссыльных из монастырей¹⁰. Синод периодически выпускал специальные «реестры бежавших за разные годы из монастырей колодников»¹¹. Пик массового бегства из монастырей приходился на первую половину XVIII в. В последующие годы оно не носило такого масштабного характера, что связано с улучшением организации охраны и с некоторым ослаблением борьбы против раскола. Последнее было очень существенным моментом, так как раскольники составляли солидную часть контингента ссыльных. С этого времени Синод начал публиковать списки сбежавших из монастырей колодников с указанием их подробных примет¹². Реестры беглых из монастырей раскольников могли публиковаться и отдельно. К ним прилагались указы центральной государственной власти о мерах по

их розыску¹³. Консисториям предписывалось в случае обнаружения бежавших «под накрепчайшим караулом доставлять их в надлежащие места»¹⁴. Со второй половины XVIII в. количество беглых из монастырей заметно снизилось, но не исчезло совсем¹⁵. Случаи бегства из монастырей были и в XIX в.¹⁶ Однако обращает на себя внимание тот факт, что организация розыска бежавших из монастырей ссыльных стала более эффективной. В рапортах настоятелей указывались проводимые мероприятия по поимке бежавших¹⁷.

Обостряло ситуацию и то обстоятельство, что дисциплинарная практика клира отставала от законодательства. Если церковное законодательство быстрее адаптировалось к изменившимся условиям и учитывало запросы государства, то практика его исполнения во многом оставалась формальной в силу сохранения традиционного сознания. Примером этому служили многочисленные правонарушения в среде клира¹⁸.

Особенно мощным был всплеск правонарушений в духовной среде после секуляризационных кампаний Петра I и Екатерины II. Определение штатной численности приходов и монастырей спровоцировало рост правонарушений в среде духовенства. Выведенное за штаты духовенство приписывалось в податное население. Многие из тех, кто остался за штатами, пускались в бег и формировали армию потенциальных правонарушителей. Они вынуждены были искать источники пропитания, формально не раскрывая себя. Только в Москве в 1769 г. официально числилось 257 беспоместных священников. Появился даже соответствующий термин «дикие попы»: на руках они имели просроченные паспорта, «праздно шатались» и совершали множество правонарушений¹⁹.

Одновременно создавалась благоприятная почва для совершения правонарушений среди тех, кто был записан в штаты монастырей. Многие пытались помочь своим родственникам, позволяя им незаконно проживать при церкви или монастыре. Все это не только осложняло криминальную обстановку в стране, но и подпитывало революционно настроенные политические силы.

Еще одной причиной всплеска преступности в церковной среде было введение образовательного ценза при назначении на церковную должность. Мера, сама по себе достаточно разумная и правильная, на деле претворялась без учета проекции дальней-

шей судьбы тех, кто был занесен в «черные списки». Государство руководствовалось исключительно утилитарным подходом, пытаясь формировать церковные штаты и количественно, и качественно по светским стандартам. Те, кто не отвечал требованиям государства, должны были быть приписаны в податное население. Конечно, подобные меры вызвали скрытое сопротивление в форме криминального протеста.

Несмотря на многочисленные критические оценки синодального периода истории церкви, следует признать его постепенным восхождением церкви к вселенскому утверждению и мировому признанию по сравнению с традиционным теократическим этапом. Примечательно, что именно в это время РПЦ лишалась огромных материальных ресурсов, втягивалась в многочисленные политические распри и, как следствие, использовалась в качестве инструмента политической борьбы (особенно в период «бироновщины»), выполняла несвойственные ей государственные функции, в том числе полицейские.

Государственное давление на церковь было настолько мощным и всеобъемлющим, что вызывало у последней естественное отторжение многих реформационных начинаний и даже открытое сопротивление, примером чему служит известное дело ростовского митрополита Арсения Мацевича, в отношении которого следствие продолжалось несколько лет. Однако внутренний механизм обновленной церкви оставался в полной сохранности. Более того, происходила «притирка» его к изменившимся условиям.

Феномен усиления общественной позиции РПЦ вопреки неблагоприятным внутренним условиям для многих специалистов по-прежнему является предметом научных дискуссий. А.В. Карташев неслучайно называет синодальный период взаимоотношений церкви и государства парадоксом русской истории, подчеркивая контраст отсталых политических форм и наивысших достижений в области культурного творчества²⁰.

Разгадка этого феномена лежит в плоскости изучения традиционного сознания русского общества, восприятие которым церкви практически не менялось в отличие от государственного подхода. Религиозное сознание собственно самого народа длительное время практически не подвергалось секуляризации. Государственная идеология обновления коснулась в основном

дворянского сословия, которое смотрело на национальную религию в духе модных идей протестантизма. Но по удельному весу дворянство представляло незначительную социальную группу. Большая часть населения воспринимала церковь в традиционном ключе как признанный институт регулирования семейных и межличностных отношений. Благодаря тому, что в церковной юрисдикции по-прежнему оставался традиционный круг вопросов, обмирщение крестьянского уклада принимало своеобразный характер: церковь по-прежнему являлась неотъемлемой частью социального организма общины, но внешне (законодательно) обновлялась и становилась более универсальным институтом, функции которого конкретизировались. Ликвидация церковного землевладения привела к положительной трансформации восприятия образа церкви не как крупного эксплуататора-крепостника, а как ревнителя и борца за всех обездоленных и «убогих». Ограничение некоторых карательных функций РПЦ (например, ликвидация монастырских тюрем, ограничение монастырской ссылки) еще более приближало ее к традиционной греческой церкви, в которой наказание служило прежде всего исправлению личности, очищению ее от наносного внешнего земного греха.

Таким образом, Русская православная церковь, несмотря на обвальную секуляризацию, не только сохранила собственную юрисдикцию, но и в значительной степени обновила законодательство, приближая его к государственным запросам и государственным стандартам. Церковное наказание как проекция церковной политики в значительной степени подверглось модернизации. Постепенно ушли в прошлое телесные и другие физические формы церковного наказания, направленные на укрощение греховно-тварной сущности человека. Изменилась и внешняя атрибутика исполнения наказания в сторону утилитаризма. Конечно, формы церковного наказания не являлись совершенными, и практика исполнения самого наказания значительно расходилась с церковно-законодательным процессом. Сама церковь была поражена многими социальными болезнями, которые подрывали ее авторитет. Однако на протяжении всего синодального периода она целенаправленно пыталась искоренить нарушения в собственной среде, чтобы придать церковному наказанию мирян более легитимный характер. Надо признать, что РПЦ

это сделать удалось. Именно в XIX в. наблюдается возвращение к традиционному христианскому представлению о церковном

наказании, что в дальнейшем используется государством в уголовно-исполнительной системе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Русское православие: Вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 247.

² См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. 1879. Т. 1. 1721. № 22.

³ Там же. № 348. С. 401–402.

⁴ См.: Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. С. 10.

⁵ См.: ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. № 14409.

⁶ Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков. С. 14.

⁷ См.: Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 140–160, 590–610.

⁸ ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 146. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 101–103.

¹⁰ Там же. Д. 70. Л. 30; Д. 29. Л. 49–50; ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1.

¹¹ ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–5об.

¹² См.: Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

¹³ См.: Там же. Д. 20. Л. 9–9об.

¹⁴ Там же. Д. 25. Л. 9–10.

¹⁵ См.: Там же. Д. 68. Л. 26–27; Д. 70. Л. 2–3, 10–10об., 30, 40.

¹⁶ См.: Там же. Д. 19. Л. 17; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 652–656.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 1084.

¹⁸ См.: Велитченко Н.С., Храпков Г.Н. Борьба Ярославской духовной консистории с противоправными действиями духовенства во второй половине XIX – начале XX веков // Социальная история российской провинции: Материалы всероссийской науч. конф. Ярославль, 2009. С. 128–134.

¹⁹ Цит. по: Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 758.

²⁰ См.: Там же. С. 446.

¹ См.: Русское православие: Вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 247.

² См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. 1879. Т. 1. 1721. № 22.

³ Там же. № 348. С. 401–402.

⁴ См.: Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. С. 10.

⁵ См.: ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. № 14409.

⁶ Храпков Г.В. Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII – начале XX веков. С. 14.

⁷ См.: Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 140–160, 590–610.

⁸ ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 146. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 101–103.

¹⁰ Там же. Д. 70. Л. 30; Д. 29. Л. 49–50; ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1.

¹¹ ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–5об.

¹² См.: Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

¹³ См.: Там же. Д. 20. Л. 9–9об.

¹⁴ Там же. Д. 25. Л. 9–10.

¹⁵ См.: Там же. Д. 68. Л. 26–27; Д. 70. Л. 2–3, 10–10об., 30, 40.

¹⁶ См.: Там же. Д. 19. Л. 17; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 652–656.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 1084.

¹⁸ См.: Велитченко Н.С., Храпков Г.Н. Борьба Ярославской духовной консистории с противоправными действиями духовенства во второй половине XIX – начале XX веков // Социальная история российской провинции: Материалы всероссийской науч. конф. Ярославль, 2009. С. 128–134.

¹⁹ Цит. по: Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 758.

²⁰ См.: Там же. С. 446.

Организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР*

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассматривается организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД. Особое внимание при этом уделяется анализу деятельности вахтерских подразделений и конвойных войск, команд самообороны и бригад содействия из местного населения.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; лагеря НКВД-МВД; военнопленные и интернированные; режим и охрана.

Protection of prisoners of war and internees in the camps of the NKVD-MVD of the USSR

A.L. KUZMINYKH – Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Postgraduate of the Chair for Domestic Russian History in the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University

The article is devoted to the protection of war and interned prisoners in the camps of the NKVD-MVD. Particular attention is paid to the analysis of activity of the convoy troops, command of the internal protection and assistance brigades of the local population.

Key words: Second world war; USSR; camps of the NKVD-MVD; prisoners of war and internees; security and protection.

В годы Второй мировой войны в СССР была сформирована система органов и учреждений для содержания военнопленных и интернированных, объединенная в рамках Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД-МВД СССР). Одной из важнейших задач системы ГУПВИ помимо приема, содержания и трудового использования военнопленных и интернированных была организация их охраны, которая осуществлялась, во-первых, в целях предотвращения побегов контингента, во-вторых, для предупреждения их контактов с советским населением¹.

По аналогии с учреждениями ГУЛАГа² для охраны военнопленных вокруг лагерей создавалась сеть ограждений, которые строились в форме правильного прямоугольника или квадрата, что обеспечивало лучший просмотр охраняемой территории. Согласно инструкциям НКВД-МВД лагерная зона по периметру обносилась забором (в некоторых случаях – двумя или тремя) из колючей проволоки высотой 2,5 м³. В связи с нехваткой колючей

проволоки разрешалось устраивать ограждения (заборы, частокоты, плетни) из дерева, кирпича, глины или камня, то есть фактически из любого подручного строительного материала, с обязательным устройством козырька из 4–6 нитей колючей проволоки⁴.

По периметру лагерной зоны устанавливалась сеть сторожевых вышек, оборудованных прожекторами, средствами связи и сигнализацией. Конструкция вышки позволяла вести круговой обзор и обстрел. Вход на вышку оборудовался лестницей, устанавливаемой с внешней стороны лагерных ограждений. Для усиления охраны в ночное время предусматривалось устройство блокпостов с будками для служебных собак.

Территория с внешней и внутренней стороны лагерных ограждений (шириной до 5 м) именовалась запретной зоной. В случае ее пересечения часовым делался предупредительный выстрел и открывался огонь на поражение. Для того чтобы зафиксировать факт нарушения, запретную зону (при отсутствии снега) рыхлили или посыпали песком,

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 12-01-00344а.

который разравнивали граблями. Границы запретной зоны обозначались забором из нескольких нитей колючей проволоки высотой до 1 м и табличками с надписью «Запретная зона. Подходить воспрещено. Стреляю». Окружающая лагерь местность расчищалась от кустарника и травы, затруднявших часовому наблюдение⁵.

Вход в лагерь оборудовался контрольно-пропускным пунктом (вахтой), проходными и проездными воротами. При входе на территорию лагеря сотрудники и прочие лица были обязаны предъявить пропуск. Через вахту осуществлялся вывод контингента на внешние работы согласно плану (наряду), составленному отделением режима и охраны лагеря на основании заявок хозорганов. Военнопленные выпускались строго по списку и сдавались под расписку конвоиров. На территории лагеря выставлялись несколько подвижных или неподвижных постов (угаупт-вахты, складов, подсобного хозяйства).

Вахта соединялась прямым проводом с дежурным комендантом. Последний подчинялся непосредственно начальнику лагеря или его заместителю. В обязанности коменданта входили контроль за выполнением военнопленными правил внутреннего распорядка, обход лагерной зоны, наблюдение за порядком и чистотой в жилых и служебных помещениях, проведение утренних и вечерних поверок. Согласно приказу НКВД СССР от 24.03.1944 г. № 00335 в целях «повышения ответственности за точное выполнение правил внутреннего распорядка в лагерях» должность дежурного коменданта была переименована в «дежурного офицера по лагерю», причем занять ее могли только лица из числа офицеров⁶.

Охрану военнопленных на территории лагерей (спецгоспиталей) осуществляли вахтерские команды. Вахтерский состав комплектовался как по призыву, так и по вольному найму через местные военкоматы за счет демобилизованных военнослужащих старших возрастов, а также за счет спецконтингента, то есть солдат и командиров советской армии, проходивших фильтрацию в спецлагерях. На начало 1944 г. в лагерях и спецгоспиталях несли службу 2237 вахтеров, 1945 г. – 8767, 1946 г. – 23 689, 1947 г. – 17 009, 1949 г. – 9065⁷.

Согласно инструкциям вахтеры вооружались 7,62-мм магазинными винтовками образца 1891/1930 гг. (винтовка Мосина), офицеры и дежурные по вахте – револьверами «Наган» или пистолетами ТТ. На управление лагеря также выделялись противогазы, пистолет-пулемет, а также сигнальный писто-

лет⁸. К примеру, в 1947 г. арсенал Череповецкого лагеря № 158 включал 54 винтовки образца 1831/1930 гг., 160 револьверов и наганов, 5 пистолетов ТТ, 5 пистолетов-пулеметов, 3 сигнальных пистолета, 330 ручных гранат, 96 противогазов, 12 карманных фонарей, 22 малокалиберные винтовки⁹. Применение оружия допускалось как крайняя мера при нападении, побеге и открытом сопротивлении военнопленных. Если позволяла обстановка, часовой или конвоир был обязан произвести первый выстрел в воздух и лишь второй в нарушителя¹⁰. По каждому случаю применения оружия проводилось служебное расследование.

В целях повышения уровня боевой и служебной подготовки с вахтсоставом проводились плановые учебные занятия или сборы. Программы по боевой и служебной подготовке в 1944–1945 гг. были выполнены лагерями на 50–60%, в 1946 г. – на 70–85%¹¹. Судя по результатам проверок, наихудшие показатели офицерский и вахтерский состав показывал по стрелковой подготовке. Так, в 1948 г. результаты стрельбы офицерского состава из пистолета ТТ выглядели следующим образом: «отлично» – 14%, «хорошо» – 21%, «посредственно» – 26%, «плохо» – 39%; вахтерского состава из 7,62 мм винтовки: «отлично» – 21%, «хорошо» – 24%, «посредственно» – 30%, «плохо» – 25%¹².

Задачи по конвоированию военнопленных, а также внешней охране приемных пунктов, лагерей и спецгоспиталей возлагались на конвойные войска, подчинявшиеся Главному управлению конвойных войск (ГУКВ НКВД-МВД СССР). В 1944 г. военнопленных охраняли 36 328 военнослужащих конвойных войск, в том числе в лагерях – 25 659 чел. (70,6%), в спецгоспиталях – 2011 чел. (5,5%), на сборных пунктах – 2071 чел. (5,7%), сопровождали военнопленных от приемных пунктов до лагерей 2094 чел. (5,8%), находились во фронтовом резерве 4493 чел. (12,4%). В 1946 г. численность конвойных войск, привлеченных к охране военнопленных (221 лагерь и 1927 лаготделений), достигла 62 362 чел., из них 23 104 чел. (37,1%) несли круглосуточную постовую службу на смотровых вышках, 3954 чел. (6,3%) осуществляли патрулирование в ночное время вокруг лагерных зон, 3954 чел. (6,3%) входили в состав оперативных групп для розыска и преследования бежавших военнопленных, 9635 чел. (15,5%) дежурили и выполняли хозяйственные работы по гарнизону. Остальные 21 715 чел. (34,8%) были заняты в конвоировании и охране на работах 1 млн 307 тыс. военноплен-

ных, то есть на каждого солдата конвойных войск приходилось 60 военнопленных. В 1948 г. к охране военнопленных привлекались 22 254 военнослужащих конвойных войск: 3700 чел. (16,6%) входили в руководящий аппарат и обслуживающий персонал гарнизонов, 8880 чел. (39,9%) охраняли зоны лаготделений, 9674 чел. (43,5%) – контингент на объектах работ¹³.

К каждому лагерю (лаготделению) прикреплялось подразделение (гарнизон) конвойных войск, которое возглавлялось офицером (начальником гарнизона) и подчинялось в оперативном отношении начальнику лагеря. Численность гарнизона (от 25 до 135 чел.) зависела от характера и количества охраняемого контингента, порядка его трудового использования, местных условий и т.п.¹⁴ Гарнизоны конвойных войск располагались вблизи лагерей и спецгоспиталей, что давало «быстроту выброски резерва» и «возможность маневра живой силы и огневых средств» при чрезвычайных происшествиях. Особо тщательно продумывалась охрана лагерей и спецобъектов для генералов и офицеров противника. К примеру, спецобъект № 35/В (район Озера Московской обл.), где содержался немецкий генерал, круглосуточно охраняли команда вахтеров (14 чел.) и гарнизон конвойных войск (18 чел.)¹⁵.

Необходимость внешней охраны лагерей обуславливалась тем, что в годы Великой Отечественной войны тыловые районы СССР являлись местом деятельности вражеских диверсионно-разведывательных групп. Хорошо вооруженные и подготовленные группы диверсантов представляли серьезную опасность для экономических, транспортных и военно-режимных объектов. Помимо совершения диверсий и распространения провокационных слухов в обязанности диверсантов входили сбор сведений о расположении лагерей военнопленных, организация побегов и повстанческой работы среди лагерного контингента¹⁶. Имеются данные, что немецкая разведка готовила специальных агентов для работы в лагерях ГУПВИ.

Каждый лагерь на случай внешнего нападения имел план обороны. Бойцы гарнизона в случае тревоги были обязаны занять огневые точки и организовать круговую оборону. Например, в составе оперативно-боевой группы лагеря № 220 (г. Молотовск) числились пулеметное отделение (4 чел.), гранатометное отделение (4 чел.), группа автоматчиков (11 чел.), связная группа (3 чел.), 3 караульные и 2 розыскные собаки¹⁷. На период усиления в лагерях вводилось круглосуточное дежурство ответственных офице-

ров, запрещались командировки и отпуска, проверялось состояние ограждений зоны, средств связи, сигнализации и освещения, приводился в порядок противопожарный инвентарь. Военнопленные, работавшие за пределами лагеря, подлежали водворению в зону. Вводился повышенный контроль за объектами жизнеобеспечения: пищеблоками, столовыми, складами, колодцами.

В соответствии с Временной инструкцией о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР от 19.11.1939 г. выделялся один конвоир на 25–30 военнопленных¹⁸. В последующем это соотношение неоднократно менялось и составляло в 1942 г. – 1 : 8, в 1943 г. – 1 : 15¹⁹, в 1944 г. – 1 : 25–30²⁰. В послевоенный период охрана контингента дифференцировалась в зависимости от типа лагеря: в производственных лагерях – конвоир на 75 военнопленных²¹; в лагерях приграничной полосы – конвоир на 25–30 военнопленных; в режимных лагерях – конвоир на 20 военнопленных²². Для сравнения отметим, что численность вооруженной охраны в ГУЛАГе (данные на октябрь 1945 г.) составляла 6–7% от контингента²³, то есть в среднем охранник на 15 заключенных, что превышало аналогичный показатель по производственным лагерям ГУПВИ в 5 раз, по режимным лагерям в 1,3 раза.

Особым порядком осуществлялось конвоирование военнопленных и интернированных во время железнодорожных перевозок. Они помещались в товарные вагоны, оборудованные нарами и необходимым инвентарем (40–45 чел. – в двухосные вагоны, 80–90 чел. – в четырехосные). Охрана эшелона осуществлялась путем выставления часовых на тормозных и тамбурных площадках. Конвой назначался из расчета взвод (30–36 чел.) на эшелон (60–65 вагонов). Один раз в сутки на длительных остановках предусматривался вывод контингента из вагонов на 30-минутную прогулку²⁴. В 1941 г. конвойные войска сопровождали 12 627 военнопленных, в 1942 г. – 118 380, в 1943 г. – 401 205, в 1944 г. – 1 633 621²⁵.

На протяжении всего периода существования лагерей для военнопленных имел место некомплект гарнизонов конвойных войск, в результате чего бойцы были вынуждены нести службу по 12–14 ч в сутки²⁶. Удаленность от мест дислокации частей (зачастую за сотни километров), отсутствие четкого взаимодействия с руководством лагерей, низкая дисциплина личного состава также негативно отражались на организации охраны военнопленных. В 1948 г. МВД СССР полностью

переводит на вахтерскую охрану спецгоспитали и оздоровительные лагерные отделения, а также ряд лагерей²⁷. В случае дислокации лагерей военнопленных при ИТЛ ГУЛАГа, а также в лагерях МВД для осужденных военных преступников охрана контингента возлагалась на военизированную охрану (ВОХР)²⁸.

Помимо конвойных войск к охране военнопленных по возможности привлекались дополнительные силы: военнослужащие тыловых частей, персонал гражданских предприятий и организаций, вахтерская охрана хозорганов. К примеру, охрану контингента лагеря № 286 (г. Таллинн) осуществляли 6758 чел., из них 1840 – военнослужащие конвойных войск (27,2%), остальные – военнослужащие местного гарнизона, милиции и военизированной железнодорожной охраны (72,8%)²⁹. Массовое использование вахтерской охраны хозорганов также имело место в лагерях Ворошиловградской, Калининградской, Киевской, Латвийской, Литовской, Свердловской и других областей и республик. Так, в лагерях Латвийской ССР в 1947 г. конвойные войска обеспечивали вывод на работы 54% контингента, вахтерская охрана лагерей – 10,5%, вахтерская охрана хозорганов – 35,5%³⁰. Ввиду низкого качества охраны контингента со стороны предприятий и организаций МВД СССР распоряжением от 18.08.1948 г. № 502 предложено руководству лагерей полностью прекратить вывод военнопленных на работы под охраной хозорганов³¹.

Постоянный некомплект личного состава конвойных войск и вахтерского персонала предопределил практику расконвоирования. Впервые процедура расконвоирования военнопленных (применительно к Львовскому лагерю НКВД) разъяснялась в специальной инструкции, утвержденной заместителем наркома внутренних дел В.В. Чернышовым в декабре 1940 г. Согласно этому документу расконвоированию подлежали представители административно-технического персонала (инженеры, техники, прорабы и др.), а также квалифицированные рабочие (монтеры, шоферы, сварщики и др.)³². Данный порядок расконвоирования соответствовал практике ГУЛАГа³³.

В июне 1945 г. НКВД СССР разрешило расконвоировать бригады военнопленных численностью до 10 чел. В первую очередь были расконвоированы бригадиры, десятники, инженеры, нормировщики, медработники и др. Помимо лиц, занимавших хозяйственные должности, право на бесконвойное передвижение предоставлялось членам антифашистского актива. Директивой НКВД

СССР от 12.02.1946 г. № 33 было разрешено расконвоирование военнопленных японцев, используемых в качестве обслуживающего персонала³⁴. Расконвоированные военнопленные снабжались специальными временными пропусками с фотокарточкой на право бесконвойного хождения по определенному маршруту и в определенное время. Лиц, нарушивших правила пользования удостоверением на бесконвойное передвижение, подвергали наказанию по усмотрению начальника лагеря в зависимости от характера нарушения.

Если в начале 1946 г. было расконвоировано 18 191 чел. (0,9% от общей численности военнопленных), то концу года – уже 51 902 (2,9%)³⁵. Для сравнения отметим, что численность расконвоированных заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа на 1 августа 1947 г. составляла 191 016 чел. (10,8%)³⁶, то есть в три раза больше, чем в лагерях ГУПВИ. Впрочем, в отдельных лагерях ГУПВИ число расконвоированных было существенно выше среднего. Так, в лагере № 256 (Ворошиловградская область) из 15 070 военнопленных расконвоированных было 4151 чел. (27,5%). Пользуясь тем, что в приказах и директивах НКВД не была установлена предельная цифра расконвоированных, начальники некоторых лагерей шли еще дальше. К примеру, в ряде лаготделений лагеря № 503 (Кемеровская область) военнопленные были расконвоированы полностью³⁷.

В целях предотвращения подобных фактов ГУПВИ ограничивает практику расконвоирования. Согласно распоряжению МВД СССР от 18.08.1948 г. № 502 количество расконвоированных военнопленных не должно было превышать 3% от списочного состава³⁸. Тем не менее уложиться в установленный лимит руководство лагерей не сумело: на 1 января 1949 г. в лагерях было расконвоировано 12 457 чел., что составляло 3,8% от общего количества военнопленных. В отдельных лагерях доля расконвоированных составляла 10 и более процентов³⁹. Так, в 1-м лаготделении режимного лагеря № 211 (Вологодская область) из 890 военнопленных под конвоем выводились за зону только 137 чел. (15,4%), а остальные – без охраны⁴⁰.

Обобщая опыт расконвоирования военнопленных, можно констатировать, что оно позволило сократить расходы на охрану военнопленных, а также улучшило морально-психологический климат в лагерях. Расконвоированные военнопленные проявляли добросовестное отношение к труду, а также более высокую дисциплинированность. С другой стороны, практика массового и

бесконтрольного расконвоирования военнопленных имела обратный эффект: военнопленные расходились по близлежащим населенным пунктам, занимались попрошайничеством и даже воровством.

В целях опознания военнопленные должны были носить специальную повязку. В директиве Управления военного снабжения НКВД СССР от 11.11.1943 г. № 25/044993 «О порядке изготовления и ношения повязки военнопленных» разъяснялось: «Отличительная повязка для военнопленных изготавливается из хлопчатобумажной одежной ткани, окрашенной в ярко-желтый цвет анилиновыми или сернистыми красителями. Длина повязки – 18 см, ширина – 8 см... На расстоянии 5 см от края повязки (по длине) нанесены черной краской две полосы шириной в один сантиметр. На середине повязки между полосами краской написано В/П»⁴¹. Повязка нашивалась на левый рукав верхнего обмундирования (шинели, куртки, гимнастерки). Летом 1944 г. в целях улучшения охраны военнопленных красноармейские шинели, рубахи и пилотки, выданные им в качестве обмундирования, были заменены иностранными образцами⁴².

В феврале–марте 1945 г. ГУПВИ по опыту ГУЛАГа осуществляет эксперимент по формированию команд самообороны (вспомогательных команд, или ВК) из числа проверенных военнопленных антифашистов различных национальностей, за исключением немцев, венгров, испанцев, голландцев, датчан и норвежцев⁴³. Получив с мест положительные отзывы о деятельности данных подразделений, НКВД СССР приказом от 27.06.1945 г. № 0172 вводит вспомогательные команды в 126 лагерях.

Отбор кандидатов в эти подразделения производился специальной комиссией, состоявшей из начальника управления лагеря и его заместителей по политической и оперативной работе. Состоявшие в ВК лица размещались отдельно от остальных военнопленных и обеспечивались комплектом постельного белья и лучшим обмундированием. Личный состав команд носил отличительный знак – белую повязку с черными буквами «ВК». Оружие охранникам из числа военнопленных не выдавалось, наводить порядок им помогали свистки и флажки. Состав ВК ежегодно проверялся оперотделами лагерей. Лица, не внушавшие доверия, законвоировались и переводились в другие лагерные отделения.

Согласно Инструкции по службе вспомогательных команд в лагерях военнопленных НКВД СССР от 27.06.1945 г. конвой ВК нес

охрану 10–15 военнопленных. Впоследствии это соотношение было изменено до 15–25 военнопленных, а по директиве МВД СССР от 28.06.1947 г. № 128 – до 35–40 чел. Члены ВК делились на отделения (по 10–15 чел. в каждом): первое отделение следило за порядком в лагерной зоне, остальные конвоировали военнопленных и охраняли их на производстве. За свою работу члены ВК получали денежное вознаграждение в размере: солдаты – 50 руб., командиры отделения – 75 руб., начальники команд – 100 руб. в месяц⁴⁴.

На 01.01.1946 г. в 136 лагерях несли службу 970 вспомогательных команд общей численностью 36 680 чел. (1,8% от общей численности военнопленных). На 01.01.1947 г. численность «бойцов» ВК составляла 37 460 чел. (2,1%), на 01.10.1948 г. – 11 489 чел. (2,0%)⁴⁵. Для сравнения отметим, что численность самообороны в лагерях и колониях ГУЛАГа на 01.08.1947 г. составляла 17 675 чел. (0,9%)⁴⁶, то есть была в два раза меньше, чем в лагерях ГУПВИ. Характерно, что в офицерских и режимных лагерях ГУПВИ, а также в подразделениях, расположенных в приграничной полосе, вспомогательные команды не создавались. Кроме того, вплоть до 1948 г. создание ВК запрещалось в лагерях для японских военнопленных (разрешено было приказом МВД СССР от 26.02.1948 г. № 0118)⁴⁷.

Военнопленные по-своему понимали службу в команде самообороны. Так, немец Отто Ренельт говорил: «Кто посмотрит на протяженность русской страны, должен признать бессмысленность попытки побега. Если члены ВК помешают военнопленному товарищу совершить такое необдуманное предприятие, как побег, то это будет спасением от бесцельных мытарств, болезни и продления плена... Военнопленные, оставляя свои рабочие места, мешают выполнению плана. Этим не только наносится вред русским, но и затаптывается в грязь немецкая дисциплина»⁴⁸.

В целом практика использования вспомогательных команд для охраны контингента оправдала себя. Судя по документации ГУПВИ, подразделения ВК несли службу «вполне удовлетворительно». Так, в 1947 г. по вине ВК бежало 14 чел. из 2123, то есть 0,7%. Нарушения воинской дисциплины со стороны «бойцов» ВК носили единичный характер⁴⁹. Однако не обошлось и без побочных последствий. Создание команд самообороны значительно ослабило дисциплину среди вахтерского состава. В приказах лагерей говорится об «утрате ответственности» вахтеров, которые свои функции фактически переложили на плечи военнопленных.

К поиску и задержанию бежавших военнопленных активно привлекалось местное население. Для этого в радиусе до 50 км от лагерей в населенных пунктах, на железнодорожных станциях и в районах переправ создавались бригады содействия (БС). Судя по документам НКВД, опыт создания последних уже имел место в лагерях для польских военнопленных в 1939–1941 гг.⁵⁰ В период Великой Отечественной войны создание БС было санкционировано приказом НКВД СССР от 17.02.1943 г. № 00343 «О выявлении и задержании беглых солдат и офицеров немецкой армии», предписывавшим привлекать к поиску беглецов информаторов НКВД из местного населения, а также директивой УПВИ НКВД СССР от 05.03.1943 г. № 28/1/4169, разъяснявшей порядок создания бригад содействия при лагерях военнопленных⁵¹.

Бригады содействия формировались на добровольных началах из партийно-комсомольского актива колхозов, совхозов, местных общественных организаций, а также лиц, «безусловно преданных Родине». Допускалось привлечение в БС колхозников, занятых на сельхозработах и лесозаготовках, в том числе женщин и подростков. Члены бригад содействия использовались для оцепления районов, куда предположительно бежали пленные; для наблюдения за дорогами и тропами, прилегавшими к лагерю; для прочесывания лесных массивов, где могли укрыться беглецы. При этом членам БС запрещалось выдавать холодное и огнестрельное оружие.

Если в 1944 г. при лагерях действовали 1533 бригады содействия (11 126 чел.), то в 1946 г. – уже 10 240 (68 143 чел.)⁵². С помощью БС было задержано около 25% военнопленных, совершивших побег. Не последнюю роль при этом играло материальное вознаграждение, которое получали бдительные советские граждане. Вместе с тем создание БС оказалось неэффективным в Западной Украине и Прибалтике, где местное население сочувственно относилось к военнопленным и зачастую не только не задерживало беглецов, но и укрывало их. Аналогичным образом обстояло дело в регионах, где имелось значительное количество спецпоселенцев (Казахстан)⁵³.

В целом, на основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что система охраны в лагерях ГУПВИ копировала опыт ГУЛАГа, адаптируя его к специфике содержания подданных иностранных государств. Охрану военнопленных и интернированных осуществляли вахтерские подразделения лагерей (спецгоспиталей) и конвойные войска НКВД-МВД. Нехватка кадрового состава НКВД-МВД компенсировалась посредством привлечения персонала хозорганов, местного населения, а также самих бывших неприятельских военнослужащих. Часть военнопленных из числа хозяйственной obsługi и представителей антифашистского актива пользовалась правом бесконвойного передвижения. Комплекс перечисленных мероприятий способствовал пресечению побегов военнопленных и интернированных, а также их изоляции от гражданского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Катюнь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1999. С. 89–92; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 139–144, 306–307.

² См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 457–458.

³ См.: Архив Управления Министерства внутренних дел России по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 407–415; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. М., 1996. Т. 24 (13–1): Нормативные документы. С. 169–170.

⁴ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 163; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. С. 103.

⁵ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Л. 76–78об.; Д. 475. Л. 137–139об.; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 169–170.

⁶ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 454. Л. 213.

⁷ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. Т. 4. С. 83, 266, 288, 302.

⁸ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 441. Л. 65–67; Д. 463. Л. 213–215, 375об.–376.

¹ См.: Katyn': plenniki neob#javlennoj vojny. Dokumenty i materialy. M., 1999. S. 89–92; Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy. M., 2000. S. 139–144, 306–307.

² См.: GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. M., 2000. S. 457–458.

³ См.: Arhiv Upravljenija Ministerstva vnutrennih del Rossii po Vologodskoj oblasti (dalee – Arhiv UMVD Rossii po VO). F. 6. Op. 1. D. 463. L. 407–415; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. M., 1996. T. 24 (13–1): Normativnye dokumenty. S. 169–170.

⁴ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 475. L. 163; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Nemeckie voennoplennye v SSSR... S. 103.

⁵ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 467. L. 76–78ob.; D. 475. L. 137–139ob.; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 169–170.

⁶ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 454. L. 213.

⁷ См.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. 1941–1952: Otchetno-informacionnye dokumenty i materialy. Volgograd, 2004. T. 4. S. 83, 266, 288, 302.

⁸ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 441. L. 65–67; D. 463. L. 213–215, 375ob.–376.

⁴⁸ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

⁴⁹ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 267.

⁵⁰ См.: Катунь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. С. 168–172.

⁵¹ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 446. Л. 318; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 277.

⁵² См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 40, 82, 291.

⁵³ См.: Там же. С. 277–278.

⁴⁸ Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 10. Op. 1. D. 28. L. 10.

⁴⁹ Sm.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 267.

⁵⁰ Sm.: Katyn'. Mart 1940 g. – sentjabr' 2000 g. Rasstrel. Sud'by zhivyh. Jeho Katyni. S. 168–172.

⁵¹ Sm.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 446. L. 318; Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 277.

⁵² Sm.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 40, 82, 291.

⁵³ Sm.: Tam zhe. S. 277–278.

Правовой статус остарбайтеров как следствие реализации политико-экономических интересов руководства Третьего рейха

В.В. ЧЕРНЯВСКИЙ – старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, аспирант кафедры истории Украины Николаевского национального университета им. В.О. Сухолинского

В статье анализируются объективные политические и экономические факторы, которые повлияли на формирование нормативно-правовой базы Третьего рейха, определившей бесправный статус остарбайтеров. Автор абстрагируется от нацистской «расовой теории», принятой в западной историографии как основы дискриминации восточных рабочих в рейхе, и рассматривает это явление как следствие реализации групповых экономических интересов и необходимости сохранения эффективности национал-социалистической пропаганды.

Ключевые слова: принудительный труд; иностранные рабочие; расовая теория; остарбайтеры; идеология Третьего рейха; национал-социалистическая иерархия рабочей силы.

Legal status of OST-arbiters like consequence of the implementation political and economic interests of the leadership of Third Reich

V.V. CHERNIAVSKIY – postgraduate student of Nikolaev National University named after V.O. Suhomlinsky, Senior Researcher of the Nikolaev Regional Museum

This article analyzes the objective political and economic factors that have influenced the development of a regulatory framework Third Reich, which defined the disenfranchised status of ostarbeiters. The author abstracts from the Nazi «racial theory» that is adopted in Western historiography as the basis of discrimination Eastern workers in the Reich, and regards this phenomenon as a result of the group's economic interests and the need to preserve the effectiveness of the national-socialist propaganda.

Key words: forced labor; foreign labor; racial theory; OST-Arbeiters; ideology of Third Reich; National Socialist hierarchy of labor.

Практически бесправный статус остарбайтеров в системе эксплуатации иностранного труда Третьего рейха уже неоднократно становился предметом научных дискуссий. В попытках объяснить подобную дискриминацию большинство исследователей соглашались с мыслью о том, что она основывалась на нацистской «расовой те-

рии» и производной от нее национал-социалистической иерархии системы иностранной рабочей силы. Данная идея впервые была озвучена немецким историком У. Гербертом¹. Впоследствии она получила дальнейшее развитие в трудах его австрийского коллеги П. Ругенталера, который также понимал различия в статусах разных групп

рабочих как результат дифференциации по национальному признаку². На наш взгляд, подобный подход обладает определенной неточностью, связанной с абсолютизацией «расовой теории» как основного фактора, определяющего правовое положение восточных рабочих.

Любой исследователь, который затрагивает проблемы, связанные с идеологией, должен понимать, что идейная доктрина не является самостоятельным явлением. Она служит лишь инструментом выражения и реализации групповых интересов, а также скрывает вызванное ими общественное напряжение. Преувеличение роли идеологического фактора всегда уводит внимание от реально происходящих процессов, которые имели прямое воздействие на исследуемый феномен.

В рамках данной статьи мы максимально абстрагируемся от идеологических и прочих дискурсивных наслоений времен Второй мировой войны и проанализируем правовое положение оstarбайтеров на основе факторов, которые имели для руководства Третьего рейха непосредственное практическое значение.

Начало массовой эксплуатации восточных рабочих в конце 1941 – начале 1942 гг. поставило перед фашистской Германией вопрос о необходимости юридической дефиниции их статуса. Однако интеграция советских граждан в систему иностранного труда, которая окончательно сложилась в Германии еще в 1939–1940 гг., так и не состоялась.

Исходя из явного антиславянского содержания «расовой теории», поляки и выходцы из СССР должны были составить единое дискриминируемое сообщество, но из-за ряда существенных отличий их нельзя объединять в одну группу. Во-первых, все поляки в Третьем рейхе юридически считались вольнонаемными, поскольку с каждым из них заключался контракт³. В то время как трудовой статус оstarбайтеров вообще не имел правового и документального определения. Работодатель, подавая заявку в «бюро труда», фактически выкупал у государства право использовать рабочих с востока в собственных хозяйственных интересах. Во-вторых, социальная изоляция советских граждан проявлялась в более жесткой форме. Если польские рабочие в определенное время суток могли иметь доступ к различным общественным местам, то оstarбайтеры изначально были лишены такой возможности. Кроме этого, политическая элита рейха стремилась достичь

их максимальной изоляции от немецкого населения, а также других иностранцев и военнопленных. Эксплуатация оstarбайтеров изначально планировалась только на удаленных объектах горнодобывающей и строительной отраслей, а личные контакты с немецким населением запрещались до апреля 1942 г., в то время как трудоустройство польских граждан в аграрном секторе экономики рейха началось практически сразу после поражения Польши. Не менее интересным является и то обстоятельство, что международные правозащитные и гуманитарные организации игнорировали сам факт существования восточных рабочих.

Целенаправленное вытеснение оstarбайтеров за пределы системы иностранной рабочей силы наблюдается и в нормативно-правовой базе, принятой руководством рейха. Первым официальным документом, который определял правовой статус «людей с востока», стала директива Г. Геринга от 07.11.1941 г. В ней все советские граждане обобщались под термином «свободные русские рабочие». Достаточно контрастно по отношению к данной дефиниции выглядел один из основных директивных тезисов, согласно которому использование оstarбайтеров и обращение с ними должны быть такими же, как в случае с пленными красноармейцами⁴. Идея преобразования депортированного населения СССР в гражданских военнопленных получила широкую поддержку среди национал-социалистической элиты. Так, Г. Гейдрих 3 декабря 1941 г. на первом заседании департамента по делам иностранцев при РГАС заявил, что завербованные русские рабочие будут принудительно доставляться в Германию и содержаться как гражданские военнопленные⁵.

Следующим официальным государственным документом, регламентирующим положение оstarбайтеров, стали «Общие положения по вербовке и использованию рабочей силы из оккупированной территории СССР», которые вступили в действие 20 февраля 1942 г., юридически санкционируя изоляцию восточных рабочих от немецкого гражданского населения, других иностранцев и военнопленных, в связи с чем передвижение советских граждан ограничивалось территорией трудового лагеря и местом работы⁶.

15 марта 1942 г. Министерство продовольствия рейха установило пищевые нормы для восточных рабочих, которые были

полностью идентичны продовольственно-му обеспечению пленных красноармейцев⁷. Похожая ситуация наблюдалась в вопросах оплаты труда и распределения социальных благ. Закон «О налоге на оstarбайтеров» устанавливал максимальный размер заработной платы в 50 марок в месяц. Из этой суммы высчитывался соответствующий налог, а также средства, потраченные на предоставление жилья и питания. В результате реальный еженедельный доход советских граждан составлял весьма символическую сумму в 4,5 рейхсмарки. Социальные гарантии (право на отпуск, страховку, компенсационные выплаты в случае травм или инвалидности) также отсутствовали⁸.

Очевидно, что руководство Третьего рейха через соответствующую законодательную базу преследовало три цели: во-первых, приблизить статус оstarбайтеров к статусу советских военнопленных; во-вторых, добиться их максимальной социальной изоляции; в-третьих, уменьшить затраты на оплату труда и содержание восточных рабочих. Возникает вполне справедливый вопрос: что преследовали немецкие политические и хозяйственные элиты, реализуя подобный курс?

Тезис о приравнивании советских гражданских рабочих к военнопленным очень часто использовался в выступлениях лидеров НСДАП и в официальных государственных документах. Вполне возможно, что такая политика в отношении оstarбайтеров стала продолжением практики вермахта приписывать военнообязанных граждан оккупированных территорий к категории пленных. Однако факт неподписания Советским Союзом Женевской конвенции от 27.07.1929 г. позволяет увидеть в ней иную логику⁹. Германия, которая ратифицировала все положения данного договора, должна была выделить огромные средства для содержания советских военнопленных. Во избежание лишних трат руководство рейха сочло нужным уклониться от своих обязательств, мотивируя это тем, что с точки зрения международного права пленных красноармейцев не существовало юридически.

Отождествляя с ними гражданских рабочих, фашисты вторично прибегли к открытой и грубой подмене понятий, но такой подход позволял избежать правового предъявления оstarбайтеров в системе иностранной рабочей силы. Формально это выталкивало их за ее пределы и превращало в наиболее эксплуатируемую категорию иностранцев, по сути, в промежуточное звено между ра-

бочими и военнопленными. Де-факто советские гражданские лица и пленные красноармейцы не объединялись в рамках одной группы, за ними лишь закреплялись определенные статусные особенности, но именно они номинально санкционировали преодоление существующих правовых ограничений, а именно упразднили необходимость подписания трудового контракта, тем самым сделав возможным реализацию остальных целей и задач.

Руководство НСДАП неоднократно мотивировало необходимость социальной изоляции оstarбайтеров тем, что они, будучи носителями большевистской идеологии, враждебно относились к Германии и всему европейскому. В этом отношении уместен следующий вопрос: всерьез ли рассматривался восточный рабочий как потенциальный источник антифашистской агитации? В принципе такое опасение могло быть оправданным в том случае, если военная разведка СССР могла внедрять в контингенты депортируемой в рейх рабочей силы достаточное количество специально обученной агентуры. Очевидно, что подобная практика была малоэффективной и трудноосуществимой.

Немецким идеологам приходилось решать достаточно сложные задачи. Война против СССР требовала формирования среди населения Германии соответствующего образа врага, поэтому пропаганда рейха через средства массовой информации навязывала простым немецким гражданам представление о советских людях как полудиких варварах-азиатах, враждебно настроенных против всего европейского. Также для обоснования нападения на Советский Союз активно распространялась идея об оборонительном характере войны, которая должна была защитить Европу от большевизма. Фактически вокруг этих двух сюжетов и происходила эскалация общественной агрессии, кумулированной против враждебной общности. В связи с этим следует вспомнить мысль классика этологии К. Лоренца, который отмечал, что для поддержания агрессивных настроений идеологу крайне важно выдерживать дистанцию между собственным социумом и объектом агрессии¹⁰. В связи с этим социальная изоляция восточных рабочих была необходимой для успешной работы пропаганды, поскольку тесные личные контакты наглядно доказывали несоответствие навязанного образа объективной действительности.

Несмотря на все усилия руководства рейха, абсолютная изоляция оstarбайтеров

оказалась утопией. Уже весной 1942 г. оно было вынуждено разрешить их трудоиспользование в сельском хозяйстве. Ситуация, которая складывалась на заводах и фабриках, требовала все большей интеграции восточных рабочих в производственные процессы, а это неизбежно увеличивало число личных контактов, что оказало разрушительное воздействие на весь комплекс национал-социалистической пропаганды. В докладе «СД» от 15.04.1943 г. отмечалось, что население Германии уже не воспринимает образ примитивного, полуграмотного и аморального советского человека¹¹.

На протяжении всего своего пребывания в рейхе остарбайтеры всегда оставались источником сверхприбыли, которая достигалась за счет экономии средств на заработных платах и содержании. Данная ситуация, на наш взгляд, была производной от фашистской идеологии, под действием которой происходило фактическое слияние политических и промышленных элит. В результате этого потребность в рабочей силе, с одной стороны, отражала государственный интерес, который заключался в необходимости обеспечения фронта, с другой – стремление крупного капитала к получению дополнительных доходов. Очевидно, что все вышесказанное повлияло на бесправный статус восточных рабочих в 1942–1943 гг. Если рассмотреть суммарный доход, полученный промышленностью рейха посредством эксплуатации дешевого труда советских граждан, очевидным становится то, что частный капитал имел большую выгоду от данной практики. На его долю приходился 31,3% (659,334 млн рейхсмарок) от общей прибыли, полученной в период между 1942–1945 гг. (2207,688 млн рейхсмарок), в то время как показатель государственных заводов и фабрик едва ли достигал 13,4% (282,572 млн рейхсмарок)¹². Не менее важным источником накопления капитала была экономия на содержании остарбайтеров. Как мы уже отмечали, официально государство устанавливало для восточных рабочих минимальные продовольственные нормы, которые не были сопряжены с существенными расходами, способными хоть как-то повлиять на экономику Германии. Тем не менее даже этот минимум выдавался крайне редко. Наше исследование опросных анкет и протоколов допроса, фильтрационных дел показало, что бывшие восточные рабочие ежедневно недополучали хлеба по 160–185 г от официальной нормы. Естественно, что сэкономленные средства приумножали

благополучие работодателей. В этом отношении показательным является опыт концерна «Крупа», который ежедневно получал 30–50 тыс. рейхсмарок сверхприбыли только за счет удержания средств на питание советских граждан¹³. Подобное накопление капитала было возможным только в случае сохранения бесправного статуса остарбайтеров и нераспространения на них немецкого трудового законодательства, в поле действия которого находились другие иностранные рабочие. Все это в совокупности делало труд советских граждан экстенсивным. Нерациональность их трудоиспользования понимало руководство вермахта, которое неоднократно предлагало ограничить жестокое обращение и рационализировать саму эксплуатацию посредством материального стимулирования. Тем не менее правовой статус восточных рабочих сохранялся вплоть до ноября 1943 г., когда в связи с поражениями на восточном фронте Германия утратила возможность компенсировать существующий дефицит за счет оккупированных территорий СССР.

Дискриминация восточных рабочих была следствием создания специфического правового статуса на основе ряда официальных документов и законодательных актов, принятых руководством Третьего рейха в конце 1941 – начале 1942 гг. Во многом они отражали необходимость поддержания и сохранения существующего идеологического курса, в связи с чем требовалась изоляция советских граждан. Помимо этого, эксплуатация массового, почти бесплатного труда миллионов остарбайтеров открывала перед промышленными и политическими элитами рейха дополнительные возможности для накопления капитала, что само собой требовало уклонения от интеграции остарбайтеров в систему иностранного труда. Вышеперечисленные цели достигались за счет формального отождествления восточных рабочих с советскими военнопленными, которые в связи с тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, не попадали под ее действие и были полностью бесправны. Данная ситуация интересна тем, что демонстрирует взаимодействие государственной правовой практики с идеологией, отражающей непосредственные групповые интересы. В этом ключе сама формулировка «гражданские военнопленные», которая часто использовалась в официальных документах, с самого начала являлась идеологемой, направленной на преодоление существующих правовых ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Herbert U. Hitler's foreign workers: enforced foreign labor in Germany under the Third Reich. Cambridge, 1997. P. 95.

² См.: Ругенталер П. NS-иерархия иностранной рабочей силы на расовой основе // Принудительный труд белорусского населения в Австрии: документы и материалы. Грац-Минск, 2003. С. 27–45.

³ Там же. С. 35.

⁴ Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию: Документы и материалы. Т. 1. Минск, 1996. Кн. 1. С. 37.

⁵ Пастушенко Т.В. Оstarбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). Киев, 2009. С. 96.

⁶ Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию: Документы и материалы. С. 54.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Пастушенко Т.В. Оstarбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). С. 99.

⁹ Кузьминых А. Особенности правового положения военнопленных в СССР в годы Второй мировой войны // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей. Киев, 2009. Вип. 12. С. 267.

¹⁰ См.: Лоренц К. Агрессия: так называемое «зло». СПб., 2001. С. 290.

¹¹ См.: Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 238, 239.

¹² См.: Дубик М.Г. Прибутки одержані іноземним промисловим капіталом від використання примусової праці українців // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Киев, 2003. Вип. 7. С. 216.

¹³ См.: Андриянов В. Архипелаг OST. М., 2005. С. 61.

¹ Sm.: Herbert U. Hitler's foreign workers: enforced foreign labor in Germany under the Third Reich. Cambridge, 1997. P. 95.

² Sm.: Rugentaler P. NS-ierarhija inostranoj rabochej sily na rasovoj osnove // Prinuditel'nyj trud belorusskogo naselenija v Avstrii: dokumenty i materialy. Grac-Minsk, 2003. S. 27–45.

³ Tam zhe. S. 35.

⁴ Belorusskie ostarbajtery: ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju: Dokumenty i materialy. T. 1. Minsk, 1996. Kn. 1. S. 37.

⁵ Pastushenko T.V. Ostarbajteri z Kiivshhini: verbuvannja, primusova pracja, repatriacija (1942–1953). Kiev, 2009. S. 96.

⁶ Belorusskie ostarbajtery: ugon naselenija Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniju: Dokumenty i materialy. S. 54.

⁷ Tam zhe. S. 61.

⁸ Pastushenko T.V. Ostarbajteri z Kiivshhini: verbuvannja, primusova pracja, repatriacija (1942–1953). S. 99.

⁹ Kuz'minyh A. Osobennosti pravovogo polozhenija voennoplennyh v SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny // Storinki voennoi istorii Ukraïni: Zb. nauk. statej. Kiev, 2009. Vip. 12. S. 267.

¹⁰ Sm.: Lorenc K. Agressija: tak nazyvaemoe «zlo». SPb., 2001. S. 290.

¹¹ Sm.: Semirjaga M.I. Tjurenaja imperija nacizma i ee krah. M., 1991. S. 238, 239.

¹² Sm.: Dubik M.G. Pributki oderzhani inozemnim promislivim kapitalom vid vikoristannja primusovoi praci ukraïnciv // Storinki voennoi istorii Ukraïni: Zb. nauk. st. Kiev, 2003. Vip. 7. S. 216.

¹³ Sm.: Andrijanov V. Arhipelag OST. M., 2005. S. 61.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт функционирования системы «социальных лифтов» в пенитенциарных учреждениях зарубежных государств (психологический аспект)

А.Н. БАЛАМУТ – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

М.А. ЧЕРКАСОВА – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹ в сфере социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными была разработана и с 01.04.2011 г. внедрена в деятельность исправительных учреждений ФСИН России система стимулирования осужденных к законопослушному поведению, получившая название системы «социальных лифтов». Под ней понимается механизм изменения условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных на основе определенных критериев².

Говорить об эффективности данной системы представляется нам преждевременным. Однако уже сейчас определены критерии, по которым будут оцениваться изменения, происходящие в личности осужденного, его поступки, действия, стремление двигаться вверх либо вниз по системе «социальных лифтов». И здесь важной станет ориентация на международные стандарты и современные требования обращения с заключенными и на имеющийся положительный опыт функционирования соответствующей системы в пенитенциарных учреждениях зарубежных государств.

Использование достижений психологии в пенитенциарной практике органов и учреждений, исполняющих наказания (зарубежно-

го пенитенциарного опыта), видится весьма актуальным ввиду необходимости определения приоритетов и перспектив в данном направлении практической деятельности.

Проведенный анализ зарубежного пенитенциарного законодательства позволяет сделать вывод о стремлении индивидуализировать процесс стимулирования законопослушного поведения заключенных посредством установления открытого перечня поощрений и придания большей компетенции в решении данного вопроса субъектам, непосредственно исполняющим наказания в виде лишения свободы³.

Во второй половине XX столетия в пенитенциарной практике ряда зарубежных стран (США, Голландия и Дания) произошло активное смещение акцентов с медицинской модели, ориентированной на принудительное лечение преступников, на реинтеграционную, позволяющую создать среду, близкую к социуму, и добиться развития необходимых личностных качеств и навыков, важных для жизни на свободе.

Основными положениями реинтеграционной модели, получившей в дальнейшем повсеместное развитие, являются следующие:

- средства борьбы с преступностью должны рассматриваться как средства защиты общества гуманными методами, а не путем устрашения индивида;

- средства социальной защиты должны включать или нейтрализацию преступника путем изоляции его от общества (как крайняя мера), или применение к нему методов

исправления и воспитания с целью ресоциализации;

- уголовная политика государства, основанная на положениях доктрины новой социальной защиты, делает необходимой все большую гуманизацию уголовного законодательства и должна ориентироваться в большей степени на индивидуальное, чем на общее предупреждение преступности, то есть быть направленной на ресоциализацию конкретного преступника;

- работа по исправлению личности преступника предполагает восстановление у него уверенности в себе, формирование положительного личностного имиджа, чувства ответственности наряду с развитием просоциальных ценностей и личностных смыслов;

- процесс гуманизации системы уголовной юстиции подразумевает также научное осмысление причин преступности, изучение личности преступника еще на стадии расследования преступления, а также впоследствии, то есть во время реализации уголовного наказания, причем преимущественно без изоляции от общества, принимая во внимание степень его общественной опасности⁴.

Сама суть реинтеграционной модели заключается в последовательной реализации трех взаимосвязанных между собой компонентов, начинающихся с буквы Р: реформации личности, реабилитации социальной, реинтеграции поэтапной в общество. При этом реформация личности осуществляется на основе данных психодиагностики посредством применения индивидуальных и групповых методов психокоррекционного воздействия. Социальная реабилитация достигается через ресоциализацию заключенных, отнесенных к одной из классификационных групп, в специальных исправительных учреждениях. Поэтапная реинтеграция в общество базируется на психологической подготовке и адаптации освобождаемых из мест заключения к жизни на свободе, а также на социальной реабилитации в постпенитенциарный период. К практической реализации реинтеграционной модели приступили в США уже в начале 70-х гг.⁵

В то время как назначение наказания определяется главным образом исходя из соображений общей профилактики и безопасности, главная цель самого исполнения каждого приговора заключается в индивидуальной профилактике, которая осуществляется посредством применения такого режима обращения, который направлен на изменение социальной установки заклю-

ченного и оказание ему помощи на персональном и социально-психологическом уровнях для его социальной реабилитации, благодаря чему он сможет в будущем вести законопослушный образ жизни⁶.

Актуальным, на наш взгляд, будет являться рассмотрение тюремной системы Великобритании, в рамках которой в последнее десятилетие упрочняется статус и усиливается роль психологической службы. Так, применительно к последней определены следующие направления деятельности:

- разработка и внедрение классификационных систем заключенных, новых исправительных программ и моделей прогноза на основе оценки уровня риска при предоставлении условно-досрочного освобождения;

- проведение научных исследований, имеющих узкое прикладное значение для пенитенциарной практики;

- участие в психологической подготовке и аттестации тюремного персонала.

Заметим, что данный перечень далеко не полный, но, по нашему мнению, необходимо подробно рассмотреть именно приведенные три направления ввиду их целевой и практической значимости для отечественной пенитенциарной системы.

В рамках первого направления заслугой психологов является, прежде всего, участие в создании компьютерной системы «PROBE», представляющей собой расширенную базу данных с информацией относительно каждого заключенного в системе рассеивания и позволяющей четче ориентироваться при разработке индивидуальных программ воздействия, а также прогнозировать возможные инциденты. Непосредственно в тюрьмах дополнительную оценку личности заключенных психологи осуществляют как в ходе входного клинического интервью, так и на основе целенаправленного наблюдения за изменениями в личности и поведении заключенных при прохождении групповых программ. Для повышения надежности прогнозов изменения уровня риска конкретных заключенных к оцениванию привлекаются прошедшие специальную психологическую подготовку сотрудники других тюремных служб (положительный опыт тюрем Уэйкфилд и Линдхоум). Среди исправительных программ, разработанных психологами и рассматривающих заключенных как представителей определенных групп риска, позитивно себя зарекомендовали следующие: «Управление гневом», «Контроль тревожности», «Психокоррекция половых отклонений», «Повышение соци-

альных и познавательных умений», «Психотерапия наркотической и алкогольной зависимостей»⁷.

При реализации второго направления тюремные психологи разнопланово исследуют преимущественно проблемы самоубийства заключенных и причинения ими самоповреждений, а также социально-психологические и личностные аспекты феномена тюремного преследования.

В рамках третьего направления тюремная психологическая служба разрабатывает и реализует значительное количество краткосрочных курсов для конкретных категорий персонала или функционально-дискретных объединений, предназначенных для обеспечения безопасной окружающей среды, а именно: курсов по управлению стрессом, программ повышения психологической компетентности для грамотного поведения в конфликтных ситуациях, формирования навыков ведения переговоров и т.д.⁸

Таким образом, в пенитенциарной системе Великобритании, несмотря на присущий данной стране консерватизм, активно применяются современные достижения психологии, что приводит к позитивным изменениям и трансформации личности заключенных.

В Японии при осуществлении публичного контроля над преступностью важную роль играют меры, направленные на успешную ресоциализацию без чрезмерной стигматизации освобожденных из исправительных учреждений, с тем чтобы избежать формирования у них комплекса преступной личности, изгоя общества⁹. Достигается это путем вывода из сферы применения уголовного законодательства лиц, совершивших не столь тяжкие преступления; назначения для подавляющего числа лиц, признанных виновными, наказаний, не связанных с лишением свободы, или лишения свободы на непродолжительные сроки; применения дифференцированного подхода в обращении с заключенными; реализации широкой программы контроля и воспитания в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных из мест заключения.

Не менее интересным с научно-практической точки зрения является рассмотрение положительного опыта ресоциализации и социальной реабилитации такой категории лиц, как пожизненно заключенные (на примере Канады).

Работа с отбывающими пожизненное заключение преступниками начинается сразу, то есть на этапе адаптации к условиям от-

бывания наказания, поскольку этот период является наиболее кризисным для заключенных. Для большинства тюрем Канады характерно, что план работы с данной категорией лиц приводится в действие с момента их поступления в учреждение. В течение первого, а иногда и второго года отбывания наказания заключенного не привлекают к мероприятиям по ресоциализации, обеспечивая ему регулярные встречи с психологом. За это время осужденный адаптируется к условиям тюремной среды, способен понять смысл пожизненного заключения и смириться с приговором. Лишь в отдельных случаях работа по ресоциализации данной категории лиц откладывается на более поздний срок¹⁰.

В дальнейшем заключенные принимают участие в таких программах, как консультирование по предупреждению преступлений на сексуальной почве (программа по коррекции противоправного поведения – OSAP), управление гневом, формирование когнитивных жизненных навыков, развитие социальных навыков и коммуникативных умений, разрешение конфликтных жизненных ситуаций. Они становятся также членами различных групп поддержки, таких, например, как группа лайферов (отбывающих пожизненное заключение), группа консультирования по вопросам веры и взаимоотношений. Кроме того, в пенитенциариях существует множество добровольных общественных организаций: анонимные алкоголики и наркоманы, группы по профилактике суицида, осуществляющие соответствующий тренинг, а также эмоциональный тренинг, направленный на формирование навыков оказания помощи другим заключенным («Общество Больших братьев», «Самаритяне южной Альберты»), и др.¹¹

Реабилитационная работа осуществляется индивидуально. Как правило, тип программы, в которой участвует пожизненно заключенный, и методики его ресоциализации определяются в зависимости от его потребностей и интересов. Так, одна из программ, именуемая программой планирования времени, предлагается заключенным, обнаруживающим мотивацию к профессиональной подготовке. Она направлена на получение заключенными профессии в ходе выполнения определенных обязанностей либо внутри исправительного учреждения, либо в свободное от постоянной работы время. В рамках ее заключенные могут быть включены в резерв для

увеличения служебного штата или получить специальности санитаря тюремного госпиталя, помощника служащего пенитенциария, то есть те, которые обычно имеет персонал исправительной службы Канады. По данным опросов, заключенные почти единогласно считают образование одной из самых насущных потребностей. Овладение профессией является для них личным стимулом, поскольку они видят результаты своей деятельности¹².

В целом необходимо отметить следующее. По мнению инициаторов тюремной реформы, самым экономичным, гуманным, практичным и эффективным вариантом длительного пребывания в заключении является внедрение программ, направленных на помощь в условном освобождении ранее, чем через 25 лет, посредством последовательного снижения степени изоляции и постепенного освобождения. Как и в России, в Канаде возможность условно-досрочного освобождения является единственным стимулом исправления для лиц, отбывающих пожизненное заключение. Вместе с тем канадский опыт досрочного освобождения таких осужденных доказывает, что подавляющее большинство из них становятся законопослушными гражданами, если участвуют в программе постепенного, подконтрольного освобождения. Так, например, в период с 1996 по 1997 гг. из 15 222 условно освобожденных пожизненно заключенных лишь 1,3% был привлечен к уголовной ответственности за серьезные правонарушения¹³.

Значительную роль в процессе социальной адаптации играют общественные и религиозные организации, которые занимаются защитой прав освобожденных лиц, их духовным просвещением. Участие их в процессе ресоциализации осужденных является обязательным условием успешного возвращения последних в общество.

Для России зарубежный опыт функционирования системы «социальных лифтов» чрезвычайно интересен и актуален. На протяжении последнего десятилетия отечественная пенитенциарная система находится в состоянии поэтапного реформирования основных направлений своей деятельности. Представляется целесообразным разностороннее изучение иностранных пенитенциарных реалий и использование всего самого ценного с учетом российской ментальности, существующего у нас положительного опыта работы и специфики местных условий.

Важно отметить, что основной формой психологической работы с различными категориями заключенных являются психокоррекционные программы, базирующиеся на когнитивно-поведенческом подходе и теории социального научения. Большое внимание уделяется психокоррекционной работе с заключенными, употребляющими наркотические и психоактивные вещества, совершившими сексуальные преступления и насилие. Перспективным следует признать оптимальное сочетание групповых и индивидуальных методов психологической работы с осужденными.

При этом нельзя не заметить, что в силу недостаточной информированности отечественных пенитенциарных психологов о зарубежном опыте могут внедряться не самые лучшие средства диагностики и исправительного воздействия¹⁴.

Таким образом, проведенный компаративный анализ позволяет прийти к выводу о том, что исправительный процесс и его психологическая составляющая в любой стране имеют культурологическую обусловленность¹⁵. С учетом социокультурного контекста необходимо бережно сохранять национальный положительный опыт психологической работы в пенитенциарных учреждениях и активно осваивать позитивные результаты зарубежной практики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. ст. 5544.

² См.: Методические рекомендации по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства (Указание директора ФСИН России от 25.03.2011. № 15-5093-01).

³ См.: Прохорова М.В. Система мер стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, в пенитенциарном законодательстве зарубежных стран // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 4 (16). С. 74.

¹ Sm.: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O Konceptcii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. № 43. st. 5544.

² Sm.: Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniju sistemy «social'nyh liftov» v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii v uslovijah dejstvujushhego zakonodatel'stva (Ukazanie direktora FSIN Rossii ot 25.03.2011. № 15-5093-01).

³ Sm.: Prohorova M.V. Sistema mer stimulirovanija pravoposlušnogo povedenija nesovershennoletnih, osuzhdennyh k lisheniju svobody, v penitenciar'nom zakonodatel'stve zarubezhnyh stran // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 4 (16). S. 74.

⁴ См.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ): Моногр. М., 2000. С. 58–59.

⁵ См.: Там же. С. 60.

⁶ См.: Лаусен Б.В. Освобождение заключенных, приговоренных к длительным срокам, на условиях probation // Обращения с заключенными, приговоренными к длительным срокам тюремного заключения. Алматы, 2010. С. 22.

⁷ См.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ). С. 86–87.

⁸ См.: Там же. С. 87.

⁹ См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 106–107.

¹⁰ См.: Казакова Е.Н. Опыт ресоциализации и социальной реабилитации пожизненно заключенных в Канаде // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 51.

¹¹ См.: Там же. С. 52.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Там же. С. 53.

¹⁴ См.: Цемка И.В. Историко-сравнительный анализ использования достижений психологии в пенитенциарной практике англоязычных стран в XX столетии: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002.

¹⁵ См.: Багреева Е.В. Историко-сравнительный анализ психологической практики в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран и России: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

⁴ Sm.: Pozdnjakov V.M. Psihologija v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran v XX stoletii (istoriko-sravnitel'nyj analiz): Monogr. M., 2000. S. 58–59.

⁵ Sm.: Tam zhe. S. 60.

⁶ Sm.: Lausen B.V. Osvobozhdenie zakljuchennyh, prigovorenyh k dlitel'nym srokam, na uslovijah probacii // Obrashhenija s zakljuchennymi, prigovorennymi k dlitel'nym srokam tjuremnogo zakljuchenija. Almaty, 2010. S. 22.

⁷ Sm.: Pozdnjakov V.M. Psihologija v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran v XX stoletii (istoriko-sravnitel'nyj analiz). S. 86–87.

⁸ Sm.: Tam zhe. S. 87.

⁹ Sm.: Morozov N.A. Prestupnost' i bor'ba s nej v sovremennoj Japonii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Vladivostok, 2000. S. 106–107.

¹⁰ Sm.: Kazakova E.N. Opyt resocializacii i social'noj rehabilitacii pozhiznenno zakljuchennyh v Kanade // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2008. № 3. S. 51.

¹¹ Sm.: Tam zhe. S. 52.

¹² Sm.: Tam zhe.

¹³ Sm.: Tam zhe. S. 53.

¹⁴ Sm.: Cemka I.V. Istoriko-sravnitel'nyj analiz ispol'zovanija dostizhenij psihologii v penitenciarnoj praktike anglojazychnyh stran v XX stoletii: Dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2002.

¹⁵ Sm.: Bagreeva E.V. Istoriko-sravnitel'nyj analiz psihologicheskoj praktiki v penitenciarnyh uchrezhdenijah skandinavskih stran i Rossii: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2006.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на практические рекомендации
«Применение уголовно-процессуальных
мер в отношении несовершеннолетних
подозреваемых и обвиняемых»,
подготовленные кандидатом юридических
наук, доцентом Колпаковой Л.А.
и кандидатом юридических наук,
доцентом Спиридоновой Ю.Н.**

О.Н. БЕЛОВА – начальник отдела участковых уполномоченных и по делам несовершеннолетних УВД по Вологодской области

Представленные на рецензирование практические рекомендации отражают важнейшие вопросы, касающиеся уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Автор касается только досудебных стадий, раскрывая проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних, а также применения к ним мер процессуального принуждения и производства следственных действий с их участием.

Постановка проблемных вопросов в практических рекомендациях согласуется с последними веяниями уголовно-процессуальной политики, а также с современными научными разработками в области проблем ювеналистики. Выводы и предложения авторов основаны на обобщении статистических данных, примеров из юридической практики. Не вызывает сомнения актуальность и своевременность подготовки данных практических рекомендаций ввиду того, что обеспечение прав несовершеннолетних и в то же время повышение эффективности применяемых к ним мер является одной из приоритетных задач уголовного процесса.

Безусловно, заслуживают внимания разъяснения по поводу применения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых ч. 3 ст. 20 УК РФ, поскольку из буквального смысла данной правовой нормы сложно уяснить рамки ее применения.

Рассмотрение широкого перечня вопросов и проблем в работе позволяет ориентировать данные практические рекомендации на самого различного читателя. То есть они могут быть рекомендованы не только для использования в практической деятельности, но и при подготовке курсантами и студентами курсовых, выпускных квалификационных работ, научных статей.

Структура работы логически выстроена, соответствует содержанию в полном объеме. Приложения дополняют содержательную часть. Работа не ограничивается только рассмотрением вопросов уголовного процессуального права, а носит междисциплинарный характер и будет интересна всем, кто интересуется проблемами наук уголовно-правового цикла.

Все сказанное позволяет сделать заключение о рекомендации данных практических рекомендаций к опубликованию, внедрению в учебный процесс, а также использованию в практике работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми сотрудников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, а также специалистов, осуществляющих психологическое и социальное сопровождение рассматриваемой категории лиц.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Кузьминых А.Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.): Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 180 с. – ISBN 978-5-94991-233-1.

Монография посвящена истории формирования и функционирования органов и учреждений военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР. Раскрываются структура и основные направления деятельности фронтовых и тыловых учреждений для содержания военнопленных и интернированных, а также центральных и региональных органов управления ими в годы войны и послевоенный период.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам и курсантам, а также всем, кто интересуется историей Второй мировой войны.

Елагин А.Г., Мельникова Н.А. Административная деятельность исправительных учреждений: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 166 с. – ISBN 978-5-94991-231-7.

В монографии освещаются теоретические вопросы административной деятельности исправительных учреждений, анализируются функциональная и организационная структуры учреждений ФСИН России, дается характеристика форм и методов административной деятельности исправительных учреждений, а также формулируются предложения по совершенствованию организации и правового регулирования таких административных производств, осуществляемых сотрудниками исправительных учреждений, как производство по делам об административных правонарушениях, по комплектованию кадров, по обеспечению личной безопасности сотрудников учреждений.

Предназначена для научных и практических работников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и курсантов учебных заведений ФСИН России.

Штефан Е.Ф. Агрессивное поведение осужденных мужского пола с длительными сроками лишения свободы и пути его коррекции: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 180 с. – ISBN 978-5-94991-234-8.

В монографии представлен анализ подходов к изучению агрессивного поведения и его особенностей у осужденных мужского пола, отбывающих длительные

сроки наказания в виде лишения свободы, раскрыты возможные пути психологической коррекции данного явления. Автором выявлена сущность и роль конкретных факторов, влияющих на агрессивное поведение осужденных мужского пола с длительными сроками наказания в экзистенциальных ситуациях; определены критерии отнесения осужденных, склонных к агрессии, к специфическим группам пенитенциарного риска; разработана и апробирована психотехнология коррекции агрессивных проявлений у осужденных, учитывающая их личностные и пенитенциарно-субкультурные характеристики.

Издание адресовано научным и практическим работникам уголовно-исполнительной системы, преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям ведомственных учебных заведений ФСИН России.

Актуальные вопросы участия органов и учреждений ФСИН России в размещении заказов без проведения торгов: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. С.Н. Кондратовская, Д.В. Углицких. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 101 с.

В сборник вошли статьи профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, практических работников ФСИН России, сотрудников иных ведомств и курсантов, выступивших на семинаре, который состоялся 21 мая 2011 года в ВИПЭ ФСИН, организованном кафедрой гражданско-правовых дисциплин. Семинар проводился в целях определения основных направлений дальнейшей работы кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России по исследованию проблем, возникающих в сфере участия органов и учреждений ФСИН России в размещении заказов без проведения торгов, совершенствованию преподавания курсов «Гражданское право», «Российское предпринимательское право», «Коммерческое право».

Особенности воспитательной работы с курсантами ведомственного вуза: Сборник научных статей / Под общ. ред. д-ра пед. наук, доцента Э.В. Зауторовой. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 207 с.

Сборник научных статей подготовлен по итогам работы научно-практического интернет-семинара (г. Вологда, 11 февраля 2013 г.), который проводился с целью привлечения внимания сотрудников уголовно-исполнительной системы, научной общественности к проблемам организации воспитательной работы с курсантами ведомственного вуза. В представленных статьях освещаются различные проблемы воспитания курсантов, показаны пути организации разнообразных форм и методов в работе с будущими сотрудниками пенитенциарной системы.

Проблемы актуализации личностного потенциала осужденных: гендерный аспект: Сборник материалов научно-практического семинара / Под общ. ред. О.Н. Ракитской, А.В. Сперанской. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 86 с.

Содержание сборника составляют материалы научно-практического семинара по проблемам актуализации, диагностики и развития личностного потенциала осужденных, организованного на кафедре общей психологии ВИПЭ ФСИН России. Представленные публикации отражают результаты исследований, связанных с определением содержания понятия потенциала личности в контексте ее развития и формирования, а также включают описание опыта применения диагностических и психотехнических

средств, полезных для психолого-педагогического сопровождения процесса исправления и ресоциализации осужденных мужчин и женщин.

Сборник адресован широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям психологических факультетов, практическим работникам уголовно-исполнительной системы.

Уголовно-исполнительная политика в контексте трансформации российского общества: Сборник материалов научного семинара / Отв. ред. Н.А. Белова, А.Е. Творогов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 94 с.

В сборнике представлены материалы, освещающие различные аспекты уголовно-исполнительной политики, ее взаимосвязь с современными мировыми и российскими социально-политическими процессами. Данное издание, подготовленное в соответствии с Планом НИОКД ВИПЭ ФСИН России на 2012 г., предназначено для научных и практических работников, преподавателей, адъюнктов и курсантов учебных заведений ФСИН России. Материалы сборника могут быть использованы в рамках служебной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ушаков Г.А., Комиссаров Е.Л., Фомичев А.В. Организация системы подготовки в спортивном рукопашном бое: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 224 с. – ISBN 978-5-94991-242-3.

Допущено Учебно-методическим объединением по направлениям педагогического образования Министерства образования и науки РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100 – Педагогическое образование

Учебное пособие содержит описание основных технических приемов, используемых в рукопашном бое, и изложение методики их освоения. Авторами предлагается система организации и планирования учебно-тренировочного процесса в группах спортивного совершенствования.

Издание предназначено в первую очередь для тренеров-преподавателей, организующих и проводящих занятия в группах спортивного совершенствования, созданных на базе высших учебных заведений ФСИН России, а также будет полезно для самостоятельного изучения спортсменами различной квалификации, занимающимся рукопашным боем и желающим повысить уровень своей подготовки, разнообразить двигательный и технический арсенал.

Желтов А.А. Пенитенциарная социология: Курс лекций. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 359 с. – ISBN 978-5-94991-237-9.

В рамках данного курса автором подробно рассматриваются многообразные общественные явления и отношения, возникающие в пенитенциарной сфере, формируется комплексное представление о функционировании УИС как определенной социальной системы. С позиций социологии анализируются процессы, происходящие в среде осужденных, и различные аспекты служебной деятельности сотрудников; выявляются многочисленные взаимовлияния УИС и общества, раскрываются актуальные социальные проблемы деятельности УИС.

Издание предназначено для курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России.

Белова Н.А. Региональные аспекты пенитенциарной системы России (на материалах Воло-

годского края): Курс лекций. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 195 с. – ISBN 978-5-94991-239-3.

В курсе лекций представлен исторический обзор основных этапов развития пенитенциарной системы России на примере конкретного региона. Изложенный материал отражает эволюцию органов и учреждений исполнения наказаний в Вологодском крае с XII до начала XXI вв.

Курс лекций предназначен для курсантов и слушателей ведомственных вузов ФСИН России, изучающих данную дисциплину, а также для всех интересующихся историей отечественной уголовно-исполнительной системы и краеведов.

Павлов А.А., Бухтин А.В. Научные основы квалификации преступлений: Курс лекций. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 90 с. – ISBN 978-5-94991-246-1.

В курсе лекций обобщены научные представления о квалификации преступлений с содержательной и практической стороны на основе трудов ученых-юристов и опыта расследования отдельных категорий преступлений. Материал подготовлен с учетом современного российского законодательства по состоянию на 1 июня 2011 г.

Издание предназначено для курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля всех форм обучения, адъюнктов, соискателей, преподавателей, практических работников уголовно-исполнительной системы и всех тех, кто интересуется проблемами квалификации преступлений.

Баламут А.Н. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 84 с. – ISBN 978-5-94991-229-4

В учебном пособии рассматриваются специфика и психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, обусловленные действием различного рода стресс-факторов, влияющих на личность, раскрываются понятие, принципы, содержание психологической подготовки сотрудников УИС, предлагаются способы эффективного ведения переговоров в ситуации захвата заложников, описываются методы саморегуляции и самопомощи, которые могут использоваться при работе в экстремальных условиях.

Издание предназначено для курсантов и слушателей, преподавателей, адъюнктов ведомственных вузов ФСИН России, а также широкого круга специалистов, профессиональная деятельность которых связана с исполнением наказаний.

Административная юрисдикция: Учебное пособие / А.Н. Миронов, С.В. Косоногова, Н.А. Мельникова, О.В. Дербина. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 162 с. – ISBN 978-5-94991-238-6.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с программой одноименного учебного курса для юридических вузов, с учетом последних изменений в российском законодательстве. В пособии рассматривается место административной юрисдикции в системе административного права, понятие, сущность и содержание административно-процессуальной деятельности по делам об административных правонарушениях.

Пособие предназначено для слушателей и адъюнктов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для практических работников, осуществляющих административную юрисдикцию.

Информационные технологии в производственной деятельности уголовно-исполнительной системы: Учебное пособие / Отв. ред. А.А. Бабкин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 174 с. – ISBN 978-5-94991-241-6.

Учебное пособие охватывает основной материал по курсу «Информационные технологии». Рассматриваются области применения информационных технологий в профессиональной деятельности сотрудника УИС, в том числе дается описание специализированных программных средств.

Предназначено для курсантов и слушателей, обучающихся по направлению 250400 «Технология лесозаготовительных и деревоперерабатывающих производств» в образовательных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, а также для научных сотрудников, адъюнктов и преподавателей. Кроме того, может быть использовано при организации занятий в системе служебной подготовки практических работников Федеральной службы исполнения наказаний и других правоохранительных органов.

Голодов П.В., Малкова Л.Л. Кадровое планирование в учреждениях уголовно-исполнительной системы: Методические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 51 с. – ISBN 978-5-94991-232-4.

В методических рекомендациях дано системное представление о содержании кадрового планирования в учреждениях ФСИН России, раскрыты основные проблемы его осуществления, обозначены наиболее важные моменты и методологические принципы, которые необходимо учитывать при организации планирования различных направлений кадровой работы в уголовно-исполнительной системе.

Предназначены для руководителей кадровых аппаратов учреждений ФСИН России.

Колпакова Л.А., Спиридонова Ю.Н. Применение уголовно-процессуальных мер в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 48 с. – ISBN 978-5-94991-240-9.

В практических рекомендациях уделяется внимание проблемам возрастной вменяемости и процессуальной дееспособности несовершеннолетних, реализации международных принципов и новых правовых технологий на досудебных этапах производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, проблемам применения мер процессуального принуждения, организации предварительного расследования и производства следственных действий.

Практические рекомендации предназначены для курсантов, слушателей, студентов вузов юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, преподавателей, практических работников, а также всех тех, кто интересуется проблемами ювеналистики.

Обеспечение права несовершеннолетних осужденных на квалифицированную юридическую помощь: Практические рекомендации / Отв. ред. С.А. Софронова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 38 с. – ISBN 978-5-94991-228-7.

Рекомендации адресованы сотрудникам воспитательных колоний (воспитательных центров), помощникам начальников территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека в УИС, а также курсантам, слушателям, адъюнктам и соискателям, профессорско-преподавательскому составу образовательных учреждений ФСИН России, а также всем,

кто интересуется вопросами прав подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

Мельникова Н.А. Организация деятельности учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по делам об административных правонарушениях: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 56 с. – ISBN 978–5–94991–236–2.

В практических рекомендациях рассматриваются вопросы организации деятельности должностных лиц учреждений Федеральной службы исполнения наказаний на каждой стадии административного производства в случае выявления административных правонарушений. Также в рекомендации включены образцы процессуальных документов, разработанные в соответствии с положениями КоАП РФ.

Предназначены для сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, профессорско-преподавательского состава, курсантов учебных заведений ФСИН России.

Пресняков С.Ю., Некрасов С.В. Практические рекомендации для сотрудников специальных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний по огневой подготовке. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 39 с.

Практические рекомендации по освоению оперативно-тактических способов стрельбы из ручного стрелкового оружия содержат накопленный практический и теоретический опыт, который может быть использован в современных условиях при нейтрализации незаконных вооруженных формирований, а также при проведении контртеррористических операций. Особое внимание уделяется детальному рассмотрению вопросов, отражающих порядок использования ручного стрелкового оружия в различных условиях. Обращается внимание на обязательность и значимость психологической подготовки сотрудника ФСИН России.

Предназначены для сотрудников отделов специального назначения ФСИН России.

Пресняков С.Ю., Кондрашин О.В., Воронов Ю.В. Приемы практической стрельбы из автомата Калашникова: Методические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 22 с.

Методические рекомендации по освоению практических приемов стрельбы из автомата в различных условиях содержат накопительный боевой опыт, который может быть использован в современных условиях при нейтрализации незаконных вооруженных формирований, а также при проведении контртеррористических операций. Особое внимание уделяется детальному рассмотрению вопросов использования автомата в боевых условиях.

Предназначены для сотрудников отделов специального назначения ФСИН России.

Зауторова Э.В. Ситуации морального выбора в нравственном воспитании осужденных молодежного возраста: Методические рекомендации для сотрудников исправительных учреждений. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 105 с. – ISBN 978–5–94991–243–0.

Методические рекомендации включают подборку ситуаций морального выбора, взятых из произведений художественной литературы. Обсуждение, моделирование и применение данных ситуаций в воспитательной работе с осужденными являются важным условием жизненной активности молодого человека, развивают критическое мышление и нравственные суждения

участников, способствуют формированию, развитию и коррекции ценностных ориентаций осужденных молодежного возраста, более успешной адаптации в обществе после освобождения. Предлагаемые для обсуждения ситуации рекомендуется использовать в воспитательной работе с малыми группами осужденных.

Предназначены для сотрудников исправительных учреждений ФСИН России.

Технологический справочник пенитенциарной социальной работы: практические консультации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 391 с.

Данное издание является итогом четырехлетней научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава кафедры социальной работы в УИС Вологодского института права и экономики ФСИН России и ученых Высшей школы социальной работы Высшего специального учебного заведения Северо-Западной Швейцарии (г. Ольтен, Швейцария) над темой «Технологическое обеспечение отечественной пенитенциарной социальной работы» в рамках реализации российско-швейцарского проекта «Навстречу социальной интеграции».

Данное издание предназначено для сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих не только с осужденными, но и с личным составом. Справочник будет полезен специалистам органов социальной защиты населения, практикам в сфере социальной, социально-педагогической и образовательной деятельности, а также курсантам, студентам, слушателям, преподавателям вузов и научным работникам.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В текущем учебном году в Вологодском институте права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний впервые был проведен международный конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу среди молодых ученых, посвященный памяти А.И. Зубкова.

Уже четыре года нет с нами Александра Ильича Зубкова, но память бережно хранит воспоминания об этом замечательном человеке, высококвалифицированном юристе, талантливом педагоге, выдающемся ученом-пенитенциаристе, стремившемся использовать свою энергию, свои знания, способности с пользой для других.

Зубков Александр Ильич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Его имя имеет не только всероссийскую, но и мировую известность, поскольку связано с научным осмыслением и обеспечением прогрессивного развития советской исправительно-трудовой системы и уголовно-исполнительной системы современной России.

Для нас имя Александра Ильича Зубкова нераздельно связано с жизнью Вологодского института права и экономики ФСИН России, профессором которого он являлся с 2001 г. и до последних дней своей жизни.

Огромный вклад Александр Ильич Зубков внес в укрепление научного потенциала нашего института. При его непосредственном содействии определялись и разрабатывались основные направления научной деятельности института.

Александр Ильич Зубков являлся постоянным и активным организатором и участником проводимых в институте научных мероприятий, задавал их тон, вовлекал участников в обсуждение острых проблем, отстаивал свое мнение, проявляя уважение и к мнению других. Его выступления всегда были понятны и интересны любому из присутствующих.

Существенным является вклад Александра Ильича Зубкова в становление и развитие адъюнктуры нашего института, функционирующей с 2003 г. Под его руководством пять выпускников адъюнктуры успешно защитили диссертационные исследования по актуальным проблемам уголовного и уголовно-исполнительного права. Такой результат оказался возможным благодаря отеческой заботе Александра Ильича о каждом своем ученике.

Основная цель конкурса памяти Александра Ильича Зубкова – активизация научно-исследовательской деятельности в вузе, повышение качества подготовки специалистов для правоохранительных органов, развитие творческих способностей молодых ученых.

В конкурсе приняли участие молодые ученые Академии ФСИН России, ВИПЭ ФСИН России, Кузбасского института ФСИН России, Самарского юридического института ФСИН России, Воронежского института ФСИН России, Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Черниговского юридического колледжа Государственной пенитенциарной службы Украины.

Работы молодых ученых оценивала конкурсная комиссия, состоявшая из представителей пяти отечественных и зарубежных вузов. Председатель комиссии – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе кандидат юридических наук, доцент П.В. Голодов.

Первое место в конкурсе занял представитель Воронежского юридического института ФСИН России В.В. Зозуля с монографией «Совокупность преступлений против собственности: вопросы квалификации и назначения наказания».

Призерам конкурса были вручены памятные дипломы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багреева Е.Г., профессор кафедры социальной работы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: bagr@alterlan.ru

Баламут А.Н., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: balamut01@yandex.ru

Белов О.А., начальник отдела организации научной работы Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Белова Н.А., преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Боровиков С.А., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Звонов А.В., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: zvonov_av@mail.ru

Зубкова В.И., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук. E-mail: zubkovaw.i@mail.ru

Иванчин А.В., доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Кинёв А.Ю., начальник Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: kinev@rambler.ru

Крюкова Е.В., адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sobolev-nikolai@mail.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: istorial@mail.ru

Лютынский А.М., доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anton040677@gmail.com

Новиков Е.Е., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: mavr-85@mail.ru

Ображиев К.В., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: okv79@mail.ru

Павлушков А.Р., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Пичугин С.А., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: penalcode@yandex.ru

Рыбаков А.А., заместитель руководителя следственного отдела по г. Коврову следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области. E-mail: aleksandr-rybakov-1983@mail.ru

Рюмин Р.В., директор средней школы № 29 им. А.А. Попова г. Вологды, кандидат филологических наук, доцент, академик Международной академии социальных технологий. E-mail: romanryumin@mail.ru

Рябкова Е.О., курсант 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Соболев Н.Г., старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: sobolev-nikolai@mail.ru

Черкасова М.А., начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России. E-mail: marina_vvk@mail.ru

Чернявский В.В., старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, аспирант кафедры истории Украины Николаевского национального университета им. В.О. Сухомлинского. E-mail: garadream1@yandex.ru

Шаталов А.С., доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор. E-mail: asshatalov@rambler.ru

Ширяев В.Ф., доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vfshiryayev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Bagreeva E.G., Professor of the Chair of Social Work in the Penal Service of the Vologda Institute of Law and Economics if the FPS Russia, Doctor of Law, Professor. E-mail: bagr@alterlan.ru

Balamut A.N., Associate Professor of the Chair of Organization of Psychological Services in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: balamut01@yandex.ru

Belov O.A., Head of the Organization of Scientific Work in the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Belova N.A., Lecturer of the Chair of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Borovikov S.A., Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Cherkasova M. A., Head the Chair of Organization of Psychological Services in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: marina_vvk@mail.ru

Cherniavskiy V.V., postgraduate student of Nikolaev National University named after V.O. Suhomlinsky, Senior Researcher of the Nikolaev Regional Museum. E-mail: garadream1@yandex.ru

Ivanchin A.V., Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State P.G. Demidov University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Kinev A.Yu., Head of the Anticartel Department of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, Postgraduate of the Moscow O.E. Kutafin University, PhD. in Law. E-mail: kinev@rambler.ru

Krukova E.V., Postgraduate Student of the Chair of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sobolev-nikolai@mail.ru

Kuzminykh A.L., Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Postgraduate of the Chair for Domestic Russian History in the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University. E-mail: istorial@mail.ru

Liutynskiy A.M., Associate Professor of the Chair of Criminal Procedural Law of the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: anton040677@gmail.com

Novikov E.E., Associate Professor of the Chair of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: mavr-85@mail.ru

Obrazhiev K.V., Head of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, PhD. in Law, Assistant Professor. E-mail: okv79@mail.ru

Pavlushkov A.P., Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Pichugin S.A., Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: penalcode@yandex.ru

Ryabkova E.O., Student of the 4th year of the Faculty for Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Rybakov A.A., Deputy Chief of Investigate Department in Kovrov of Investigate Direction of Investigate Committee of the Russian Federation in Region Vladimir. E-mail: aleksandr-rybakov-1983@mail.ru

Ryumin R.V., Director of the Municipal Educational Institution «Secondary school № 29 named after A.A. Popov» Vologda, PhD. in Philology, Associate Professor, Academician of the International Academy of Social Technologies. E-mail: romanryumin@mail.ru

Shatalov A.S., Doctor of Law, Professor of the Chair on Judiciary and Justice Organization of the National Research University «Higher School of Economics», Professor. E-mail: asshatalov@rambler.ru

Shiryayev V.F., Associate Professor of Criminal Law of the NorthWest Institute (branch) of the O.E. Kutafin University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: vfshiryayev@mail.ru

Sobolev N.G., Senior Lecturer of the Chair of Juridical Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: sobolev-nikolai@mail.ru

Zubkova V.I., Professor of Criminal Law and Criminology of the M.V. Lomonosov University, Doctor of Law. E-mail: zubkovav.i@mail.ru

Zvonov A.V., Lecturer of the Chair of Penal Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: zvonov_av@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П.Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-36704

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес издателя:

160000, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 9

Телефоны:

(8172) 51-82-50

(8172) 53-60-79

(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 28.06.13

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 4308

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.